

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

З.А. Кожев

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕРКЕСИИ
(XVI – НАЧ. XIX в.): ПРИНЦИПЫ САМООРГАНИЗАЦИИ**

**Нальчик
2016**

УДК 94(470.64).04
ББК 63.3(2)4
К 58

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Рецензенты:

Т.Х. Алов, кандидат исторических наук
А.С. Мирзоев, кандидат исторических наук

Кожев З.А.

3 – 58 Социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии (XVI – нач. XIX в.): принципы самоорганизации. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 172 с.

Северо-Западный и Центральный Кавказ в XVI–XVIII вв. был ареной интенсивных межэтнических коммуникаций. Феодалные княжества Черкесии, многочисленные общины горцев находились в тесном симбиозе. Ландшафт, историческая география региона, особенности хозяйственно-экономической деятельности и социально-политической организации черкесов и других этносов региона детерминировали системный характер связей между всеми субъектами исторического процесса. Иерархический принцип самоорганизации социально-политического и этнокультурного пространства Черкесии послужил матрицей для процессов синергии в рамках всего региона. В результате на протяжении позднего Средневековья и в Новое время на Северо-Западном и Центральном Кавказа имели место процессы социальной и этнокультурной эволюции, определившие динамику общественного развития, а также сложную структуру этнического самосознания черкесов и других народов региона.

Издание предназначено для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей народов Северного Кавказа периода позднего Средневековья и Нового времени.

© Кожев З.А., 2016
© ИГИ КБНЦ РАН, 2016

THE INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH –
affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

Z.A. Kozhev

**SOCIO-POLITICAL
AND ETHNO-CULTURAL SPACE CIRCASSIA
(XVI – THE BEGINNING OF XIX CENTURY):
RECEIVED SELF-PLES**

**Nalchik
2016**

UDK 94(470.64).04
BBK 63.3(2)4
Z 58

Is printed according to the decision
of the Scientific council of IHR KBSC RAS

Reviewers:

T.H. Alov, candidate of historical sciences
A.S. Mirzoev, candidate of historical sciences

Kozhev Z.A.

Z –58 Socio-political and ethno-cultural space Circassia (XVI – the beginning of XIX century): received self-ple. – Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2016. – 172 p.

Northwest and Central Caucasus in the XVI–XVIIIth centuries were the arena of intensive interethnic communications. The feudal principalities of Circassia, numerous communities of mountaineers were in close symbiosis. The landscape, historical geography of the region, feature of economic activity and the socio-political organization of circassians and other ethnoses of the region determined system nature of communications between all subjects of historical process. The hierarchical principle of self-organization of social-political and ethnic-cultural space of Circassia served as a matrix for processes of synergy within all region. As a result throughout the late Middle Ages and during Modern times on Northwest and Central the Caucasus the processes of social and ethnic-cultural evolution which determined dynamics of social development, and also complex structure of ethnic consciousness of circassians and other people of the region took place.

The publication is intended for professionals and a wide range of readers interested in the history of the peoples of the Northern Caucasus, the late Middle Ages and in modern times.

© Kozhev Z.A., 2016
© IHR KBSC RAS, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории этно- и культурогенеза современных народов Северного Кавказа (черкесов (адыгов), абазин, карачаевцев, балкарцев, осетин, ингушей, чеченцев) является одним из основных предметов исследования отечественного кавказоведения.

Северо-Западный и Центральный Кавказ представляет собой часть более обширной кавказской историко-культурной области и, несмотря на этническое многообразие, отличается определенным единством этнокультурных параметров, присущих населяющим его народам. Сложение северокавказской этнокультурной общности происходило в процессе длительной социокультурной эволюции в конкретных исторических условиях, подчиняясь внутренней логике развития, обусловленного целым рядом естественно-географических, экономических и социально-политических факторов. Причем именно Центральный Кавказ во все исторические эпохи выступал ареной наиболее активных интеграционных процессов в регионе. Народы населявшие кавказский перешеек всегда находились в зоне досягаемости мощных культурных импульсов древних цивилизаций. Западный Кавказ (черноморское побережье и бассейн Нижней Кубани) с античной эпохи тяготел к Средиземноморской цивилизации, а в Дагестане отчетливо просматривается переднеазиатское (особенно Иранское) культурное доминирование. Центральное Предкавказье, начиная с позднеантичного времени и раннего средневековья было тем субрегионом Северного Кавказа, в котором происходило интенсивное взаимодействие кочевого мира и автохтонных кавказских племен – наследников Майкопской и Кобанской культур. Проникновение степных этнокультурных традиций с одной стороны и сопряжение их с местной субстратной основой на Центральном Кавказе началось как минимум со скифо-сарматской эпохи и имело весьма существенные последствия. На территории от верхней Лабы до Нижнего Терека постепенно сложилась Кавказская Алания – первое известное в исторических источниках этнополитическое образование, объединившее значительную часть северокавказского региона. Сарматское, а затем аланское доминирование в степном Предкавказье постепенно сменилось хазаро-болгарским. Своего апогея социально-политическое и экономическое доминирование в Предкавказье народов тюркского этноязыкового круга достигло в эпоху Золотой Орды. И весьма характерно, что крупнейшие региональные городские центры

Золотой Орды находились опять же на Центральном Кавказе и Предкавказье. После победоносных походов Тимура и развала Золотой Орды на Центральном Кавказе в очередной раз произошли кардинальные этнодемографические изменения. С XV в. начинается расцвет феодальной Черкесии и возвышение Кабарды. По археологическим материалам ареал формирования и распространения позднесредневековой кабардинской культуры XV–XVII вв. фактически повторяет очертания Кавказской Алании. Долгое время Кабарда, являясь крупнейшим феодальным социумом Северного Кавказа, играла выдающуюся роль в истории края. Конгломерат кабардинских удельных княжеств претендовал на доминирующие позиции в регионе. Связанная системой устойчивых социально-культурных отношений практически со всеми крупными этническими общностями Северного Кавказа, Кабарда стала одним из активнейших субъектов исторического процесса, имевшего место в регионе.

Таким образом, можно говорить о вполне определенной закономерности в возникновении на Центральном Кавказе политических образований (или региональных центров), претендующих на доминирование в пределах всего региона и объединяющих весьма разнородные этнические элементы в единое социокультурное пространство. До практического включения народов Северного Кавказа в государственно-правовое пространство Российской империи система этносоциальных отношений, сложившаяся в регионе, играла самостоятельную роль в процессах этно- и культурогенеза черкесов и других народов края. Ее реконструкция и изучение на материалах XVI–XVIII в., на наш взгляд, может позволить не только яснее представить степень влияния межэтнического взаимодействия северокавказских народов на формирование их современного этнокультурного облика. На примере черкесско-горских отношений XVI–XVIII вв. станет возможным раскрытие алгоритма многовековых этнокультурных взаимодействий между равнинным степным населением и горскими общинами Северного Кавказа. Эти процессы во многом создали языковую мозаику на Центральном Кавказе и в то же время парадоксальным образом способствовали унификации значительной части этнокультурных параметров, присущих населяющим его народам.

Цель нашего исследования состоит в изучении системы этносоциальных отношений, как фактора синергии в рамках Черкесии и той роли, которую они сыграли в социальном развитии, этно- и культурогенезе коренных народов региона в XVI–XVIII вв. Хронологические рамки исследования ограничены XVI–XVIII вв. по следующим причинам. Черкесы со времен массового заселения Центрального Кавказа

вошли в соприкосновение со всеми основными этническими группами населения края (абазинами, карачаево-балкарцами, осетинами, вайнахами). Система этносоциальных отношений, связывавшая восточных черкесов с западными, а также с горскими народностями Северного Кавказа сложилась на рубеже XV–XVI веков и просуществовала до начала фактического присоединения региона к России на рубеже XVIII–XIX вв. Это позволяет избрать XVI–XVIII вв. для изучения системы этносоциальных отношений, связывавшей народы края, в процессе динамического развития до ее кардинального разрушения военно-административными мерами Российского государства, которое с нач. XIX в. активизировало свою борьбу за прочное обладание Кавказом.

Для решения поставленной задачи нам представляется необходимым акцентировать внимание на следующих аспектах проблемы. Во-первых, необходимо определить причины и условия формирования системных (устойчивых, постоянно возобновляющихся) этносоциальных связей между различными общинами Северного Кавказа. Это особенности естественно-географических условий, в которых складывались хозяйственно-культурные типы равнинного и горного населения Северного Кавказа, а так же особенности хозяйственно-экономической деятельности субъектов отношений.

Еще одним важным фактором, определявшим особенности межэтнических отношений была общая этнодемографическая ситуация на Северном Кавказе. Она имела свою динамику, но на протяжении всего обозначенного нами периода кардинально не менялась, особенно на Центральном Кавказе. Значительные изменения этнодемографической ситуации на протяжении XVI–XVIII вв. наблюдались лишь на крайнем западе и востоке северокавказского региона.

Разнообразие форм политической организации народов Северного Кавказа так же является одним из основных определяющих факторов их отношений в эпоху позднего Средневековья и в Новое время. Примечательно, что резкие социальные изменения (как и в случае с этнодемографической динамикой) не характерны для Центрального Кавказа XVI–XVIII вв. По видимому, процессы этнокультурной и социальной эволюции, происходившие здесь подчинялись иным закономерностям.

Для того, чтобы их выявить, нам представляется необходимым уделить особое внимание изучению институциональной базы устойчивых этносоциальных и этнокультурных связей между различными группами населения Северного Кавказа. Особое значение для их функционирования, на наш взгляд, имели сеньориально-вассальные, атаклычество, гостеприимство и покровительство. Институты выстраивания и гармонизации иерархических связей (сеньориально-вассальные

отношения, аталычество, гостеприимство и покровительство) конечно же, не могли разрешить все задачи интенсификации и легитимизации межэтнических отношений. Кроме институций комплиментарных отношений, можно выделить и такие, которые регулировали самые щекотливые и негативно окрашенные межэтнические взаимодействия. Например, институт кровной мести, имел серьезные различия функционирования и играл достаточно важную роль в системе межобщинных связей. Особенно когда это касалось аристократических фамилий. Однако институт кровной мести остался за рамками нашего исследования в основном из-за недостатка материала по XVI–XVIII вв.

За рамками нашего исследования осталось еще несколько специфических вопросов. Это история династических связей черкесской аристократии и проблемы исторической генеалогии. Династические связи черкесов в XVI–XVIII вв. выходили далеко за рамки Северного Кавказа. Причем наиболее известные и значимые с точки зрения интенсификации международных связей черкесов хорошо известны и являются скорее вопросами политической истории Кабарды. Что касается большого числа черкесских патронимий иноэтничного происхождения, равно как и фамилий черкесского происхождения среди других народов Кавказа, то эта проблема одна по своему объему может стать предметом целого ряда самостоятельных исследований. Даже чисто статистически ее невозможно решить в рамках одной работы.

Основными итоговыми вопросами исследования для нас является определение степени взаимовлияния в социальном развитии черкесов и других народов Северного Кавказа в рамках сложившейся между ними системы отношений, а так же этнокультурное содержание межэтнического взаимодействия, имевшего место в регионе на протяжении трех веков.

Отечественной историографией накоплен огромный научный материал по истории и этнографии черкесов и других народов Северного Кавказа. Прделана большая исследовательская работа по освещению различных вопросов их социально-политического и этнокультурного развития. Однако история разнообразнейших, многовековых межэтнических связей черкесов с их непосредственными соседями – горцами Северного Кавказа, в отечественном кавказоведении не стала предметом специального исследования. Видимо это было связано с тем, что исторические исследования (а по инерции и все исследования в рамках исторических дисциплин) велись с учетом сложившейся в последнее столетие системой административного управления Северного Кавказа. Так появились истории Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Чечено-Ингушетии, Дагестана и т.д. без учета того, что исторические ретроспекции в отношении советских автономий далеко не всегда уместны. Народы

региона долгое время существовали в рамках совершенно иных этно-территориальных образований. Отдельные истории Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии можно отнести к области научных курьезов. Но даже изучение самостоятельных этнических группировок без учета общеисторического контекста и системы взаимоотношений с другими, в том числе неродственными этносоциальными единицами Северного Кавказа, практически невозможна. Особенно это касается восточных черкесов, которые с одной стороны всегда оставались неотъемлемой частью адыгского мира, а с другой – были тесно интегрированы с горами Центрального и отчасти Северо-Восточного Кавказа.

С учетом исторических реалий избранного нами периода нам представляется перспективным изучение северокавказской этнокультурной общности как системной целостности, каковой она и являлась на протяжении целой исторической эпохи относительной независимости вплоть до включения в состав Российской империи. Конечно же Северный Кавказ и населяющие его народы не существовали изолированно, и выделение северокавказской этнокультурной общности для самостоятельного исследования в отрыве от многообразных связей с далекими и близкими соседями может рассматриваться как некоторое насилие над исторической реальностью. Но методология системного исследования позволяет такое допущение. Исследования, проводимые в рамках системного подхода, направлены на изучение специфических характеристик сложноорганизованных объектов – систем, представляющих собой целостные комплексы взаимосвязанных элементов¹. Специфика системного исследования определяется в выдвижении новых принципов подхода к объекту изучения, новой ориентации всего движения исследования, «что выражается в стремлении построить целостную картину объекта»².

Элементы, образующие систему, находятся в определенных отношениях и связях между собой. В системном исследовании не только устанавливаются способы выявления и описания этих отношений и связей, но и специально выделяются те из них, которые являются системообразующими, т.е. обеспечивают целостность системы. При исследовании объекта как системы описание элементов не носит самодовлеющего характера, поскольку элементы описываются не как таковые, а с учетом его места в целом.

По А.А. Малиновскому, «система строится из единиц, группировки которых имеют самостоятельное значение, звенья, подсистемы, каждая из которых является единицей низшего порядка, что обеспечивает иерархический принцип, позволяющий вести исследование на заданном уровне»³. В данном случае выделение Северного Кавказа как части

более обширной кавказской историко-культурной провинции в целях научного исследования некоторых аспектов исторического процесса и места в нем кабардинского этноса, на наш взгляд, отвечает иерархическому принципу и позволяет вести исследование на заданном уровне.

Так как действующим фактором системы являются не субъекты, а связи между ними, представляется, что комплексное изучение системы отношений пронизывавших социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии имеет особое значение для раскрытия механизмов управления, организации и самоорганизации субъектов в рамках интегрированной системной целостности, каковой Северный Кавказ в полной мере являлся в эпоху позднего Средневековья и в Новое время.

«Создается впечатление, – писал С.А. Арутюнов, – что хотя факторы природной среды несомненно накладывают отпечаток на любые проявления культуры жизнеобеспечения, но в еще большей степени на них влияют социально-историческое окружение, а так же локальные традиции, сложившиеся в результате конкретных обстоятельств исторического развития; эти факторы доминируют над природно-экологическими, но не подавляют их, взаимодействуют и переплетаются с ними»⁴. Кабардино-горские отношения и являются факторами социально-исторического характера, существенно повлиявшими на многие проявления культуры жизнеобеспечения и пути общественной эволюции народов Северного Кавказа. Их комплексное изучение имеет самостоятельное значение наряду с такими важными проблемами как история взаимоотношений черкесов и других народов края с Крымским ханством, кочевниками степного Предкавказья (ногайцами, калмыками), Российским государством, народами Дагестана и Закавказья.

К сожалению, в отечественной историографии практически не существует специальных работ, посвященных комплексному изучению многообразных форм межэтнического взаимодействия автохтонных народов Северного Кавказа. Вместе с тем, очень многие авторы, занимавшиеся историей и этнографией края, в той или иной степени, касались отдельных аспектов (экономических, социально-политических, этнокультурных) взаимоотношений черкесов с горскими народами Северного Кавказа. Любопытные сведения, характеризующие военно-политическое и социокультурное доминирование черкесов на Северном Кавказе содержаться в первых кратких историко-этнографических описаниях кабардинского народа, составленных В. Бакуниным и П.С. Потемкиным соответственно в 1748 и 1784 гг.⁵

В XIX в. Появилось много новых работ, в которых русские историографы касались отдельных вопросов, входящих в круг обозначенной

нами проблематики. Вместе с тем, такие исследователи как С.М. Броневский, А. Новицкий, Л.Я. Люлье, К.Ф. Сталь, Н.Ф. Дубровин, отмечая хозяйственные, военно-политические и многообразные общественные связи (аталыческие, куначеские и др.) между народами Северного Кавказа, отдавали предпочтение изучению различных аспектов исторического процесса современной им эпохи покорения Кавказа, ограничиваясь констатацией определенных фактов, характеризовавших социально-политическое доминирование в прошлом черкесов на Северном Кавказе и заметное влияние последних на культурогенез соседних народов⁶.

Одним из первых историков, предпринявших попытку исследования последствий черкесского влияния на процессы социальной эволюции горцев Центрального Кавказа (абазин, карачаево-балкарцев, осетин) был М.Ковалевский. Его тезис о приоритете внешних факторов (кабардинского влияния) в процессе феодализации абазин и горских обществ Центрального Кавказа предполагал некоторую прямолинейность в осмыслении сложной проблемы разложения патриархальных порядков и генезиса новых формационных отношений в среде горского населения Осетии, Балкарии, Карачая и недооценивал значения внутренних предпосылок социальной эволюции горцев⁷. Кроме того, М. Ковалевский совершенно не обратил внимания на вполне естественную обратную связь между прогрессирующим развитием аристократических начал общественной организации восточных черкесов и эксплуатируемых ими горских обществ Центрального Кавказа. Вместе с тем, нам представляется принципиально важным тезис М.М. Ковалевского о типологическом сходстве и общих последствиях на социальную и культурную жизнь горцев Большого Кавказа хазарского, ордынского и кабардинского политического влияния.

В новейшее время вопросы взаимоотношений черкесов с народами Северного Кавказа, не становясь предметом специального исследования, чаще всего, поднимались в связи с конкретным научным анализом отдельных проблем социокультурной истории народов края.

Так, Г.К. Кокиевым и Б.В. Скитским был рассмотрен социальный аспект кабардино-осетинских отношений. Эти авторы отметили значимость воздействия более развитых социальных институтов кабардинцев на процессы феодализации осетинского общества, в первую очередь, Дигории⁸. Влияние Кабарды на другие осетинские общества и Г.А. Кокиев, и Б.В. Скитский признавали несколько поверхностным. Однако в своих более ранних работах Г.А. Кокиев был совершенно не склонен приуменьшать степень кабардинского влияния на общественную жизнь Тагаурии, Куртата и Алагира, хотя и оценивал его иногда крайне негативно⁹.

Вообще кабардино-осетинские межэтнические связи благодаря усилиям, в первую очередь, осетинских ученых получили наиболее полное отражение в отечественной историографии. К числу наиболее удачных исследований, посвященных этому вопросу, следует отнести работу В.С. Уарзиати¹⁰. Выделяя несколько этапов в истории осетино-адыгских межэтнических контактов – домонгольский, когда адыги испытывали, по мнению автора, значительное аланское влияние, и второй период, охватывающий XV–XVIII вв., на протяжении которых осетины, в свою очередь находились под сильным кабардинским влиянием. В.С. Уарзиати в подтверждение своим тезисам приводит многочисленные осетино-кабардинские этнокультурные параллели.

К.М. Текеев, исследуя традиционные формы культуры жизнеобеспечения карачаевцев и балкарцев, так же обратил внимание на идентичность некоторых сторон материальной и духовной культуры горцев Карачая, Балкарии и соседних черкесов, что объясняется по мнению автора, многовековым влиянием со стороны кабардинского феодального общества¹¹.

Одной из последних работ, посвященных истории межэтнических взаимодействий черкесов и карачаево-балкарцев является монография М.М. Баразбиева «Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века», вышедшая в Нальчике в 2000 г. Бесспорно интересная работа М.М. Барасбиева охватывает весь круг взаимоотношений балкарцев и карачаевцев с соседними народами. Однако, на наш взгляд, объединение в рамках исследования двух столь непохожих периодов истории края как XVIII и XIX века методологически не совсем корректно. В XVIII в. Северный Кавказ был фактически свободен от административного контроля со стороны соседних держав. Начиная с первой четверти XIX в. эскалация Кавказской войны, а также постепенное и прочное включение региона в политико-правовое пространство Российской империи кардинально изменили систему этносоциальных и этнокультурных отношений между населяющими его народами. Поэтому материалы, касающиеся XIX в. не репрезентативны для всего исследуемого автором периода.

Не умаляя значения для отечественного кавказоведения подобных работ, необходимо отметить, что изучение этно- и культурогенеза всех народов Северного Кавказа, и в первую очередь черкесов, перспективнее комплексные исследования, охватывающие более широкий круг субъектов межэтнического взаимодействия.

Особенно наглядным это становится в тех случаях, когда предметом исследования становятся те стороны материальной и духовной

культуры, универсальность которых для всех народов Северного Кавказа наиболее очевидна. Например, в сфере традиционного костюма. Но Е.Н. Студенецкая и Э. Аствацатурян, исследуя некоторые последствия черкесского влияния на формирования традиционного для народов Северного Кавказа комплекса мужской одежды, вооружения и конского снаряжения, обходят стороной вопросы, связанные с изучением причин подобного влияния¹².

Б.Х. Бгажноков отмечал определенную значимость распространения среди народов региона этических ценностей и идеалов, присущих черкесскому феодальному обществу, в интенсификации и оптимизации межэтнических связей. Однако, в силу чисто этнографического характера исследовательских задач, которые ставил перед собой Б.Х. Бгажноков, в его работах не получили адекватного освещения некоторые социальные аспекты генезиса элитарных форм адыгского этикета и степень влияния на эти процессы многообразных этносоциальных отношений, связывавших черкесов с другими народами края¹³. Рассматривая традиционные общественные институты восточных черкесов – кабардинцев (институт земельной собственности и связанных с ним сюзеренно-вассальных отношений, аталычество, гостеприимство и покровительство) В.Х. Кажаров кратко обрисовал их роль во взаимоотношениях кабардинских удельных княжеств с близкими и дальними соседями – северокавказскими этносами, Крымским ханством и др.¹⁴ Кроме того В.Х. Кажаров, пожалуй одним из первых отметил значимость внеэкономической эксплуатации подвассальных Кабарде горских общин в развитии гипертрофированных форм феодализации кабардинского общества¹⁵.

Однако, другой, не менее важный аспект проблемы – этнокультурное содержание межэтнического взаимодействия кабардинцев с народами Северного Кавказа, остался за рамками исследовательской работы В.Х. Кажарова.

В целом, традиционный подход к изучению истории и этнографии края, ограничивавшийся, как правило, исследованием общественных отношений, этно- и культурогенеза отдельных народов или близкородственных этнических групп населения, предполагал, в лучшем случае, лишь упоминание (в контексте обозначенных исследовательских задач) тех или иных фактов, свидетельствующих о тесных связях между ними в историческом прошлом. При этом, экономическая и социально-политическая зависимость целого ряда народов Северного Кавказа от Кабарды, ее этнокультурное доминирование в регионе на протяжении длительного периода признавалась большинством кавказоведов как несомненный исторический факт. Однако его констатация не дает ответов

на многие вопросы, без разрешения которых невозможно ясное научное понимание многих проблем истории народов Северного Кавказа. Ведь без анализа конкретного исторического материала в рамках обозначенной темы невозможно объяснить, благодаря чему кабардинский феодальный социум выделился из числа однотипных общественных организмов средневековой Черкесии; каковы факторы, обеспечившие кабардинцам вполне определенные преимущества экономического и социокультурного развития, позволившие им долгое время претендовать на военно-политическое доминирование в регионе.

Помимо несколько упрощенных схем, предполагающих «классовый союз» привилегированных сословий Кабарды и соседних областей Северного Кавказа, а также братскую дружбу «народных масс» в отечественной историографии отсутствует связная, развернутая концепция кабардино-горских отношений. Вместе с тем, изученность блока вопросов, входящих в обозначенную проблему, касающиеся динамики этнического состава населения Северного Кавказа, специфики хозяйственно-экономической и общественно-политической жизни народов края, вполне обеспечивает ее разработку богатым историографическим материалом, более подробный анализ которого мы дадим в соответствующих главах.

Источниковая база предлагаемого исследования не охватывает равномерно всего хронологического периода. Материалов по XVII и особенно XVI в. не так много. Однако значительная часть источников XVIII в. имеют репрезентативный характер, что позволяет использовать их данные для всего периода.

Большое значение для освещения обозначенной темы имеют письменные источники. В работах иностранных путешественников XVII–XVIII вв. особенно часты упоминания о разнообразных и тесных связях между различными черкесскими субэтнотами, абазинами, карачаево-балкарцами, осетинами, вайнахскими общинами.

К числу наиболее ранних работ, подробно описывающих общую этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе является «Книга путешествий» Эвлия Челеби, написанная в 60-х годах XVII в. Французский консул в Крыму К. Главани – автор составленного в 1724 г. «Описания Черкесии», опираясь на сообщения лиц детально знакомых с кавказской действительностью тех лет, составил краткий очерк черкесских феодальных владений «бейликов» и в числе прочей информации упомянул о вассальной зависимости от последних (Кемиргоя, Бесленея, Большой и Малой Кабарды) северокавказских абазин, а так же значительной части карачаево-балкарских и осетинских горных обществ¹⁶.

«Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа» составленное российским академиком И.А. Гюльденштедтом во время его длительных (1770–1773 гг.) путешествий, содержат значительный по объему материал, характеризующий многие стороны хозяйственной и общественной жизни населения различных провинций Северного Кавказа. И.А. Гюльденштедт акцентирует внимание на тесных земельных, хозяйственно-экономических и торговых связях кабардинцев с их многочисленными соседями, а так же упоминает о даннической эксплуатации последних княжескими домами Большой и Малой Кабарды¹⁷.

Весьма подробные сведения по этнической демографии, экономике и общественному быту Северного Кавказа содержатся в трудах Я. Рейнеггса, П.С. Палласа, Штедера, Г.Ю. Клапрота. и др. Ценный материал по истории и этнографии народов края собранный этими авторами на рубеже XVIII–XIX вв. включает весьма любопытные тезисы, не потерявшие своей научной актуальности и по сей день. П.С. Паллас и Г.Ю. Клапрот одними из первых обратили внимание на большую роль абазин в этногенезе западных черкесов (абадзехов, шапсугов, натухавцев), а Штедер на примере дигорцев отметил значимость черкесского влияния на усиление элитарных традиций в общественной организации горцев Центрального Кавказа¹⁸.

Весьма содержательна и интересна известная работа грузинского аристократа – царевича Вахушти Багратиони «География Грузии». Один из ее разделов посвящен описанию некоторых сторон хозяйственного и общественного быта балкарцев, осетин и вайнахов. Автором приводятся факты, свидетельствующие о тесных экономических и политических связях горцев со своими плоскостными соседями – кабардинцами¹⁹.

Большой информативностью отличаются труды первых русских просветителей. Из их числа особо следует отметить «Историю адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова и «Записки о Черкесии» Хан-Гирея. Будучи черкесами, обладая хорошим знанием общественного быта своего народа, эти авторы оставили массу интереснейшей информации, касающейся как взаимоотношений черкесов с другими народами края, так и специфики взаимоотношений и этнической самоидентификации различных черкесских субэтносов. Весьма содержательны работы и других кавказских просветителей – чеченца У. Лаудаева, осетина Г. Баева, балкарца М. Абаева²⁰.

Помимо письменных источников, в работе нами были использованы записи обычного права кавказских народов («Постановления о условиях в Кабарде» – приложение к книге Ш.Б. Ногмова; «Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины

XIX в.»; «Адаты кавказских горцев» собранные Ф.И. Леонтовичем). Они особенно важны для исследователя, так как некоторые аспекты взаимоотношений между различными этносоциальными единицами региона нашли отражение в обычно-правовых нормах.

Важнейшей группой источников являются материалы, содержащиеся в фондах центральных российских архивов. Из них нами были исследованы фонды «Кабардинские дела», «Осетинские дела» АВПр; Ф. 52 Д. 350, 360. Ф. 13454. Д. 18, 296 ЦГВИА; Ф. Госархив. Д. 9, Ф. 192 («Карты Кавказа»), Д. 4, Ф. 259. Д. 1575 РГАДА и др.

Значительная часть работы написана на основе богатейшего корпуса опубликованных сборников архивных документов – «Акты собранные Кавказской Археографической комиссией». Т. 1–2. Тифлис, 1868; «Кабардино-русские отношения» // Документы и материалы в 2-х томах. М., 1957; «Материалы по истории Осетии». Т. 1. Орджоникидзе, 1933; «Русско-осетинские отношения XVIII в.» // Сборник документов в 2-х томах. Орджоникидзе, 1976–1984 гг.; «Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII в.» // Сборник документов. М., 1997; «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.» // Сборник документов. Махачкала, 1988.

Несмотря на то, что большинство этих сборников составлялось с целью максимального охвата важнейшего фактологического материала, касающегося взаимоотношений России и Кавказа, в них содержится масса информации, проливающей свет на многие особенности хозяйственно-экономических, общественно-политических и этнокультурных связей между народами Северного Кавказа.

Методологической основой исследования являются принципы историзма; системного и ретроспективного анализа, позволяющие объективно исследовать историю социокультурной эволюции во всем ее многообразии и многомерности. Осуществлен анализ и синтез разнообразных исторических фактов, установленных путем корреляции и взаимодополняемости различных архивных и письменных источников.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, приложений и библиографии. Во введении дается обоснование темы, обзор историографии и источников, ставятся цели и задачи исследования. В первой главе представлены реальные условия (естественно-географические, экономические, социально-политические) возникновения устойчивых системных связей между различными группами населения Северного Кавказа. Вторая глава освещает институциональную базу их функционирования в XVI–XVIII вв. В третьей главе анализируются реальные последствия (социальные, этнокультурные) межетнического взаимодействия, имевшего место на Северном Кавказе,

для всех его субъектов. В конце предлагаемой работы приведены приложения, перечень использованных источников, литературы и список сокращений.

Примечания

1. Проблемы методологии системного исследования. М., 1969. С. 3.
2. Там же. С. 16.
3. *Малиновский А.А.* Общие вопросы строения и их значение для биологии // Проблемы методологии... С. 150.
4. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 227.
5. КРО. Т. 2. С. 157–162. 335–366.
6. *Броневский С.М.* Новейшие географические и статистические известия о Кавказе. М., 1823; *Новицкий Г.Ф.* Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлиские ведомости. 1829. № 23; *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (Адыгее), абхазцами (Азеге) и другими смежными народами // ЗКОРГО. Кн. 4. Тифлис, 1857; *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // КС. Тифлис, 1910; *Дубровин Н.Ф.* Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.
7. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890. С. 245–253.
8. *Кокиев Г.А.* Краткий исторический очерк Кабарды // Кабардинская АССР. М., 1946. С. 40–44; *Скитский Б.В.* К вопросу о феодализме в Дигории // ИСОНИИ. Т. 5. С. 6.
9. *Кокиев Г.А.* Из истории русско-осетинских отношений 18 в. // ИСОНИИ. Т. 4. Орджоникидзе, 1932. С. 144; МПИО. Т. С. 5.
10. *Уарзиати В.С.* Культура Осетии. Связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990. С.м41–73.
11. *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы. М., 1989.
12. *Студенецкая Е.Н.* Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 153, 170; *Аствацатурян Э.Г.* Оружие народов Кавказа. М., 1995. С. 364–373, 393–397.
13. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 25.
14. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 364–373, 393–397.
15. Там же. С. 432.
16. АБКИЕА. С. 160–161.

17. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия господина академика И.А. Гюльденшtedта через Россию и по Кавказским горам в 1779, 71, 73 годах. СПб., 1809. С. 77–78, 103, 144.

18. АБКИЕА. С. 215–224. 239–242; ОГРИП. С. 53.

19. *Вахушти Багратиони*. География Грузии // ЗКОИРГО. Кн. 24. Вып. 5. Тифлис, 1904. С. 137–143.

20. *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССКГ. Вып. 6. Тифлис, 1872; *Абаев М.* Балкария // Мусульманин. Париж, 1911. № 14–17.

ГЛАВА I

ЛАНДШАФТ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

1. Этнодемографическая ситуация на Северо-Западном и Центральном Кавказе в XVI–XVIII вв.

Границы расселения большинства этносов Северного Кавказа в XVI–XVIII вв. не были стабильны. Однако, несмотря на хроническую нестабильность политической ситуации в регионе, нескончаемые междоусобицы феодальных владетелей и активную экспансию со стороны Крымского ханства и кочевых народов степного Предкавказья – ногайцев и калмыков, локальные перемещения значительных групп населения происходили, чаще всего, в рамках определенной этнической территории.

Не ставя перед собой задачи детального описания этнического состава населения Северного Кавказа, мы ограничимся лишь общей характеристикой картины расселения основных этносов региона.

Обширные земли от Тамани по Кубани и ее притокам вплоть до среднего течения Терека и Сунжи охватывала территория Черкесии, населенная многочисленными субэтнoсами, которые по форме их социальной организации принято делить на аристократические (хегаки, жанеевцы, хатукаевцы, бжедуги, кемиргоевцы, адамиевцы, егерухаевцы, мамхеговцы, мохошевцы, бесленеевцы, кабардинцы) и демократические (натухаевцы, шапсуги и абадзехи.)

Итальянский путешественник первой четверти XVIII в. К. Главани упоминает в ее составе 14 округов («бейликов») «самостоятельных каждый в своих границах»¹.

Западную часть Черкесии занимали жанеевцы и хегаки. Хегаки обитали в окрестностях Анапы, на прибрежных территориях по отрогам Кавказского хребта и насчитывали 500 жилищ под управлением одного бея². Их ближайшие соседи – жанеевцы, еще в середине XVII в. населявшие две области – Большую и Малую Жана, к началу XVIII в. составляли единый округ (500 жилищ) с одним правителем³. Этническая территория жанеевцев к этому времени несколько сократилась. По черкесским преданиям, жанеевцы, жившие некогда «в долине Цемез, примыкающей к Суджук-кале и вдоль берегов Черного моря до Пшады... перешли на северный скат горы и под влиянием

различных событий окончательно водворились на Адекуме», утратив свои прибрежные земли⁴.

По сведениям турецкого путешественника Эвлия Челеби, посетившего Черкесию в 40-х – 60-х годах XVIII в., восточными соседями жанеевцев были хатукаевцы – многочисленный субэтнос, способный выставить до 8 тыс. воинов, занимавший обширные земли на северных склонах западных отрогов Кавказского хребта напротив Суджук-кале, Геленжика и Пшады⁵. Но К. Главани вовсе не упоминает хатукаевцев, а в письменных источниках 70-х годов XVIII в., они упоминаются как племя немногочисленное и незначительное, обитающее в низовьях Кубани⁶. Видимо, это следует связать с резким сокращением их численности и ассимиляцией значительной части хатукаевцев соседними адыгскими субэтносами.

В отличие от жанеевцев и хатукаевцев, утративших к нач. XVIII в. значительную часть бывшего могущества и военно-политического потенциала, крупнейшие «аристократические» субэтносы Закубанской Черкесии – бжедуги, кемиргоевцы и бесленеевцы в полной мере сохранили свою этническую самобытность.

Бжедуги, разделенные на два самостоятельных владения – Хамышей и Черченей (Кимси и Керкиной по К.Главани) к этому времени продвинулись из горной полосы Закубанья и занимали бассейн р. Псекупс, где и находилось 1000 жилищ этого народа под управлением двух «независимых беев»⁷. По мнению Л.И. Лаврова, переселение бжедугов произошло примерно между 1666 г., когда Эвлия Челеби застал их в верховьях Лабы и Белой, и 1710 г., которым датируется найденная в окрестностях пос. Грячий ключ турецкая эпиграфическая надпись, упоминающая известную дворянскую фамилию бжедугов-хамышеевцев Лакшоковых⁸.

Кемиргоевцы в нач. XVIII в. занимали горные и плоскостные земли в среднем течении р. Белой⁹. Отсутствие у К. Главани каких-либо сведений об адамиевцах, егерухаевцах, мамхеговцах и мохошевцах, видимо, следует объяснить тем, что эти этнические подразделения адыгов часто включались в число кемиргоевцев. Подробные описания Черкесии, оставленные путешественниками конца XVIII – нач. XIX вв. упоминают их, как зависимые от кемиргоевских князей¹⁰. Косвенное свидетельство этому есть и в описании К. Главани «округа Гемиргоя», который по его словам «прежде управлялся двумя бейями, один назывался по имени округа, другой носил имя Мокосигилан; ныне имеется только один бей, который носит оба названные титула»¹¹. В титуле «Мокосигилан» проглядывает этническое имя

мохошевцев, которые оказались вынуждены признать власть более могущественных соседей.

Тесная связь с кемиргоевцами и проживание среди них и на смежных территориях, при незначительной численности адамиевцев, егерухаевцев, мамхеговцев и мохошевцев, по-видимому, была причиной того, что К. Главани объединил их под одним именем «округа Гемиргоя» с одним беом и 2000 жилищ¹².

Далее на восток, от среднего течения Лабы до Большого Зеленчука, на обширных плоскостных и предгорных землях располагались селения бесленеевцев¹³. К. Главани особо отмечал, что «округ Бесней наиболее плодородный и богатый... расположен на равнине, имеет около 1000 жилищ, между которыми много дворянских» и управляется одним беом¹⁴.

Шапсуги и абадзехи – крупнейшие «демократические» адыгские субэтноты, известны в русских источниках лишь с 40-х годов XVIII в. В одном из дипломатических документов, датированном 1747 г. упоминаются «абазинцы или абазыкеи..., которые живут за Кубаном в горах близ Крыму» и «сапсых» (шапсуги – З.К.) без какой-либо локализации последнего племени¹⁵.

Несколько ранее, в 1743 г. в Коллегии иностранных дел России были собраны сведения о живущих в Кавказских горах народах: «Большая Абаза, близ Черного моря. Имеют особливый язык, путь к ним лежит через Кубань, владельцев не имеют, а правят между ими старики, ни у кого не в подданстве. Другой народ Шапсо, соседственный Абазе, имеет особливый язык, и такое же правление... А дорога к ним через Кубанское владение Кемиргой»¹⁶.

Сведения эти не дают точной локализации шапсугов и абадзехов. Но можно с уверенностью утверждать, что эти народности в нач. XVIII в. были довольно значительны по численности, если уже в 40-х годах их «в собрании» могло быть «немалое число, так, что и Крым едва ли их осилит»¹⁷.

Натухаевцы оформились в самостоятельное субэтническое подразделение намного позднее, так как в источниках вплоть до 80-х годов XVIII в. о них нет никаких сведений и предки натухаевцев, видимо, были известны современникам под другим именем, скорее всего – шапсугов, с которыми они практически составляли один народ¹⁸.

К. Главани совершенно не упоминает в своем труде натухаевцев, шапсугов и абадзехов, что коррелирует с его определением Черкесии как страны, расположенной за Кубанью и граничащей на юге «с Абазой, прилегающей к горе Кавказу и простирающейся до берегов

Черного моря»¹⁹. Высокогорные районы Северо-Западного Кавказа и кавказское Причерноморье почти от устьев Кубани до бассейна р. Шахе упоминаются в более поздних источниках как основные места обитания абадзехов, шапсугов и натухаевцев²⁰. То, что К. Главани отнес население этих областей к «Абазе», а не к Черкесии весьма характерно и отражает своеобразие этнической ситуации в Западной Черкесии к нач. XVIII в.

Термин «абаза» имел собирательное значение, «так назывались представителями черкесских племен все племена абхазские (в самом широком смысле, включая сюда и... убыхов), объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов»²¹. Таким образом, в нач. XVIII в. предки крупнейших адыгских субэтносов первой половины XIX в. – шапсугов, абадзехов и натухаевцев, всеми современниками безоговорочно относились к «абазе». Того, как протекал процесс их очеркишивания мы коснемся в соответствующей главе.

Что же касается собственно северокавказских абазин, делившихся на горных (шхарау) и равнинных (тапанта), то они задолго до XVIII в. переселились в верхнее Прикубанье с прибрежных и горных территорий Причерноморья, где между р. Бзыбью и р. Шахе, вплоть до поголовного выселения в 1864 г. в Турцию, проживали южные абазины, делившиеся на множество самостоятельных обществ и имевшие тесные политические связи с Абхазией²².

Географическая изолированность этнических подразделений абазин-шхарау (башилбай, баракай, баг, кызылбек, чаграй, там) обусловила скудость сведений о них в письменных источниках. Известные по описанию Эвлия Челеби башилбаевцы, баракаевцы и баговцы упоминаются и К. Главани²³. Это округи Бесселбай и Эбаги-Бараки, в каждом из которых было по 200 жилищ²⁴. Другие этнические группы абазин-шхарау были неизвестны еще долгое время. К началу XVIII в. они либо еще не оформились, либо обитали в столь труднодоступных местах, что не попали в поле зрения российских и европейских исследователей. По репрезентативным данным конца XVIII – нач. XIX в. абазины-шхарау занимали высокогорную зону по Лабе, Урупу, Большому и Малому Зеленчукам²⁵.

Абазины-тапанта (дударуковцы, лоовцы, трамовцы, биберовцы, клычевцы, кячевцы) в начале XVIII в. обитали в Кабарде, на луговой стороне р. Баксан, «которого народу было 800 дворов, а в тех дворах военных людей конных и пехотных 2000 человек»²⁶. По данным К. Главани, округ Бескесек-Абаза состоял из 620 жилищ, а его жители «переселились из Абазы и отделились под покровительство черкесов. Они

управляются черкесским беєм, но по языку и происхождению они абазы»²⁷. На самом деле, абазыны-тапанты, делившиеся в нач. XVIII в. на пять подразделений (отсюда «бескесек» по-татарски – пять частей) по числу крупнейших феодальных фамилий, управлялись собственными владельцами, которые лишь вынуждены были признавать верховную власть кабардинских князей²⁸.

Кабардинцы составляли «крайний восточный предел адыгской этнической территории»²⁹. По определению кабардинских владельцев, их земли простирались «с одной стороны до реки Кумы и до развалин города Маджар, на оной реке находящегося, а с другой вниз по течению реки Терку ниже урочища Моздока по крайней мере верст шестьдесят»³⁰. Этническая территория кабардинцев распадалась на две неравные части. Обширные плоскостные и предгорные земли по Куме, Малке, Баксану, Чегему и Череку составляли владение Большой Кабарды³¹. К. Главани особо отмечал, что «Кабарда (Большая Кабарда – З.К.) самая значительная из черкесских провинций... обширнее и могущественнее всех остальных» и состоит из 3000 жилищ под управлением одного бея³².

Притеречные и часть присунженских земель занимали поселения владельцев Гиляхстановой и Таусултановой фамилий, которые составляли Малую Кабарду. Описывая ее, К. Главани впадает в явную ошибку, перечисляя Кучук Кабарту (Малую Кабарду) в 800 жилищ, Таусултан (600 жилищ) и Гиляксан (400 жилищ) как самостоятельные округа³³. По репрезентативным данным 40-х годов XVIII в. малокабардинские селения в начале века располагались по среднему течению Терека, низовьям Урсдона, Фиэгдона и Ардона, а также по Сунже и ее притокам Назрани и Эндерипсу³⁴.

Северная граница кабардинских владений была довольно неопределенной. Несмотря на постоянную опасность татарских и ногайских набегов, кабардинцы старались максимально использовать степные пространства по Куме и Терку вплоть до Сотей, под пашни и сезонные пастбища³⁵. Селиться же кабардинцы старались ближе к горам, чтобы в случае необходимости укрывать семьи и скот в «крепких местах»³⁶.

Южнее кабардинских аулов, в верховьях рек от Кубани до Терека располагались многочисленные горские общества карачаевцев, балкарцев и северных осетин. Сведения о них в письменных источниках первой половины XVIII в. весьма скудны.

К. Главани упоминает зависимые от Кабарды округа Каракай (видимо, Карачай – З.К.), Чегем и Дюгер-Талкареки (Дигория и Балкарское общество – З.К.) в каждом из которых по 500 жилищ³⁷.

Достоверные данные о горцах Центрального Кавказа были собраны при опросе кабардинских князей Магомета Атажукина, Алдигирея Гиляксанова и кумыкского владельца Али Хамзина, проведенном в Коллегии иностранных дел России в 1743 г.: «Народ Харачай живет в Кубанских вершинах... Дорога к ним от Большой Кабарды на Кубанские вершины»³⁸.

В верховьях Баксана в это время проживали сваны, которые появились здесь после того, как карачаевцы покинули баксанское ущелье и переселились на Кубань, что произошло ранее нач. XVIII в.³⁹

Далее на восток упоминается народ, который «состоит в разных пяти волостях, и по оным и звание свое имеет, а общего всему народу звания нет. Из оных 1 волость Чегем лежит на вершинах реки Чегема от Баксану... день езды. Особливых малых владельцев имеют...; 2 волость Безенги; 3 волость Малкар лежит в вершинах реки Черека. А оной народ, как и выше о Чегеме написано, имеют малых своих владельцев»⁴⁰.

Примечательно, что население чегемского, хуламского, безингиевского, малкарского (балкарского) обществ и «волости Хусыр» наряду с «татарским» (балкарским) языком употребляло еще и другой – «особливый», что свидетельствует о том, что в горах Балкарии еще в первой половине XVIII в. были живы дотюркские этнические традиции⁴¹.

Водораздел между верховьями Череха Балкарского и Уруха служил границей между балкарскими и осетинскими обществами. Как свидетельствует из текста опроса кабардинских князей, «шестой народ Дюгер. Седьмой народ Сюрдюгор. Живут в горах по вершинам реки Уруха и других ближних рек против Малой Кабарды расстоянием... день езды»⁴².

Кроме Дигории и Стур-Дигории осетины населяли высокогорную часть Центрального Кавказа по ущельям Ардона – алагирцы; Флагдона – куртатинцы; Терека, Геналдона и Гизельдона – тагаурцы⁴³. По описанию грузинского царевича Вахушти Багратиони, автора извешной «Географии Грузии», границы «Овсети суть с востока граница Трусо и Хеви (Дарьяльское ущелье – *З.К.*), потом Казбекский Кавказ и Архотский Кавказ, который лежит от юга к северу и оканчивается у реки Ломеки (р. Терек – *З.К.*), далее река Ломеки до горы Хетадзе-Черкезисмта,... с севера срединная между Черкезом и ею лежащая гора, со стороны Черкеза лесистая, а со стороны Овсети безлесная»⁴⁴.

В пределы этнической территории осетин входила горная Двалетия (ущелья Касарайком, Зараймаг, Жгеле, Нара, Зруг, Закка)⁴⁵, а также земли на южных склонах Большого Кавказского хребта, где они занимали бассейны верховьев рек Большая и Малая Лиахва, Ксани и Джоджора⁴⁶.

Вахушти Багратиони включил в число «осских» областей и общество Малкар (Балкар) – «ущелье Басиани»⁴⁷. Это связано с тем, что согласно источникам XVIII в. «горские народы, начав от Абазы... до Чеченского народа... грузинцы на своем языке называют осии, то есть горцы»⁴⁸. В связи с этим можно отметить, что и кабардинцы, ближайшие северные соседи карачаево-балкарцев и осетин, так же как и грузины всех горцев от «Абазы... до Чеченского народа» называли къущхъ (. «горцы») и отличали их лишь по названиям горных обществ.

Восточными соседями осетин были ингуши и чеченцы, которые до начала XVIII в. не имели общеплеменных названий, а делились на большое число локальных этнических подразделений, которые занимали на Северном Кавказе в основном труднодоступные горные и частично предгорно-плоскостные земли по Сунже и ее притокам вплоть до Большого Кавказского и Андийского хребтов, гранича на востоке с Дагестаном⁴⁹.

По сведениям грузинских источников начала XVIII в. западные земли вайнахов – Кистети, Джариехи (Джейрахское общество), Глигви (Галгай) и Дзурдзукети располагались к востоку от Дарьяльского ущелья. Вахушти описывал их следующим образом: «А в конце Хеви (Дарьяльского ущелья – З.К.), где река Арагва или Ломеки выходит на равнину, в эту Арагву, впадает речка Кистская и Дзурдзукская. Где же сливаются обе эти реки, там между ними находится Джариехи... И на этой речке в ущелье выше Джариехи находится Кистети с селениями и строениями. А к югу от сего, выше Кистети, находится Дзурдзукети со строениями, селениями»⁵⁰. Эти общества располагались в среднем и нижнем течении р. Армхи (Кистети и Джариехи), в верховьях р. Ассы (Глигви) и по р. Джуте и р. Охкарохи (Дзурдзукети)⁵¹. Кроме того, по свидетельству Вахушти, в Тарской долине, на р. Камбилеевке существовало большое селение Ангусти или Онгушт с вайнахским населением⁵².

Восточнее, в ущелье Фортанги располагались земли карабулаков – орстхойцев. На карте 1733 г. по р. Фортанге, названной Балсу, обозначено «100 деревень» карабулаков⁵³.

Верховья Гехи, Мартана, Чанти-Аргуна, Шаро-Аргуна, Хулхулау, Мичика и Аксая занимали вайнахские общества Пешхой, Терлой, Мулкой, Нашхой, Шатой, Чеберлой, Мичкиз, Ичкерия и другие, изветсные еще по источникам XVII в.⁵⁴

Источники первой половины XVIII в. весьма лаконично упоминают первые плоскостные аулы чеченцев. Это Гехи, на одноименной реке, Чечен-аул, недалеко от впадения Сунжи в Терек и селения Хаджи – Али-аул, Астанкул, Жатага (Атага), Шихкерий, Сурь Хашват – аул (Сури-корт), Бешем-баха-аул, Алды в долине р. Аргун⁵⁵.

Крайней восточной группой вайнахского населения были качкалыковцы, которые в первой четверти XVIII в. занимали несколько селений по Качкалыковскому хребту, и ауховцы («окочане», «ококи» русских источников – *З.К.*) – часть орстхойцев, переселившихся на восток не позднее XVI в. и осевших в предгорьях Ичкерии по долинам Ямансу и Ярыксу до р. Акташ, отделявшей их от аварцев общества Салатау⁵⁶.

Значительная часть предгорных и плоскостных земель на правобережье Сунжи и в междуречье Сунжи и Терека к нач. XVIII в. оставались совершенно не освоенными. После ухода с Сунженского хребта гребенских казаков, к 1712 г. поселившихся на левом берегу Терека, лишь в низовьях Сунжи осталось постоянное оседлое население (с численным преобладанием кумыков), составлявшее небольшое феодалное владение Брагуны⁵⁷.

Львиная доля плоскостных и предгорных территорий Северного Кавказа от низовий Кубани до Дагестана контролировалась феодальными владениями Черкесии от Жанае до Малой Кабарды. Отдельные группы черкесского населения граничили и контактировали практически со всеми основными этносами региона. Особенно разнообразным было этническое окружение кабардинцев, занимавших центральную часть Северного Кавказа. Именно поэтому вокруг Кабарды – самой восточной провинции Черкесии на протяжении всего средневековья складывались наиболее устойчивые и богатые по содержанию этнокультурные и социальные отношения, связывавшие её практически со всей массой разноплеменного населения Северного Кавказа.

2. Тенденции развития миграционных процессов

Этнодемографическая ситуация на Северном Кавказе на протяжении нескольких веков до нач. XVIII в. отличалась относительной стабильностью. После массового заселения Центрального Кавказа черкесами – кабардинцами, несмотря на политическую активность северных кочевников, плоскостное, в основном, черкесское население Северного Кавказа прочно удерживало за собой занятые в предгорьях и на равнине территории и ревниво оберегало свои земельные богатства и от степняков, и от горцев.

Но на протяжении всего XVIII в. в регионе накапливались незначительные, на первых порах, изменения в рамках уже сложившейся этнодемографической ситуации, которые, кардинально не разрушая ее, тем

не менее характеризовали смещение акцентов во взаимоотношениях плоскостного и горского населения.

Горцы всего Северного Кавказа, в отличие от жителей черкесских княжеских владений, постоянно испытывали острый земельный голод. Отношение горцев к этой проблеме ярко иллюстрируется карачаевской поговоркой: «Хвали всегда горы, но старайся жить на равнине»⁵⁸.

В XVI–XVII вв. феодальные княжества Черкесии удерживали за собой практически всю Предкавказскую равнину. Но, в течении XVIII столетия наметились тенденции развития миграционных процессов, основным содержанием которых стала актуализация потенциального стремления горцев к колонизации, огромного земельного фонда, на безраздельное владение которым претендовала черкесская по преимуществу аристократия.

Любая борьба есть вид связи и форма развития, поэтому усиление колонизационной активности горцев, сопровождавшейся ожесточенной борьбой за землю, на наш взгляд, можно рассматривать как фактор, характеризующий активизацию процессов этнокультурной и социальной эволюции, имевших место на Северном Кавказе в XVIII веке.

Восточная Черкесия – Кабарда занимала в них особое мест. Во-первых, уникальное географическое положение Кабарды, собственности почти всей центральнокавказской равнины, сталкивала интересы кабардинцев и многочисленного, но разрозненного по происхождению и языку населения центральной и восточной частей Северного Кавказа.

Во-вторых, кабардинцы, несмотря на свою относительную оторванность от остальных субэтнических групп черкесов, не потеряли живой связи со своими закубанскими соплеменниками, и в силу этого обстоятельства, демографические процессы, протекавшие в Западной Черкесии, имели определенное влияние и на Кабарду, хотя это влияние не всегда носило непосредственный характер.

В-третьих, иногда переселение крупных этнических подразделений, например, абазин-тапанта, напрямую зависело от военно-политической активности кабардинцев в регионе.

В течение XVIII в. этническая территория кабардинцев значительно изменилась. Эти изменения были вызваны целым рядом причин политического характера, вызвавших массовые перемещения населения Большой и Малой Кабарды.

В первую очередь, следует отметить исчезновение в районе Пятигорья постоянного кабардинского населения, ушедшего отсюда в 1709–1711 гг., в период обострения кабардино-крымских отношений.

Крымский хан Шахбаз-Гирей в 1711 г. совершил поход на Большую Кабарду «для взятия ... пятигорских владельцев, со всем владением в Крым. И тогда оныя владельцы все ушли одни в калмыцкие улусы к Аюке-хану, а протчия в Кумыки; а подлой народ весь... Шахбаз-Гирей хан взяв отвез на Кубань»⁵⁹.

Вскоре, при помощи калмыков, кабардинцы вернулись на свои старые земли, но с этого времени основное население Большой Кабарды проживало уже в «крепких местах» по обеим сторонам р.Баксан, а «на низких местах поселены деревни, где подлой народ хлеб сеют»⁶⁰.

Вплоть до последней четверти XVIII в. район Пятигорья не был местом постоянного проживания кабардинцев, хотя они и продолжали использовать под пашни и пастбища прикумские земли, которые по карте Кабарды, составленной в 1744 г. геодезистом С. Чичаговым и дополненной в 1753 г. на основании объяснений, данных в Коллегии иностранных дел России кабардинскими узденями Умаром Минкишевым и Мамбетом Усейном Аджакеевым, составляли неотъемлемую часть Большой Кабарды⁶¹. Но ее население, достигшее к концу XVIII в. примерно 11,5 тыс. дворов, концентрировалось у предгорий порр. Малка, Куркужин, Баксан, Чегем, Нальчик, Черек и др.⁶²

Абазины-тапанта, составлявшие в первой четверти XVIII в. примерно шестую часть населения Большой Кабарды и проживавшие с кабардинцами на р.Баксан в 1723 г., были переведены крымскими войсками в Закубанье: «Дели-Салтан с Саадет-Гирей султаном с крымским и кубанским войском приходили на Большую Кабарду. И оные султаны... абазинский народ от них кабардинцов, силою взяли и перевезли за реку Кубань, и тамо при реке Кубани поселили, до которых от Большой Кабарды переезду два дни»⁶³.

Через 15 лет, во время русско-турецкой войны 1736–1739 г., кабардинские князья при поддержке калмыцкого хана отвоевали у крымцев «абазинских черкес» и переселили их в Кабарду⁶⁴. Уже в 1740 г. один из кабардинских владельцев, Асланбек Кайтукин вошел в соглашение с кубанским сераскиром и перевел за Кубань половину лоовцев и трамовцев⁶⁵.

1744 г., в момент составления ландкарты Кабарды, на ее территории в районе Пятигорья проживали абазины-бабуковцы, «Нижние Абазы. В них деревень с пятнадцать, называются обще Танбиюкай... Средние Абазы. В них деревень против Нижних Абаз вдвое или более. Екепцовские Абазы... Верхние Абазы. Вышесписанные Абазы, называемые по-татарски алтыкесек или шесть частей, ... принадлежат и подать платят владельцам Большой Кабарды»⁶⁶.

К 1753 г. все абазинское население Большой Кабарды, за исключением Нижней Абазы и бабуковцев, было переведено кабардинскими князьями за Кубань и проживало на Большом и Малом Зеленчуках⁶⁷. Трудно с уверенностью судить о действительных причинах подобного переселения своих подданных кабардинскими владельцами, возможно, это было связано с земельным утеснением в Большой Кабарде, в которой практиковались экстенсивные формы земледелия и отгонного скотоводства, при которых необходим большой фонд свободных земель.

Основная масса абазин-тапанта еще долгое время оставалась в Закубанье, однако когда изменилась политическая конъюнктура и стало реальным русско-турецкое разграничение сфер влияния по Кубани, владельцы Большой Кабарды попытались вновь перевести своих подданных на собственно кабардинские земли.

В 1787 г., как свидетельствует рапорт бригадира Ивана Большого Горича Командующему Кавказским корпусом П.А. Теккелли, пятитысячное кабардинское ополчение перешло Кубань и покорило «злодейских бабсхерских владельцев с их подвластными народами 2000 дворов 1-го Иетшу Кячова, 2-го Хамурзу, 3-го Селеймана Ловых и 4-го их узденей Травовых,... половинную часть оных дворов переселили по сю сторону Кубани к кабардинцам, и остальные должны по весне к ним же переселиться; потом, следуя далее к Уруп, покорили злодейских горских башильбайцов 800 дворов»⁶⁸.

Эта часть абазин присоединилась к уже находившимся на р. Подкумок, в пределах недавно образованной Кавказской Губернии, трамвцам и другим разрозненным группам абазин-тапанта, которые локализуются на данной территории источниками последней четверти XVIII в.⁶⁹

Часть «бабсхерских владельцев», видимо, так и не покинула Закубанья, так как в конце XVIII в. на Малом Зеленчуке и его притокам еще проживали отдельные группы абазин-тапанта⁷⁰.

Этническая территория карачаево-балкарцев, с которыми жители Большой Кабарды граничили по Черным горам, мало изменилась. Не имея возможности осваивать равнины, занятые кабардинцами, карачаево-балкарцы тем не менее сумели вторично заселить покинутую ими во второй половине XVII в. верхнюю часть Баксанского ущелья, где образовалось новое горское общество Урусби, население которого в конце XVIII в. Рейнегрс оценил в 160 душ⁷¹.

По сведениям Г.Ю. Клапрота, в обществе Урусби проживало 150 семей, что, на наш взгляд, является явным преувеличением. Но

даже в этом случае освоение верховий Баксана выходцами из Карачая и балкарских ущелий не имело характера массовых миграций, так как по различным оценкам население карачаево-балкарских обществ в конце XVIII – нач. XIX в. было довольно значительным⁷².

Гораздо большую активность в стремлении раздвинуть границы своих земель проявили осетины и вайнахские общества.

Переселенческая активность осетин была направлена не только на северные равнины, но и на восток, и в пределы Грузии. На основе анализа широкого круга источников Н.Г. Волкова проследила процесс колонизации некоторых территорий в Дарьяльском ущелье выходцами из Алагирского общества, которые до конца 20-х годов XVIII в. поселились в Ларсе, Чми и Балташе на земле, считавшейся ингушской⁷³. По свидетельству Г.Ю. Клапрота, жители Балташа, Чми, Ларса и Даллаг-кау, находившихся в Дарьяльском ущелье, еще долгое время были вынуждены уплачивать за землю подать ингушам, и освободились от нее не ранее середины XVIII в.⁷⁴

Миграции осетин на южные склоны Кавказского хребта имели давние традиции и продолжались на протяжении всего XVIII в. Этой проблеме истории Осетии посвящено большое число научных работ, в которых показаны причины и характер переселенческого движения осетин в этом направлении⁷⁵.

Предмет нашего исследования требует обратить более пристальное внимание на миграционные процессы, протекавшие в зоне этнического контакта кабардинцев, осетин и вайнахов, обусловленные стремлением феодальной верхушки Таусултановского и Гиляхстановского уделов Малой Кабарды сохранить за собой право на владение равнинными землями в междуречье Терека и Сунжи и желанием горцев колонизовать плоскостные территории, прилегающие к занятым ими горным ущельям.

Столкновение интересов обусловило изменения в географии расселения как малокабардинских аулов, так и соседних горцев. Владельцы Малой Кабарды старались так расположить подвластные им населенные пункты, чтобы исключить возможность земельных захватов со стороны южных соседей. По данным карты Кабарды 1744 г., выходы из Дигорского и Алагирского ущелий контролировали аулы Таусултанова, Тузарова (между р. Ардон и Урсдон у устья Ардона), Камбекукова (к юго-западу от с. Тузарова), Елтухова (на правом берегу р. Дур-Дур, в месте ее впадения в р. Урсдон), пять деревень Муртазовых (западнее Елтухова на р. Урсдон), пять деревень Анзоровых (на притоках р. Ардон), пять деревень Алимурзиных

(в долине Ардона южнее поселений Анзоровых), переселившихся в эти места с присунженских земель после 1733 г.⁷⁶

Более поздним источникам «у самой южной точки подножия Главного Кавказского хребта» кроме деревень Алимурзиных, на восточной стороне р. Фиагдон, напротив выхода из Куртатинского ущелья известно селение Борукина⁷⁷. Г.Ю. Клапрот в нач. XIX в. отмечал, что «Борукаухе и Эльмурсие находились под властью княжеской фамилии Тау-Султан из Малой Кабарды..., их жители были жестокими врагами куртатинских осетин»⁷⁸.

На протяжении большей части XVIII в. перед выходом из Дарьяльского ущелья находилось с. Кайтукова, которое носило название «по имени князя Кайтука Ахлау (Ахлова – З.К.)»⁷⁹. В нач. XIX в. это селение находилось уже на р. Пседах на северо-восточной стороне Кабардино-Сунженского хребта⁸⁰.

Кабардинские владельцы делали все, чтобы удержать контроль над нынешней Владикавказской равниной, большая часть которой вплоть до конца XVIII в. входила в сотав Малой Кабарды. Однако кабардинские аулы Инарук, Джагыш, Чилхабан, Бештаук, Насран, Эндер, Абай, Хапци, Хан, Пышт, еще в 40-х годах XVIII в. располагавшиеся по Сунже и ее притокам – Назрани и Эндерипсу, из-за неприязненных отношений с горцами были вынуждены покинуть эти территории и переселиться на правые небольшие притоки Терека – рр. Курп, Пседах и Камбилеевку⁸¹.

В 1781 г. Штеддер на правом берегу Сунжи застал лишь следы старых кабардинских поселений⁸².

Картографические материалы второй половины XVIII в. отмечают уход кабардинцев даже из междуречья Сунжи и Камбилеевки, которое к этому времени уже занимали ингуши⁸³.

Значительная часть населения Таусултановского и Гиляхстановского уделов Малой Кабарды, состоявшего к нач. XIX в. из 3190 семей, в течение второй половины XVIII в. переместилась в западном и северном направлениях⁸⁴.

Поселения Анзоровых (500 дворов) расположились на р. Лескен у северного подножия Кабардино-Сунженского хребта⁸⁵. Лишь деревни Борукиных (500 дворов на притоках Ардона) и Алимурзиных (500 дворов на р. Фиагдон) остались на своих прежних местах⁸⁶.

Остальные кабардинские аулы, как отмечал в нач. XIX в. Г.Ю. Клапрот, «подвергались набегам народов, живущих в горах» и по этой причине «отодвигались от них все более сначала к южному гребню (Кабардино-Сунженскому хребту – З.К.) и наконец передвинулись на другую его сторону»⁸⁷.

Это привело к тому, что значительная часть Владикавказской равнины опустела. Штедер, побывавший здесь в 1781 г., описал ее как «одну из превосходных и плодородных местностей, по которой протекают 8 больших... рек; с помощью обработки она могла бы сделаться счастливейшей местностью, однако она лежит необработанной вследствие обоюдной боязни кабардинцев и горцев»⁸⁸.

Осетинские старшины приложили максимум усилий к тому, чтобы заинтересовать правительство России и заручиться его поддержкой в колонизации плоскостных земель по левобережью Терека до Татартупа. Со времен первого осетинского посольства в Россию 1749–1752 г. просьбы о содействии в этом вопросе повторялись чуть ли не в каждом обращении к русскому правительству и его представителям на Кавказе⁸⁹.

Однако несмотря на заявления осетин о том, что земли «при реках Фиаке (Флагдон – *З.К.*) и Ордане» места «вольные» российские власти ясно представляли, что указанные территории принадлежат владельцам Малой Кабарды, «которых и подвластные деревни от того места не в дальнем расстоянии состоят и в близости оного пахотные земли и сенные покосы имеют, а временно и на самом том месте сена косят»⁹⁰.

Даже после официального присоединения Кабарды к России в 1774 г. Коллегия иностранных дел в письме от 13 ноября 1780 г. к командующему Кавказским корпусом князю П.С. Потемкину давала следующие инструкции: «Жители Малой Кабарды сим поселением в своих угодьях нужных и не были б может быть утеснены, но сказать могли б, что собственность их бесспорная отнимается насильством... А чтоб сей жалобы и нарекания избыть, то переселяя осетинцев из гор на низкие места, и надлежало бы уже оставить в полной от кабардинцев запвисимости, но сим... не было б также одержано здешнее намерение касательно осетинцов, чтоб их, наконец, видеть христианами и к здешней стороне (т.е. к России – *З.К.*) без всякого изъятия и непосредственно приверженными»⁹¹.

Несмотря на отсутствие активной поддержки со стороны России, осетины пытались самостоятельно решить свои проблемы, связанные с малоземельем.

Среди них наиболее значительных успехов добились дигорцы. Уже на карте Кабарды 1744 г. на р. Урух отмечено значительное плоскостное село дигорских феодалов Караджаевых⁹².

На протяжении второй половины XVIII в. на равнинных землях, примыкавших к Дигорскому ущелью, возник целый ряд поселений осетин-дигорцев. Штедер в нач. 80-х годов XVIII в. локализует в этом

районе кроме с. Караджаевых, с. Кубатиево, к юго-востоку от него, господствующее над «ущельями на Валагир и Дугор», Фадзау, Дур-Дур «в полуверсте от предгорьев... за семьей Таговер (Тугановых – З.К.)»⁹³.

Им же зафиксированы селения Кобан на р. Лескен, Ватишло и Тума недалеко от впадения р. Хазнидон в Урух⁹⁴. В одном из своих рапортов вышестоящему начальству Штедер перечислил все «деревни вблизи степи»: 1) Кобан, 2) Карчау (Караджаево – З.К.), 3) Вашилов, 4) Тумакашесдурдур (Тума и Дур-Дур – З.К.), 5) две деревни Кубати (Кубатиево и Фадзау, так же принадлежавшее феодалным владельцам Кубатиевым – З.К.)⁹⁵.

В этих селениях, по сведениям Штедера, проживало более 3 тыс. человек или около 40% всех дигорцев⁹⁶.

В это же время у выходов из ущелий на равнину рр. Ардон и Фиагдон алагирские и куртатинские осетины основали 5 небольших выселков с населением около 1700 человек, которые едва ли составляли более 10% общего числа жителей Алагира и Куртата⁹⁷.

Эти поселения впервые зафиксировал Штедер в 1781 г. «Жители Валагира, – писал он, – основали две колонии на восточной стороне предгорий: к югу – Селикардон, а к северу, у склона горы Баригсан на речках того же названия»⁹⁸.

Куртатинцы населяли еще три небольших деревни. В двух из них Штедер побывал лично. Это «местечко Картша (Карца – З.К.) и «селение... старшины Татта», расположенные в 4-х верстах друг от друга на возвышенностях правого берега р. Фиагдан⁹⁹. В полутора верстах к западу от «селения старшины Татта» находилось еще одно плоскостное поселение куртатинцев¹⁰⁰.

В долине Терека, кроме Ларса, Чми, Балташа и Даллагкау, заселенных в конце 20-х годов XVIII в. выходцами из Алагирского ущелья, появились новые плоскостные аулы.

Не позднее 60-х годов XVIII в. появилось селение Заурово, которое Г.Ю. Клапрот в нач. XIX в. локализовывал на правом берегу Терека «около 2-х верст ниже предгорий»¹⁰¹. По его свидетельству, в с. Заурова жили ингуши вместе с осетинскими беглецами. Последние по количеству превышали первых, «так что селение можно считать также осетинским, как и ингушским»¹⁰².

Через год после основания Владикавказа, в 1784 г. рядом с ним, на левом берегу Терека появились селения Ирыкау и Редант¹⁰³.

Всего на предгорных равнинах в долине Терека в конце XVIII в. проживало уже около 215 осетинских дворов, более пятой части от их общего числа в Тагаурии¹⁰⁴.

Значительное усиление миграционной активности вайнахов, стимулируемое острым земельным голодом, привело к массовому заселению ими плоскостных присунженских земель. П.Г. Бутков относил расселение чеченцев на плоскости ко времени «около 1680 года», а первым плоскостным аулом считал Чечень на р. Аргун¹⁰⁵.

У. Лаудаев приурочивал появление чеченских переселенцев на равнине к нач. XVIII в., когда гребенские казаки стали покидать междуречье Сунжи и Терека, и связывал этот процесс с борьбой горцев против кабардинских и кумыкских князей¹⁰⁶.

«Небогатые князья, – писал У. Лаудаев, – для своих выгод водворяли чеченцев на своих землях, получая за нее ясак, с другой стороны, плодородная земля плоскости и населенность гор заставляли чеченцев искать селитьбы на княжеских землях... Скоро они выходят из повиновения князей, перестают платить им ясак и завладевают всюю плоскостью Малой и Большой Чечни до берегов р. Сунжи. Овладев плоскостью и изгнав князей, чеченцы начинают строить большие аулы»¹⁰⁷.

Е.П. Гриценко полагал, что наиболее интенсивной колонизации присунженские и притеречные земли подверглись во второй половине XVII в. и особенно в XVIII в.¹⁰⁸

Данные Н.Г. Волковой, посвятившей изучению этнического состава населения Северного Кавказа специальную работу, относят формирование компактного вайнахского населения на территории, расположенной от правого берега Терека к востоку, по Сунже и ее притокам до Гудермеса и Акташа к XVIII – нач. XIX вв.¹⁰⁹

Ингуши, значительная группа вайнахского населения (галгаи, джейраховцы, фалпийцы и др.), получившая название по имени своего крупнейшего населенного пункта с. Онгушт (500 дворов), активно осваивала Тарскую долину и нижнее течение Камбилеевки¹¹⁰.

Примерно в 60-х годах XVIII в. часть ингушей, жителей Тарской долины, продвинулась через горное дефиле, отделяющее р. Камбилеевку от равнины, заняла оба берега этой реки и образовала группу поселений, известных в источниках как Малые Ингуши (120 дворов)¹¹¹. Она локализуется в этих местах Штедером в 1781 г. и Г.Ю. Клапротом в нач. XIX в.¹¹² Кроме того ингуши осваивали прилегающие земли по р. Сунже, которые покинули кабардинцы¹¹³. Уже по данным карты 1768 г. и источникам последней трети XVIII в., нижнее течение рр. Асса и Фортанга вплоть до слияния с Сунжей занимали галгаи, галашевцы и карабулаки¹¹⁴.

В 1772 г. в урочище Карасу-Яндырь, находившееся недалеко от устья Ассы, переселилось 300 семей карабулаков, проживавших ранее в долине этой реки значительно выше по течению¹¹⁵.

Особенно многочисленным к концу XVIII в. стало вайнахское население по Сунже между Фортангой и Гудермесом, которое источники объединяют под именем чеченцев, так как Чечен-аул являлся не только одной из первых колоний, основанных горцами на плоскости, но и своеобразным политическим центром восточных вайнахов. Именно в XVIII в. «чеченцы, – как писал У. Лаудаев, – получают для себя от русских и кабардинцев народное название шашан и чеченцев»¹¹⁶.

По сообщениям И.А.Гюльденштедта в 70-х годах XVIII в. на р. Аргун находилось множество крупных чеченских селений: Большой Чечен (500 дворов), Гаджи Аул (500 дворов), Большая Атага, Закурова Атага, Малая Атага, Гендерченой, Бенаул-Узек, Мартан¹¹⁷.

Кроме того им упоминаются на правобережье Сунжи аулы Шали (300 дворов), Герменчук (300 дворов) и Новый Чечен¹¹⁸.

Ичкеринцы и мичиковцы постепенно значительными массами заселили Качкалыковский хребет, земли у подножия Черных гор между Сунжей и Аксаем и, постоянно усиливаясь новыми чеченскими выходцами, овладели всем участком между р. Гудермес и левым берегом Аксая¹¹⁹. Здесь располагались равнинные селения качкалыковцев – Кошкельды (300 дворов), Ноемберды (350 дворов), Ойсунгур (350 дворов), Истису (500 дворов), Наврусаул (50 дворов) и ичкеринцев Аллерой, Карчалой и др.¹²⁰

Имело место также движение чеченского населения к северу от Сунжи и образование притереченых аулов. Часть иноплеменных князей (кабардинских, кумыкских и аварских), княживших в Чечне и в разное время изгнанных своими подданными в 50-х – 80-х годах XVIII в., основали целый ряд поселений по правому берегу Терека¹²¹.

«Сии владельцы, – писал П.Г. Бугков, – одни возвратились... откуда пришли, другие с позволения российского начальства основали новые селения на плоскости между Сунжи и правого берега Терека в противоположности гребенских и моздокских казачьих станиц, как то девлетширеевцы, изгнанные из Герменчука и Шали, имели в 1784 г. до 400 дворов. Росламбековцы, при Росламбеке Айдемирове выгнанные из Большой Атаги, из большой чечни и из Топли, в двух селениях, 400 дворов. Кайтуковцы, терловы, выгнанные из Топли же, против наура, основали два селения, одно – Верхний Наур, другое – Нижний Наур...; казбулатовцы из аксайских, выгнанные из Топли, основали селение около Наура близ Терловых»¹²².

Вместе с тем, заселение среднего и нижнего течения р. Мартан относится к самому концу XVIII в., так как Штедер нашел эти земли в 1781 г. в полном запустении¹²³.

Часть земель в междуречье Сунжи и Терека от станицы Наурской до с. Девлетгиреевского, находившегося чуть выше Червленного городка, к нач. XIX в. так же была лишена постоянного населения. Эта территория носила название «Безымянная земля»¹²⁴. По замечанию С. Броневского, «она принадлежала прежде князьям Малой Кабарды, которые не заводили тут постоянных селений, но только для скота своего имели привольные выгоны вообще с ингушами. Усилившиеся набеги чеченцев в границы Малой Кабарды, принудили их оставить сии земли без всякого употребления, в разсуждении трудности защитить от нечаянных нападений неприятеля»¹²⁵.

Надо заметить, что территориальная экспансия горцев и особенно чеченцев вынуждала кабардинцев значительно сократить землепользование в междуречье Терека и Сунжи, а так же передвинуть свои поселения на запад, ближе к излучине Терека. И даже после этого, по замечанию Г.Ю. Клапрота, в нач. XIX в. повсюду в Малой Кабарде крестьяне, работающие в поле, были вынуждены сооружать «по краям полей и пастбищ небольшие земляные укрепления с деревянными помостами для защиты от нападений... горных разбойников»¹²⁶.

Миграционные процессы, протекавшие в Западной Черкесии не затрагивали кабардинские земли. Колонизация горцами – натухаевцами, шапсугами и абадзехами предгорных равнин отразилась на расселении большинства аристократических черкесских субэтносов. Значительно сократилась территория хегаков и жанеевцев. В конце XVIII – нач. XIX вв. хегаки обитали на Бугуре и его притоках, а жанеевцы – «маленькое черкесское племя, состоящее из шести селений», занимали нижнее течение р. Адагум¹²⁷. Число хегаков, по свидетельству русских путешественников значительно уменьшилось «в результате нападений натахайцев и опустошений, произведенных чумой»¹²⁸.

Протекавшие в первой половине XVII в. по территории жанеевцев реки Абин, Хаплъ, Иль, Абурган в нач. XIX в. фиксируются источниками, как протекающие через земли шапсугов и потухаевцев¹²⁹. Таким образом, самые западные княжеские владения черкесов – Хегак и Жане к концу XVIII в. едва сохраняли свою самобытность.

Хатукаевцы, насчитывавшие около 400 семей, в это время занимали земли к западу от Кара-Кубани в низовьях рек Абин, Иль, Афипс у кубанских плавней и испытывали массу неудобств от соседства с беспокойными шапсугами¹³⁰. В 1802 г. они были вынуждены переселиться к кемиргоевцам в район р. Белой¹³¹.

По данным И.А. Гюльденштедта и П.С. Палласа, бжедуги, занимавшие ранее долины Пшиша, Супса и Псепкупса, передвинулись значительно севернее, в низовья этих рек, к берегам Кубани¹³².

Они содержали свои пашни и пастбища даже на правом берегу Кубани¹³³. Г.Ю. Клапрот оценивал их численность в 670 семей¹³⁴.

Около 300 бжедугских семей проживало недалеко от устья Лабы, куда они переселились на рубеже XVIII–XIX вв.¹³⁵

Если в 60-х годах XVIII в. кемиргоевцы, «живя в крепких горах, пахотные места имели в низине и предгорьях», то к концу века они уже занимали низовья Белой и Лабы, где вместе с ними обитали егерухаевцы и адамиевцы¹³⁶. Численность кемиргоевцев, по оценке Г.Ю. Клапрота, достигала 5 тыс. семей¹³⁷.

Махошевцы – «черкесское племя в 670 семей», жили у подножия Черных гор по притокам р. Ямансу и граничили на востоке с бесленевцами, насчитывавшими около 1500 семей¹³⁸. И И.А. Гюльденштедт и Г.Ю. Клапрот локализируют бесленевцев в долине Лабы у самых предгорий¹³⁹. Их сезонные пастбища располагались на Урупе и Большом Зеленчуке¹⁴⁰.

В течение XVIII в. в Закубанской Черкесии произошли кардинальные изменения, связанные с усилением миграционной активности демократических адыгских субэтносов. Натухаевцы освоили предгорья по Бакану, Цемезу, Адагуму и его притокам¹⁴¹. Шапсуги заняли территории на равнине и в «лесистых горах, которые начинаются от Анапы», на речках Антхире, Бугундуре, Абине, Афипсе, Чебике, Супсе и др.¹⁴² По сведениям Г.Ю. Клапрота, население Шапсугии состояло из «10 тысяч семей, того же происхождения, что и кабардинские черкесы»¹⁴³.

Абадзехия источниками 60-х годов XVIII в. локализовывалась в верховьях р. Белой, выше Кемиргоя¹⁴⁴. К началу же XIX в. абадзехи, жившие «на самых высоких горах западного Кавказа», спустились на равнины и, оттеснив бжедугов и кемиргоевцев, заселили долины Псекупса, Пшиша и Пшеха¹⁴⁵. «Все это пространство, – писал Г.Ю. Клапрот, – заселяют до 15000 семей, не оставляя больших промежутков»¹⁴⁶.

Из всех субэтнических групп черкесов Закубанья, пожалуй, лишь бесленевцы удержались на своих старых землях. Это произошло в силу того, что территориальная экспансия даже их наиболее активных западных соседей – абадзехов, была направлена на северо-запад, на освоение предгорно-плоскостных территорий между реками Белая и Супса, и бесленевцы – жители прилабинских земель избежали натиска горцев, который столь губительно сказался на остальных княжеских владениях Закубанской Черкесии и даже сильнейшем из них – Кемиргое.

Абазины-ашхарауа, занимавшие верховья Большой и Малой Лабы, Урупа и Большого Зеленчука, были слишком слабы для того, чтобы

расширить свои земли за счет освоения прилегающих плоскостных территорий¹⁴⁷.

Лишь в 1787 г. после переселения кабардинцами абазин-тапанта на восток, башилбаевцы заняли бывшие тапантинские земли, но при этом не произошло значительных перемещений населения, так как по сведениям русских и иностранных путешественников конца XVIII – нач. XIX вв. основная масса башилбаевцев локализовывалась в лесистых горах у истоков Большого Зеленчука и Урупа¹⁴⁸.

В целом миграционная активность горцев Северного Кавказа, имевшая место на протяжении всего XVIII в. и направленная на расширение своей этнической территории за счет огромного фонда плоскостных земель, контролируемых феодальными княжескими владениями Черкесии, привела к оформлению целого ряда новых, самостоятельных этносоциальных образований, что несомненно было очень важным явлением в социально-политической и этнической истории региона.

Историческое бытие плоскостной Чечни, Тапан-Дигории, резко усилившихся свободных общин Абадзехии, Шапсугии и Натухая сделало XVIII в. одним из наиболее динамичных в истории Северного Кавказа, а процессы социального и этнокультурного развития народов региона в их взаимозависимости проявились при этом наиболее ярко.

3. Формы хозяйственно-экономической адаптации к ландшафту

Экономическая жизнь населения Северного Кавказа определялась в первую очередь природно-экологическими особенностями региона. Две географические зоны – равнины и горы – изначально наметили разные направления развития хозяйственной деятельности и вытекающие из этого экономические отношения между различными этносами.

В отечественной историографии отмечалась взаимозависимость природно-экологической обстановки и хозяйственной деятельности горцев Кавказа. Тем не менее, нередко, разные исследователи, опираясь примерно на один и тот же круг источников, приходили к прямо противоположным выводам. Противоречия касались в основном вопроса о соотношении различных отраслей в экономике народов Северного Кавказа.

Сторонники тезиса о господстве феодальных отношений среди горцев Большого Кавказа считали земледелие главным направлением хозяйственной деятельности его населения.

Их оппоненты, приверженцы идеи о преобладании здесь общинно-родовых отношений или же стадии переходной к феодализму, указывали на первостепенное значение в горской экономике скотоводства.

Дореволюционные исследователи, не связывавшие вопрос о соотношении земледелия и скотоводства в экономике народов Северного Кавказа с уровнем их общественно-политического развития, чаще всего указывали на приоритетное значение скотоводства в хозяйственной деятельности горцев.

В источниках XVI – нач. XIX в., материалах собранных русскими и европейскими авторами содержится масса информации касающейся хозяйственного быта народов Северного Кавказа, но эти источники дают лишь общую картину состояния различных отраслей горской экономики.

Так основным занятием населения Черкессии по сведениям Кемпфера и Гербера было скотоводство, главное богатство черкесов состояло в скоте, особенно в овцах и лошадях; крупный рогатый скот ценился в меньшей степени¹⁴⁹.

И.А. Гюльденштедт несколько позже так же отмечал, что «между промыслами, скотоводство, наипаче разведение овец, составляют главнейшее их (адыгов – З.К.) упражнение. Хлебопашество ограничивается почти одним токмо просом, оное заменяет им хлеб»¹⁵⁰.

По словам Кемпфера, черкесы не сеяли ни ржи, ни овса, но только ячмень для лошадей и просо¹⁵¹. В других источниках однако упоминается, что жители Черкессии выращивали не только просо и ячмень, но так же пшеницу, а Я.Рейнеггс, П.-С.Паллас и С.Броневский добавляют к этому списку маис – кукурузу¹⁵².

Г.В. Новицкий, посетивший Закубанскую Черкессию в конце 20-х годов XIX в. разделил Северо-Западный Кавказ на две географические зоны – равнинную и горную. По его описанию «всех Адехе в отношении к хлебопашеству можно разделить на два разряда: на жителей равнин, у коих хлебопашество в цветущем состоянии, и на жителей гор, у коих каменистые твердыни, их окружающие, не представляют мест, достаточных к посеву нужного к прокормлению себя хлебом»¹⁵³.

Горцы Западной Черкессии были лишены средств к хлебопашеству и могли сеять зерновые культуры лишь в небольшом количестве.

Значительная часть шапсугов и абадзехов, живших в горах, ежегодно пользовались хлебом «от жителей долин, отдавая им за оный свои изделия», и поэтому находились в этом отношении от них «во всегдашней зависимости»¹⁵⁴.

Военный историк Н.Ф. Дубровин считал, что у черкесов земледелие находилось в первобытном состоянии, а основу их благосостояния составляли «огромные табуны лошадей и отары овец»¹⁵⁵.

Барон К.Ф. Сталь в своем «Этнографическом очерке черкесского народа», хотя и оговаривается, что «черкесы, как прочие горские племена, народ земледельческий», оценивал их земледелие и скотоводство как находящиеся «в состоянии первобытном, младенческом», а самих черкесов характеризовал не очень прилежными земледельцами: «Небольшие посевы кукурузы, проса и пшеницы окружают аулы. Напротив того, скотоводство, коневодство, овцеводство и пчеловодство в хорошем положении и составляют главное занятие народа»¹⁵⁶.

Хан-Гирей, один из первых черкесских историографов, оставил весьма любопытные сведения об адыгском земледелии: «Черкесы стараются сеять и собирать хлеба лишь столько, сколько им потребно для продовольствия до будущей жатвы, от чего не имея запасов, в случае неурожаев, подвергаются ужасным последствиям голода. С одной стороны, причиною такого нерадения черкес в хлебопашестве немало служит и то обстоятельство, что у них нет удобного сбыта хлеба посредством торговли, которая бы поощряла трудолюбие селянина. Этому доказательством может послужить привязанность к хлебопашеству натххокоадского племени, которое отличалось этим расположением со времени пребывания турок в Анапе, куда возили они хлеб на продажу последним»¹⁵⁷.

Особо Хан-Гирей отмечал скудость земельных угодий у горных черкесов, в среде которых в силу невозможности применения на крутых склонах даже легких плугов, кое-где существовало даже мотыжное земледелие и широко практиковалось унавоживание пашен, «что вовсе неизвестно жителям равнин»¹⁵⁸.

Причину того, что черкесы, по его мнению, недостаточно «радеют о скотоводстве», Хан-Гирей видел в нестабильности политической обстановки в регионе и в постоянной опасности военных вторжений¹⁵⁹.

Ближайшие соседи черкесов, абазины так же занимались земледелием, но больше существовали за счет продуктов скотоводства, они были «богаты стадами» и имели хорошие пастбища¹⁶⁰.

Сельское хозяйство карачаево-балкарцев и осетин по свидетельству источников не отличалось от сельского хозяйства адыгов но имело некоторые особенности¹⁶¹.

Горцы Карачая и Балкарии занимались преимущественно овцеводством и частично земледелием. В небольших количествах они выращивали пшеницу, ячмень, овес, разводили «лошадей, ишаков и коров... овец и свиней»¹⁶².

Вахушти Багратиони оценивал «плодородность этой страны» (Балкарии и Осетии) как незначительную, «...ибо никакие другие зерна не рождаются, кроме пшеницы, ячменя и овса, по причине холода, позднего лета и ранней осени, но и это не засеивается изобильно по малоземелью и скалистой местности, а что сеют, дает весьма обильный урожай, и если ударит град, что бывает часто, терпят сильный голод... Домашние животные суть: овцы, коровы, лошади, козы, свиньи и немного их. И так как имеют мало пастбищ и покосов, потому овец не держат более 20–40–100, также лошадей и коров по 10–20–40, но не более»¹⁶³.

Георги отмечал, что земледелие лишь обеспечивало пропитание осетин, но не давало излишков¹⁶⁴. Лишь жители плоскостных осетинских аулов, появившихся на Владикавказской равнине в XVIII в. прилежно занимались земледелием и их урожай был настолько обилен, что они большую часть своего хлеба продавали жителям горных ущелий¹⁶⁵.

Штедер так описывал хозяйственный быт равнинной Дигории: «В садах они разводят по примеру кабардинцев бобы, турецкий маис, редьку, огурцы и большое количество обыкновенного зеленого табака... Они хорошо обрабатывают поля и обменивают излишки на скот у кабардинцев, которые в этом отношении более нерадивы»¹⁶⁶.

Тем не менее Г.Ю. Клапрот, побывавший в Осетии в нач. XIX в., отметил, что скотоводство – «главное занятие осетин», а «стада овец составляют главное богатство народа»¹⁶⁷.

Источники XVIII в. аналогичным образом характеризуют и хозяйственный быт вайнахов¹⁶⁸. В описании П.-С. Палласа ингуши – по замечанию автора хорошие земледельцы – жили в нищете из-за нехватки пригодной для обработки земли¹⁶⁹. Скотоводство вайнахских народов заключалось в содержании овец, коз, ослов, мулов, небольшого числа крупного рогатого скота, а кое-где и свиней¹⁷⁰.

Даже чеченцы, обосновавшиеся на присунженских и притеречных равнинах не спешили развернуть земледельческое производство и расстаться со скотом. По сведениям первого чеченского просветителя У. Лаудаева, на первых порах переселенцы занимались преимущественно «...скотоводством, как необходимым средством для своего существования, ...и... не быв ознакомлены еще с хлебопашеством, за неимением хлеба употребляли в пищу большое количество сыра», за что притеречных чеченцев называли «калдаж юц нах», т.е. «людьми едящими творог»¹⁷¹.

Чеченцы даже селились «малыми хуторами. только для корма своего скота и овец», т.к. большая часть равнинной Чечни была «покрыта сплошными непроходимыми лесами»¹⁷².

Данные С. Броневского, подтверждают тот факт, что плоскостные чеченцы большое внимание уделяли овцеводству, а в ряде мест, например в притеречных районах, предпочитали разведение крупного рогатого скота¹⁷³.

В новейшее время изучение вопросов, связанных с хозяйственно-экономической жизнью народов Северного Кавказа, получило новый импульс. Некоторые исследователи освещали проблему в духе дореволюционной историографии.

К их числу можно отнести М.Н. Покровского, разграничивавшего хозяйство равнинных адыгов, у которых, по его мнению, существовало интенсивное земледелие и горцев, занимавшихся, «... как и следовало ожидать от горных местностей», преимущественно скотоводством¹⁷⁴.

Кроме него в аналогичном духе в своих работах высказывались Е.С. Зевакин, Е.Н. Кушева, Т.Х. Кумыков и др.¹⁷⁵ С.К. Бушуев, основываясь на военно-статистическом и экономическом описании, составленном И.И. Нордентшаммом, отмечал, что население горной Чечни земледелием занималось в весьма ограниченных размерах¹⁷⁶.

В.Б.Виноградов основываясь на данных, согласно которым в горных районах Чечни пашня занимала около 0,5%, а пастбища и сенокосы не менее 38% общего земельного фонда, и того факта, что на долю доходов от полеводства приходилось менее 1/5 части животноводческих доходов, так же отстаивал тезис о преобладании скотоводства в экономике горцев Чечни¹⁷⁷.

Одновременно получили развитие и противоположные взгляды. Так, например, М.Г. Аутлев сделал вывод о том, что ведущей отраслью хозяйства адыгов, являлось земледелие, а скотоводство, не намного уступало ему¹⁷⁸.

С весьма оригинальной точки зрения проблемы хозяйственно-экономического быта адыгов рассмотрел В.К. Гарданов. Он подверг критике тезис дореволюционных авторов – «земледелие на равнине, скотоводство в горах» и отметил, что «конкретно-историческая обстановка вносила существенные поправки в, казалось бы, вполне логичные схемы»¹⁷⁹.

В.К. Гарданов пришел к выводу, что у так называемых «демократических племен», т.е. натухаевцев, шапсугов и абадзехов, в отличие от бжедугов, кемиргоевцев, бесленеевцев и кабардинцев, в XVIII – первой половине XIX в. земледелие приобрело особое значение, причем наряду с хлебопашеством у них было также развито садоводство¹⁸⁰.

О развитии земледельческого хозяйства на всей территории Чечни и превращении его уже в первой половине XIX в. в ведущую отрасль экономики писал И.Л. Гриценко¹⁸¹. К такому же выводу пришла Г.А. Гантемирова, считавшая хлебопашество основным источником существования чеченцев¹⁸².

Подробнейшим образом вопросы связанные со структурой и степенью развития земледельческого и скотоводческого хозяйства народов Северного Кавказа были освещены в специальных монографиях Б.А. Калоева¹⁸³.

Для предмета нашего исследования принципиальным является вопрос о том, какую роль в хозяйственной жизни народов Северного Кавказа играли земледелие и скотоводство, так как экономические отношения между различными группами населения региона, обусловленные особенностями географического положения и способами жизнеобеспечения, определяли характер социально-политических и этнокультурных взаимоотношений между их субъектами.

В первую очередь следует отметить, что у всех аристократических адыгских субэтносов в XVIII в. господствовала экстенсивная переложно-залежная система земледелия, требовавшая смены посевных участков через каждые 2–3 года. Когда Г.Ю. Клапрот характеризует «земледелие черкесов», как «чрезвычайно простое», не знакомое с удобрением земли, эту информацию можно целиком отнести к кабардинцам и черкесским «аристократическим племенам» Закубанья¹⁸⁴. Что же касается горных натухаевцев, шапсугов и абадзехов, то скудость почвы и недостаток земли заставляли их более тщательно обрабатывать и унавоживать свои пашни, от чего «почва нив» делалась «чрезвычайно мягкой»¹⁸⁵.

Эту разницу в интенсивности и трудоемкости земледелия равнинных и горных адыгов справедливо отметил В.К. Гарданов¹⁸⁶. Строго говоря его вывод универсален для всего Северного Кавказа и подтверждается массой источников: «По многочисленным данным, в горах Карачая, Балкарии, Осетии и Чечено-Ингушетии душевой надел удобной земли настолько был ничтожен, что его измеряли квадратными саженьями»¹⁸⁷.

Тот факт, что в Чечене, Ингушетии, Осетии, Балкарии и Карачае террасные поля встречаются чаще, чем в других районах Большого Кавказа, является ярким свидетельством огромных усилий горцев, по окультуриванию тех скудных земельных богатств, которые предоставила им суровая природа края¹⁸⁸.

Но интенсивность и трудоемкость земледелия жителей горной полосы Северного Кавказа не может служить показателем экономической эффективности этой отрасли хозяйства горцев.

Несмотря на все свои усилия, в силу недостатка пахотных земель горные черкесы – шапсуги и абадзехи, вынуждены были выменивать недостающий хлеб у жителей равнин, «...отдавая за оный свои изделия»¹⁸⁹.

Вахушти, свидетельствуя о том, что пашни горцев дают «весьма обильный и большой урожай», тем не менее отмечал зависимость населения горной полосы центральной части Северного Кавказа – карачаево-балкарцев, осетин и ингушей в «жизненных припасах» от своих северных соседей – кабардинцев¹⁹⁰.

О. Маргграф указывал в 80-х годах XIX в., что «альпийская Чечня вполне зависит от плоскостной в отношении обеспеченности хлебом», и несомненно такое положение было характерно и для XVIII в.¹⁹¹

Несмотря на экстенсивный характер земледельческого хозяйства, жители равнин находились в куда более выгодном положении, чем горцы, т.к. они, в отличие от последних обеспечивали себя всеми необходимыми продуктами земледелия. В некоторых же районах Северного Кавказа, там, где существовали условия для сбыта зернового хлеба, например в плоскостной Чечне, граничившей с Дагестаном, или у натухаевцев, на чьей земле была основана турецкая крепость Анапа, к концу XVIII в. даже наблюдался существенный прогресс в производстве товарного хлеба¹⁹².

Горцы же были вынуждены упорно трудиться для того, чтобы максимально использовать свои скудные земельные ресурсы, которые даже при более высоком, чем на плоскости уровне агрокультуры, наличии довольно развитой ирригационной системы, были недостаточны для обеспечения населения собственным хлебом¹⁹³.

В связи с этим повсеместно наблюдалась зависимость горцев от поступления к ним из плоскостных районов зернового хлеба, который они выменивали на скот, шерсть, грубое сукно, изделия из войлока, порох и др.¹⁹⁴

Еще большее значение для возникновения устойчивых экономических связей между народами Северного Кавказа имело скотоводческое хозяйство горцев. «Экстенсивное скотоводство горцев Северного Кавказа, – пишет Б.А. Калоев, – базировалось на традиционных хозяйственных контактах жителей гор и равнин. Равнина предоставляла пастбища, соль и необходимые хлебные злаки, альпийские и субальпийские пастбища гор обеспечивали сезонную пастьбу скота»¹⁹⁵.

Система землепользования народов Северного Кавказа, обусловленная природно-географическими условиями края, особенно в сфере животноводства была свойственна «...хозяйству альпийского ландшафта от Памира до Альп и Пиренеев»¹⁹⁶.

Особенностью экономических отношений, складывавшихся на основе потребностей скотоводческого хозяйства, была взаимозависимость плоскостных жителей и горцев в сезонных пастбищах, связанная с тем, что основными его отраслями были отгонное овцеводство, разведение крупного рогатого скота, а у некоторых локальных этнографических групп (кабардинцев, кемиргоевцев, бесленеевцев, абазин-тапанта) табунное коневодство¹⁹⁷.

Только приморские и часть горных черкесов, обитавших в лесистых районах Закубанья, в силу отсутствия обширных пастбищ, отдавали предпочтение разведению более неприхотливых коз, которых Хан-Гирей называл «...как бы сотворенными только для горных жителей»¹⁹⁸.

И.Ф. Бларамберг подтверждает это наблюдение сообщением о том, что абадзехи «...куда беднее черкесов в долинах и предгорьях, и поскольку у них нет пастбищ, они содержат только ишаков и коз, которые питаются мхом и листвой кустарников»¹⁹⁹.

В равнинной Чечне животноводство тоже было несколько ограничено густыми лесными зарослями и отсутствием обширных пастбищ, но несмотря на это, близость притеречных степей, доступных для осеннего и весеннего содержания скота, давала возможность в более широких масштабах заниматься овцеводством, чем это могли себе позволить жители горной Шапсугии, Абадзехии и Натухая²⁰⁰.

Специфика же основных отраслей скотоводческого хозяйства народов Северного Кавказа требовала постоянного сезонного перемещения стад, без чего они попросту не могли существовать.

Это подтверждается как сведениями авторов XVIII в., так и более поздними источниками.

В описании горских народов от «Абазы до Чеченского народа», составленном в 1743 г., сообщалось, например, что жители балкарских ущелий «...в кабардинских угодьях, чрез несколько в году месяцев скоты свои пасут»²⁰¹. Г.Ю. Клапрот свидетельствовал о том же: «Зимой они (балкарцы – З.К.) гонят свои стада в Кабарду на пастбища, что... ставит их в зависимость от черкесов»²⁰².

Государственная Комиссия, созданная в 1906 г. по изучению поземельных отношений в Балкарии дала очень подробную картину ежегодных сезонных перемещений горских стад и, на наш взгляд,

репрезентативный характер этой информации позволяет использовать ее для изучения более ранних периодов истории края.

Как отмечалось в одном из документов, составленных членами комиссии «...жизнь и потребность горного скотоводства... можно разделить на четыре периода: 1) Весенний выгон на равнины Кабарды составляет существенную потребность для горских стад; к середине или к концу марта весь заготовленный на зиму корт истощается, а между тем пастбища в горах еще покрыты снегом и, кроме того, приближается время отела и котки, к концу же марта на равнинах Кабарды и предгорьях появляется уже свежий подножный корм; котка и отел продолжаются с конца марта до половины апреля. 2) Дав скоту немного оправиться после зимовки, а приплоду окрепнуть пастухи с половины мая начинают двигаться в горы и к концу мая уже все стада в горах на своих летних пастбищах. 3) С наступлением осенних морозов в конце сентября и в начале октября прекращается возможность держать стада на летних пастбищах, а недостаток заготовленного корма на зиму не позволяет сразу ставить скот на зимнее довольствие; поэтому скотоводы вынуждены вновь выгонять свои стада на предгорья, где в это время имеется уже хорошая отава; здесь стада, смотря по состоянию погоды, остаются до 1–15 декабря и здесь же производят случку. 4) С наступлением холодов стада идут в горы на зимовку, где и пользуются сеном 2,5–3 месяца»²⁰³.

Осетины, по свидетельству Г.Ю.Клапрота, так же остро нуждались в сезонных пастбищах на плоскости. «Когда зимний фураж у них истощается, – писал Г.Ю. Клапрот, – они отправляют свои стада весной на равнины Малой Кабарды, которые в конце марта уже покрыты травой, тогда как горы еще лишены растительности»²⁰⁴. В свою очередь и малокабардинцы нуждались в альпийских и субальпийских лугах нагорной Осетии. Этот же автор упоминает о том, что жители Малой Кабарды «...летом овец гонят в горы к осетинам и дугорам», т.к. в это время на равнине истощались пастбища, а животных мучили слепни и комары²⁰⁵.

«Это, – добавляет автор, – связывает обе народности, и они живут в добром согласии благодаря тому, что взаимно нуждаются друг в друге»²⁰⁶.

Сезонные пастбища ингушей, на которых они держали скот весной и осенью так же находились на покинутых кабардинцами лишь в первой половине XVIII в. степных и предгорных землях по Сунже, Назрани и Эндерипсу²⁰⁷. Кабардинские князья, считавшие себя верховными собственниками этих территорий путем отгона скота и недопущением на «...степные места для пахания и кошения сена» оказывали политический

нажим на ингушей, которые одной из причин вынуждавшей их платить дань владельцам Кабарды называли необходимость обеспечения безопасного использования зимних пастбищ²⁰⁸.

Взаимозависимость плоскостных и горных жителей в сезонных пастбищах для Северного Кавказа (за исключением западной и приморской частей Закубанской Черкесии) была явлением универсальным.

Так, если равнинная Чечня обеспечивала зерновым хлебом и зимними пастбищами горных соотечественников, то горцы предоставляли свои прекрасные альпийские луга для многочисленных стад плоскостных жителей²⁰⁹.

Абазины содержали свои стада весной и осенью в прикубанских степях, а летом перегоняли их в горы²¹⁰.

Черкесы Закубанья, в скотоводческом хозяйстве которых отгонное овцеводство и разведение крупного рогатого скота занимало ведущее место (бжедуги, кемиргоевцы, бесленеевцы, равнинные шапсуги), так же перегоняли свои стада летом «...на высокие отлогости гор для устранения от жаров», а с наступлением осени пасли их на равнине, «...равно как и на нивах, где после жатвы остаются обыкновенно отпадшие стебли проса с зернами»²¹¹.

Традиционные магистральные скотопрогонные маршруты связывали степное Закубанье, прикумские и притеречные равнинные земли с высокогорными районами Северного Кавказа и ограничивали самостоятельность даже наиболее обеспеченных пастбищами плоскостных скотоводов²¹².

Пожалуй единственным исключением из этого правила были жители Большой Кабарды. На лето они перегоняли свои стада на альпийские луга, располагавшиеся в верховьях Кумы и Малки – знаменитые на Северном Кавказе Зольские пастбища, которыми кабардинцы почти до самого конца XVIII в. владели безраздельно²¹³.

Скотоводческое хозяйство занимало особое место в жизни всех народов Северного Кавказа. Еще В.К. Гарданов справедливо отмечал, что если для развития земледелия в силу отсутствия доступных рынков для сбыта его продуктов, не было объективных причин, то скотоводство не только кормило и одевало горца, но и обеспечивало львиную долю экспортной торговли народов Северного Кавказа²¹⁴.

В середине XVIII в., по сведениям французского консула в Крыму К. Пейсонеля, с черноморского побережья Черкесии вывозилось огромное количество кожи, бараньих шкур, шерсти и изделий из него (сукон, бурок и т.д.), а также лошадей²¹⁵.

В обмен на это турки снабжали черкесов шелковыми, хлопчатобумажными и льняными тканями, различными металлами и предметами роскоши²¹⁶. Кабардинцы, абазины-тапанта, закубанские черкесы на протяжении всего XVIII в. вели широкую торговлю породистыми лошадьми, которыми они обеспечивали не только аристократическую верхушку соседних народов Северного Кавказа, Дагестана и Закавказья²¹⁷. Кроме того, тысячи черкесских лошадей поставлялись в Крым, Турцию, Иран, Россию, Польшу²¹⁸.

О масштабах этой торговли можно судить по сообщению одного из правительственных агентов кизлярскому коменданту кн. В.Е. Оболенскому о перегоне в мае 1746 г. через Дагестан для продажи в Персии 2600 кубанских и кабардинских лошадей²¹⁹.

И это в то время, когда дагестанские феодалы просили у астраханского губернатора или кизлярского коменданта разрешить им покупку на Тереке лошадей, которые наряду с железом считались товаром «заповедным», запрещенным к вывозу из России.

Так лишь в знак особой милости со стороны русской администрации шамхалу Ташсиз-Бамату в 1763 г. позволили купить 100 калмыцких лошадей, а дербентскому правителю Фетали-хану годом позже – 200 лошадей²²⁰.

Торговые связи горцев Центрального Кавказа и Чечни были намного скромнее и ограничивались чаще всего товарообменом с ближайшими соседями. Карачаевцы, по свидетельству Ю. Клапрота, продавали свои сукна, войлочные изделия и меха «...частью имеретинцам, частью в Сухум-кале ...где ведется значительная торговля с Западным Кавказом»²²¹.

Покупали они хлопчатобумажные ткани, шелка, иглы, наперстки и т.д.²²² Торговля карачаевцев с кабардинцами, у которых они покупали «...соль и другие продукты России», была менее значительной, т.к. цены на турецкие товары были ниже²²³.

По словам И.А. Гюльденштедта, балкарцы получали от кабардинцев «...российскую соль, бумажные материи, холст и сафьян, в обмен на шерсть, толстое сукно, рожь, войлоки, лисьи и куньи меха, серу и огнестрельный порох ими ... приготавливаемый»²²⁴. Аналогичные связи они имели со сванами и имеретинцами²²⁵.

В описании Осетии, составленном Вахушти Багратиони упоминается о том, что «...в стране их (осетин – З.К.) нет соли, льна, конопли, хлопка и шелка... это привозят из Карталинии, Рачи и Черкесии и потому же подчиняются своим соседям»²²⁶. Ингуши, по его словам, так же повиновались кабардинцам «... дабы получить от них жизненные продукты, одежду и соль»²²⁷.

К концу XVIII в. положение почти не изменилось, осетины получали «...холст, бумажную материю, слегка обработанное железо, особенно соль из России или Азии», надо полагать при посредничестве кабардинцев в обмен на продукты скотоводства²²⁸.

О чеченцах и ингушах в 80-х годах XVIII в. Штедер писал, что к ним приходят только армянские купцы с различными товарами, «...иностранцы купцы не посещают их, потому что они бедны и у них нечего взять»²²⁹.

Таким образом в хозяйственно-экономической жизни народов Северного Кавказа можно выделить несколько особенностей, имеющих принципиальное значение для предмета нашего исследования.

Во-первых, т.к. Северный Кавказ делится на две географические зоны – равнинную и горную, характер хозяйственной деятельности населения зависел от того, в какой из этих зон оно обитало. Несмотря на значительное этническое многообразие, хозяйственно-экономический строй плоскостного населения Северо-Западного и Центрального Кавказа (черкесов, абазин, равнинных чеченцев) имел много общих черт, отличавших его от экономики жителей высокогорных районов, которая, также, в силу примерно одинаковых условий существования горцев, проявляла типологическое сходство во всем регионе.

Существовала довольно жесткая экономическая взаимозависимость плоскостных жителей и горцев, обеспечивавшая устойчивый, системный характер хозяйственных связей между этими группами населения. Горцы нуждались в привозом хлеба и степных зимних пастбищах, а скотоводство жителей равнин не могла обойтись без альпийских и субальпийских лугов высокогорья, использовавшихся под пастбища в летние месяцы.

К концу XVIII в. нутхаевцы, шапсуги и абадзехи занимали не только горные районы, но и часть плоскостных земель, прилежавших к отрогам Северо-Западного Кавказа. Это создавало условия для ослабления хозяйственных связей между ними и равнинными аристократическими народностями Западной Черкесии. Этому способствовало и то обстоятельство, что в западной и приморской частях Закубанья различия между двумя географическими зонами – горами и плоскостью, а следовательно и различия в условиях сельскохозяйственной деятельности населения были менее резко выражены, чем в других районах Северного Кавказа.

В Чечне, особенно ближе к концу XVIII в., когда на присунженских и притеречных землях сформировалось многочисленное, компактное чеченское население, отношения, складывавшиеся на основе

экономической необходимости между горцами и жителями равнин, почти полностью замкнулись в рамках довольно однородной этнолингвистической и социальной общности.

Совершенно иной была ситуация на Центральном Кавказе. На протяжении всего XVIII в. она характеризовалась стабильностью хозяйственных связей между субъектами экономических отношений – кабардинцами – жителями равнин, с одной стороны, и населением многочисленных горных обществ от Верхней Кубани до верховий Сунжи.

Карачаево-балкарцы, осетины и ингуши, в отличие от горцев Западной Черкесии и Чечни, к тому же, в еще большей степени зависели от плоскостного населения, так как значительная часть их торговых оборотов происходила при непосредственном участии или посредничестве кабардинцев. Это создавало дополнительные условия для более тесных экономических связей, на основе которых строились все виды социально-политических и этнокультурных отношений между их субъектами.

4. Ландшафт и модели общественной организации

Если природно-географические условия края и хозяйственный быт народов Северного Кавказа обуславливали довольно устойчивые экономические связи между отдельными группами населения, то институциональное оформление отношений, складывающихся на их основе, определялось особенностями общественно-политической организации субъектов этих отношений.

Кроме того, от степени военно-политической активности в крае этнических элит зачастую зависели условия социально-экономического развития конкретных этносов и весь круг их взаимоотношений, имевших внеэкономический характер. Различие типов и форм общественной организации народов Северного Кавказа, накладывало отпечаток на характер их взаимоотношений и определяло реальные условия социально-политической жизни в регионе. От особенностей социальной организации каждого конкретного этноса во многом зависели его место и роль в общей системе этносоциальных отношений, сложившихся в крае.

Общественный строй народов Северного Кавказа – в отечественной историографии проблема традиционная²³⁰. Долгое время споры велись вокруг определения степени развития феодальных и патриархально-

родовых элементов в общественном строе различных народов Северного Кавказа. Причем характеристики социального строя последних зачастую бывали прямо противоположны, от утверждения о господстве у северокавказских этносов в общественной жизни патриархально-родовых или протофеодальных отношений, до признания наличия у некоторых из них (черкесских, аристократических субэтносов, абазин-тапанта, осетин-дигорцев и др.), развитых феодальных отношений²³¹.

Действительно, существенная разница в уровне общественного развития наблюдалась даже в рамках однородных этнолингвистических групп населения Северного Кавказа.

Так, например, черкесские субэтносы, начиная с XVIII в. традиционно делились исследователями на демократические и аристократические.

К числу последних относились кабардинцы, бесленеевцы, мохошевцы, кемиргоевцы, хатукаевцы, бжедуги, жанеевцы и хегаки. Земельная собственность и ее атрибуты – высшая военная, политическая и судебная власть у этой группы черкесов принадлежала многочисленным княжеским династиям, происходившими от единого родоначальника – легендарного Инала, объединившего в первой половине XV в. всю Черкессию²³².

После смерти Инала его сыновья Жанхот, Минболат, Беслан, Унармес и Кирмиш разделили Черкессию на уделы: «Один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду»²³³. Потомки Инала правили жанеевцами и хегаками (Зановы), кемиргоевцами (Болотоковы), хатукаевцами (Хатуковы или Керкиноковы), бесленеевцами (Коноковы), кабардинцами (Казыевы в Большой Кабарде, Таусултановы и Гиляхстановы в Малой Кабарде)²³⁴.

Бжедугами и мохошевцами правили представители самостоятельных княжеских династий, происходивших по преданию от четырех братьев – Черчана (бжедугами-черченеевцами), Химиша (бжедугами-хамышеевцами), Богорсоко (мохошевцами) и Бастеко (небольшой частью бжедуггов, осевшей у Черного моря на р. Вепсне и получившей свое имя по ее названию)²³⁵.

Кроме того, почти все княжеские владения дробились на более мелкие уделы. Так наследники Казыя к нач. XVIII в. разделили Большую Кабарду на три удельных княжества во главе с Атажукиными, Мисостовыми и Джамбулатовыми, а последние, сохраняя некоторое фамильное единство, уже в первой половине XVIII в. распались на два правящих рода – Кайтукиных и Бекмурзиных²³⁶.

В Малой Кабарде Гиляхстановы также разделились на две относительно самостоятельные фамильные ветви – Ахловых и Мударовых²³⁷.

Процессы дробления сравнительно крупных феодальных владений на более мелкие, в связи с разветвлением правящих династий на «отрасли», были характерны и для княжеских владений Закубанской Черкесии – бесленеевцы разделились на два, бжедуги – хамышеевцы на три, а черченеевцы даже на четыре фамильных удела, хотя и продолжали сохранять субэтническое единство²³⁸.

Население княжеских владений Черкесии делилось на многочисленные сословия, связанные жесткими иерархическими отношениями.

На вершине феодальной лестницы стояли князья (*пиши*), которые считались «естественными и прямыми покровителями народа»²³⁹. Многочисленное черкесское дворянство (*уорк*) делилось на потомственное (*тлекотлеши* и *дижинуго*) – «великих» княжеских вассалов, по определению Хан-Гирея и служивое (*беслан* – *уорки*, *уоркшаотлугусы* и *пишкеу*)²⁴⁰.

Беслан-уорки и *пишкеу* были обязаны непосредственной вассальной службой своим князьям, за что получали «дворянский подарок» (*уорктын*), состоявший из крепостных крестьян, скота, ценного оружия и др.²⁴¹ На таких же основах строились отношения между *уоркшаотлугусами* и их сеньорами – *тлекотлемами* и *дижинуго*²⁴².

Кроме дворянских сословий в феодальных владениях Черкесии существовал «класс, который можно назвать должностным или, лучше сказать, которого достоинство присвоено его должности»²⁴³. Это были *бейголи*, назначавшиеся из числа крестьян и выполнявшие фискальные и полицейские функции, которые князь не мог возложить на своих щепетильных в вопросах чести дворян²⁴⁴.

Феодально-зависимые сословия состояли из различных категорий крестьян – *огов* (оброчных), *лагунаутов* (дворовых) и *унаутов* (домашней прислуги), которые несли многочисленные повинности в пользу своих господ²⁴⁵.

Довольно многочисленным было сословие вольноотпущенников (*азатов*). Из их среды чаще всего рекрутировались основные кадры служилого дворянства²⁴⁶. Они были обязаны жить в аулах своих бывших владельцев и несли по отношению к ним различные «маловажные обязанности» – сопутствовали в поездках, обслуживали и содержали их гостей и т.д.²⁴⁷

Хан-Гирей упоминает о «вольных земледельцах в княжеских владениях» и характеризует их положение следующим образом: «Вольные земледельцы хотя и пользуются такою вольностью, которая их отделяет от класса крестьян или крепостных людей, и они под названием *льфекотлов* составляют ... там особый класс, но состоят в

зависимости от князей и дворян; одна часть из них суть подданные этих последних, хотя впрочем обязанности их подданства маловажны, другую же часть составляют вольные люди, находящиеся под покровительством князей и дворян; они не несут никаких повинностей, однако тем не менее их положение бывает тягостно: для угождения своим покровителям приносят им добровольные, но значительные пожертвования; и одно обычное покровительство сохраняет им их независимость»²⁴⁸.

В отличие от других княжеских владений Черкесии, в Кабарде в XVIII в. архаически свободных, незакрепощенных крестьянских сословий уже не было, а термином «*тлхукотл*» (льфекотл по Хан-Гирею) либо обобщенно обозначались все «неблагородные» сословия, занятые физическим трудом, либо он выступал синонимом термина *лагунаут*²⁴⁹.

Основной социальной единицей черкесских княжеских владений являлась феодальная вотчина, территориально совпадавшая с селом. В.Х. Кажаров ввел новый термин – вотчина-община или *вотчина* – *къяужэ*, который наиболее «точно выражает типологическое своеобразие данной социальной организации» аристократических адыгских субэтносов²⁵⁰.

Все население феодальных уделов Черкесии проживало в рамках таких *вотчин* – *къяужэ*, каждая из которых имела своего владельца – *къяужэтиц а* (дословно – «князь села»)»²⁵¹.

В их роли выступали исключительно представители княжеско-дворянской верхушки, а место *вотчины* – *къяужэ* в общей иерархической структуре феодального владения определялось социальным статусом *къяужэтиц а*.

Таким образом, вассалитет являлся конституирующим общественным институтом, объединявшим *вотчины* – *къяужэ* в «фамильные княжеские вотчины – уделы, частные княжеские вотчины – уделы, фамильные и частные вотчины знатных дворян (*тлекотлешей* и *диженуго*), включавшие несколько деревень, а также вотчины – поместья – внутри села»²⁵².

Особенностью общественного строя группы аристократических адыгских субэтносов было, по определению В.Х. Кажарова, поглощением вотчиной сельской общины, в результате чего последняя «перестала существовать как социальная организация. Общинное начало продолжало свою жизнь в совершенно другом качестве, в виде преобразованных элементов вотчинной системы»²⁵³.

Образ правления в княжеских владениях Черкесии представлял собой причудливое сочетание монархических и республиканских принципов.

«В княжеских владениях, — писал Хан-Гирей, — старшему князю присвоено обычаями, заменяющими там законы, звание князя — старшины, с каковым званием сопряжена власть и обязанность, так сказать, председательствовать в управлении владением: младшие его летами — князья должны ему повиноваться в общественных делах. Князь старшина назначает съезд, принимая в уважение стечение дел и обстоятельств, того требующих, в каком-нибудь из аулов владения, куда съезжаются князья и все дворянство, иногда же и старшины вольных землевладельцев (льефекотлов), если обстоятельства требуют их присутствия. Каковые съезды весьма часты, потому что беспорядки, волнующие владения того требуют»²⁵⁴.

Наиболее подробно все вопросы связанные с функционированием этих «съездов» у черкесов были рассмотрены В.Х. Кажаровым на примере кабардинцев в его последних работах²⁵⁵.

Сословно-представительные собрания — *хасы* — были высшими органами управления во всех княжеских владениях Черкесии. В.Х. Кажаров выделяет среди них несколько видов: «В соответствии с разделением Большой Кабарды в XVIII в. на удельные княжества и партии, а также временные союзы княжеских родов следует различать хасы:

1) в уделе, 2) в партии (включавшей два удела), 3) при объединении трех уделов и, наконец, 4) общекабардинскую хасу, вернее хасу Большой кабарды»²⁵⁶.

Что касается удельных сословно-представительных собраний или съездов с участием представителей нескольких союзных удельных княжеств, то они наверняка созывались не только в Кабарде, но и в Закубанской Черкесии. *Хасы* же по типу общекабардинской (*хаса* — Большой Кабарды) с прерогативой пожизненного избрания старшего князя — *уалиитиша* — главы федерации всех удельных княжеств, на которые распадалось феодальное владение, если и существовали в Малой Кабарде, у бжедугов, кемиргоевцев и бесленевцев, в источниках XVI–XVIII вв. об их функционировании нет никаких свидетельств.

Это обстоятельство выделяло Большую Кабарду из числа однотипных адыгских феодальных социумов. Несмотря на разделение в первой четверти XVIII в. на две враждующие партии — баксанскую (Атажукинский, Мисостовский уделы) и кашкатавскую (Кайтукинский, Бекмурзинский уделы) и хронические междоусобия, характерные, кстати, для всех княжеских владений Черкесии, Большая Кабарда, в известной мере, сохраняла политическое единство и являлась крупнейшим феодальным владением на Северном Кавказе.

Ее государственно-политический строй можно определить «каксловно-представительскую монархию в форме федеративной княжеской республики»²⁵⁷.

Общественный строй другой многочисленной группы черкесских субэтносов – натухаевцев, шапсугов и абадзехов, хотя и имел некоторые черты, сближавшие его с социальной организацией княжеских владений Черкесии, отличался большим своеобразием.

Подавляющее большинство натухаевцев, шапсугов и абадзехов принадлежало к сословию «вольных земледельцев» (*тфокотлей*), а основу социальной организации этих черкесских субэтносов составляла сельская община – *псухо*, сочетавшая родовые элементы с принципами территориально-соседской общины²⁵⁸. Соотношение «родового» и территориального принципов в адыгской общине по Ф.И. Леонтовичу выражалось в следующем: «Община... еще не успела вытеснить старые родовые формы... роды... раздробились по общинам на части. Живут разбросано по разным местам, значительно удаленным одно от другого»²⁵⁹.

В *псухо* входили группы родственных семей, связанных общим происхождением и составлявшие род – *ачих*, членов которого объединяла обязанность кровной мести и взаимопомощи²⁶⁰. В рамках рода существовали большие патронимические семьи, которые вели совместное хозяйство, не порывая культурных и родственных взаимосвязей²⁶¹.

О силе родовых традиций демократических адыгских субэтносов говорит тот факт, что Хан-Гирей, описывая «владения» натухаевское, шапсугское и абадзехское, перечисляет не названия аулов (как он делал при описании княжеских владений), а «названия родов или фамилий, из которых состояли эти народности»²⁶².

Более высокой формой общественной организации натухаевцев, шапсугов и абадзехов являлись «братства» (*тлеух*), состоявшие из союза нескольких родов. Защита друг друга перед лицом общей опасности, оказание члену братства материальной помощи, экзогамия, наличие у братства собственного имени – вот основные принципы, на которых строился подобный союз²⁶³.

В.К. Гарданов рассматривал адыгские «братства» как кровнородственные организации, фратрии, выросшие из сегментации одного начального рода, чему он находил подтверждение в его устоях – экзогамии, обычаях кровной мести и взаимопомощи – характернейших чертах родовой организации общества²⁶⁴. Вместе с тем они имели также характер «политического объединения адыгского крестьянства»²⁶⁵.

Действительно, каждое братство возглавлялось своими старейшинами (*тхамата*), которыми становились наиболее уважаемые главы родов, а права родовых собраний переносились на съезд всего *тлеуха*²⁶⁶.

Княжеской власти натухаевцы, шапсухи и абадзехи не знали, *уоркское* же сословие состоявшее у них по сведениям Хан-Гирея соответственно из 10, 5 и 8 *тлекотлеишских* фамилий, управляло в основном лишь собственными крепостными, численность которого не составляла и десятой доли всего населения²⁶⁷.

Дворяне редко пользовались влиянием дальше своей общины – *псухо*, и только некоторые слабые роды прибегали к их покровительству. Например, шапсугские *тлекотлеиши* Абаты держали в зависимости фамилию Кобле²⁶⁸.

Отношение господства и подчинения не затрагивали сферу землевладения, где родовая форма собственности сохраняла свой прежний вид.

Хан-Гирей, на наш взгляд допустил сильное преувеличение в своем утверждении, что «роды или фамилии вольных земледельцев (льфекотлы) в племенах ныне (т.е в 30-х годах XIX в. – З.К.) имеющих народное правление, а именно: в Абадзехском, Шапсугском и Натххоккоадском, в прежние времена будучи подчинены власти дворянства на разных условиях, находились почти в такой же зависимости, в какой состоит этот класс в княжеских владениях»²⁶⁹.

М.В. Покровский также полагал, что у шапсугов в конце XVIII в. произошел переворот, в результате которого «господство дворян было совершенно свергнуто... Пример шапсугов так подействовал, что у абадзехов и натухаевцев подобная же демократизация общества «произошла без всякой революции»²⁷⁰.

Б.В. Скитский поддержал этот тезис и считал, что под влиянием классовой борьбы в конце XVIII в. «сила феодалов у западных черкесов ослабевала» и в конечном счете «княжеская власть у этих племен совсем пресеклась»²⁷¹.

Вместе с тем, источники, относящиеся к середине XVIII в. однозначно подтверждают отсутствие сильных феодальных фамилий как у шапсугов, так и у других демократических адыгских субэтносов. Так кабардинские князья сообщали в российскую Коллегию иностранных дел, что абадзехи («Большая Абаза») и шапсуги («народ Шапсо») «владельцев не имеют, а правят между ими старики»²⁷². Поэтому, на наш взгляд правомернее говорить о значительном падении к концу XVIII в. у демократических адыгов престижа и политического влияния дворянства. А не его власти, которой оно никогда не обладало в полной мере.

Социальная организация северокавказских абазин в XVIII в. обнаруживает некоторое типологическое сходство с общественным строем аристократических и демократических черкесских субэтнотосов.

Высшая политическая власть у абазин, как и в княжеских владениях Черкесии, принадлежала потомственной аристократии – князьям (*аха*) и дворянам (*амыстаду*). Абазины-тапанта, к концу XVIII в. делились на шесть частей, по числу наиболее сильных владетельных родов – Лоовых, Трамowych, Дударуковых, Бибердовых, Клычевых и Кячевых, благодаря чему и получили от соседей своё название – «Алтыкесек-абаза» («шестичастная абаза») ²⁷³. В среде абазин-шхарауа самыми влиятельными и могущественными считались аристократические фамилии Сидовых, Егибоковых, (у башилбаевцев); Заурумовых (у тамовцев); Кызылбековых (у кызылбековцев); Цикисовых (у чегереевцев); Багошевых (у баговцев); Лаховых (у баракаевцев) ²⁷⁴. Часть из них (Лоовы, Дударуковы) возводила свою генеалогию к арабским эмирам, переселившимся на Кавказ, другие (Сидовы, Заурумовы, Кызылбековы) считали себя потомками абхазских князей ²⁷⁵.

Довольно многочисленным, особенно у абазин-тапанта, было сословие служилых дворян – *амыста*, составлявших вооружённую свиту абазинской знати. Их общественно-правовое положение было аналогично социальному статусу адыгских *уорков* (*беслан-уорков*, *уоркишатлугусов*, *пишкеу*). Вместе с тем, весьма значительным в абазинском обществе, как и у демократических адыгов, был удельный вес лично свободного крестьянства – сословия *акавов* или *тльфакошао*, которые подвергались весьма умеренной эксплуатации ²⁷⁶.

Социальные группы феодально-зависимых крестьян – *лыгов*, домашних рабов – *унавы* и вольгоотпущенников – *азатов*, составляли сравнительно немногочисленную часть населения локальных этнических групп абазин ²⁷⁷.

Весьма разнородными по своему социальному облику были многочисленные общества высокогорной зоны Центрального Кавказа.

Карачаево-балкарцы имели довольно развитую сословную организацию. Высшие феодальные слои общества состояли из представителей многочисленных фамилий *биев* (или *таубиев* – «горных князей»). Это Крышиамхаловы, Дудовы, Карабашевы в – Карачае; Урусбиевы у баксанцев (урусбиевцев); Малкаруковы, Барзбиевы, Келеметовы, кучуковы у чегемцев; Шакмановы – в Хуламе; Суншевы – в Безинги; Амирхановы, Абаевы, Айдеболовы, Мисаковы, Джанхотовы, Биевы, Джануюковы, Шахановы в Малкаре (или Балкаре) ²⁷⁸. По преданиям горцев значительная часть этих владетельных фамилий (карачаевские, чегемские,

безингиевские) вела свое происхождение от легендарного Карчи и его сподвижников, которые якобы вышли из Анатолии (или из Хорасана)²⁷⁹.

Балкарские *таубии* возводили свою генеалогию к единому предку Басилу – выходцу из Маджар – средневекового золотоордынского города, располагавшегося в среднем течении р. Кумы²⁸⁰.

Однако в Карачае львиная доля земельных угодий принадлежала владетельным фамилиям, и, кроме того, существовало множество сословных подразделений, связанных развитой системой отношений: «*Чанка* (или *тума*, туман) – подкняжичи; *сырма уздени* – первостепенные уздени; *сарайма* (или *сарайым*) – уздени; *тёбен* – *уздени* – низшие уздени, откупившиеся от крепостного права примерно в XVIII в.; *джоллу* – *кзул* – крепостной крестьянин, находящийся на пути к откупу; *юлгюлю-кзул* – крепостной крестьянин, имеющий участок земли в имении владетеля, но владеющий небольшим количеством живности и орудиями труда»²⁸¹.

В отличие от Карачая в горских обществах Балкарии (Урусбий, Чегем, Хулам, Безинги, Малкар) нередко были моногенные селения или сельские общины, состоявшие из юридически свободных крестьян²⁸². Сословный строй у балкарцев был несколько менее развит, и хотя, в становлении феодальных отношений определенную роль играли институты *емчеклик* – *джер* («подарок земли за кормление грудью») и *узденлик* («узденский подарок» – аналог черкесского «*уэркътын*»), в силу условий горного земледелия, пахотные участки рано стали собственностью отдельных семей, и это обстоятельство укрепляло самостоятельность свободных сословий²⁸³.

Даже социальная титулатура балкарцев сильно отличалась от карачаевской. Основная масса населения принадлежала к юридически свободному сословию *каракишей* («черный народ»). Существовали так же различные категории зависимых крестьян – *ясакчи*, вносившие оброк, *чагар* или *кулов*, отрабатывавших барщину, а так же домашние рабы – *казаки* и *караваши*²⁸⁴.

Общественный строй горцев Осетии имел некоторое типологическое сходство с социальной организацией карачаево-балкарцев. По определению И.А. Гюльденштедта, осетины управлялись «частию собственными князьями, частью токмо избранными старшинами»²⁸⁵.

«Их образ правления, – писал Штедер, – так же разнообразен, как и их округа, и каждое селение имеет свой собственный общественный союз»²⁸⁶.

Довольно развитые феодальные отношения имели место среди дигорцев и тагаурских осетин. В Дигории, делившейся на целый ряд

небольших обществ, класс феодальных владельцев был представлен сословиями *бадилят* (Тугановы, Кубатиевы, Караджаевы, Абисаловы, Кабановы, Чегемовы, Битуевы – в Уаллаг-коме и Тапан-Дигории), *царгасат* (Карабугаевы, Таймазовы, Кантемировы – в Стур-Дигории) и *гагуат* (Кобегкаевы, Найфоновы, Дзираевы, Дзоблаевы, Бериевы – в До-нифарсе и Лезгоре)²⁸⁷. *Бадиляты* по преданию вели свое происхождение от семи сыновей Бадила – младшего брата Басила – родоначальника балкарских *таубиев*; *царгасаты* – от Царгаса – выходца из Кабарды (по другим сведениям из Грузии), а *гагуаты* – от некоего Гаго²⁸⁸.

В Тагаурии правили одиннадцать привелегированных фамилий *тагиат* – Тулатовы, Кундуховы, Алдатовы, Мамсуровы, Тхостовы, Тугановы, Есеновы, Кануковы, Шанаевы, Дударовы и Джантиевы. Все они, кроме Дударовых и Джантиевых, позднее присоединившихся к остальным тагаурским владельцам – *алдарам*, возводили свою родословную к армянскому царевичу Тагу, в древности поселившемуся среди осетин²⁸⁹.

Кроме того, некоторые фамилии куртатинцев – Цаликовы, Есиевы, Тезиевы, Гуриевы, происходившие по преданию от Курта – одного из сподвижников Тага, претендовали на особый социальный статус в Куртатии²⁹⁰. Вахушти выделял наряду с потомками Курта («Куртаули») фамилии алагирцев Сидамоновых и Цахиловых, называя их в числе «превосходнейших из овсов», а в русских источниках XVIII в. упоминаются «валагирские старшины», имеющие «подвластных»²⁹¹. Однако, И.А. Гюльденштедт в конце XVIII в. следующим образом оценивал социальный престиж феодальной знати Осетии: «Осетины имеют у себя князей и дворянство, которое никогда не было богато и сильно»²⁹².

Основную массу населения Осетии, даже в наиболее развитых в социальном отношении осетинских горных обществах. Составляло юридически свободное крестьянство – *адамихаты* – в Дигории и *фарсаглаги* – в Тагаурии²⁹³. Все они были распределены между владельческими фамилиями, находились под их покровительством и несли за это в пользу своих сеньоров определенные феодальные повинности²⁹⁴. В XVIII в. в Тагаурии *фарсаглаги* были наследственными арендаторами земли, верховная собственность на которую принадлежала *алдарам*, а в Дигории *адамихаты* свободно владели земельными участками и лишь в случае продажи должны были в первую очередь предложить ее своему владельцу²⁹⁵.

Неполноправные социальные группы среди осетин были представлены немногочисленными сословиями *кумаягов* (у дигорцев) и *кавдасардов* (у тагаурцев) – потомков от именных жен (*номылус*), которые

на правах младших членов семьи выполняли все работы в хозяйстве своих господ²⁹⁶. В Дигории, кроме того, существовали сословия *хехесов* – выходцев из соседних обществ, несшие поземельные повинности в пользу *бадият*, и *кусагов* – домашних рабов из военнопленных²⁹⁷.

Что же касается Куртатии и особенно Алагира, в этих областях Северной Осетии, несмотря на выделение сильных фамилий («*стырмыккаг*»), население не знало сословного неравенства и свободная крестьянская масса была совершенно не склонна признавать превосходство представителей, привелегированных сословий Дигории и Тагаурии²⁹⁸.

Таковыми же сильными эгалитарными традициями общественной организации отличались вайнахи.

По мнению У. Лаудаева, жизнь «чеченского народа» (а под чеченцами этот автор подразумевал все локальные этнические группы вайнахов) строились на основе кровно-родственных отношений²⁹⁹.

«Чеченцы, – писал он, – не имели князей и были все равны между собою, а если случалось, что инородцы высших сословий селились между ними, то и они утрачивали свой высокий род и сравнивались с чеченцами. У чеченцев... все люди стояли на одной степени узденства, различаясь между собою только качествами личного характера: умом, храбростью и т.д.»³⁰⁰

В XVIII в. в общественной организации вайнахов, особенно чеченцев, господствовал *тайп* (род), который представлял собой патриархальную экзогамную группу людей, происходивших от одного общего предка³⁰¹. «Родственная связь членов фамилий, – писал У. Лаудаев, – называется по чеченски тайпом или тайпа, что означает одна фамилия, род»³⁰².

По мнению М.А. Мамакаева, посвятившего исследованию социальной организации чеченцев специальную работу, Чечня первой половины XIX в. представляла собой «суть 135 тайповых объединений»³⁰³. Если их число несомненно, могло значительно варьировать, принципы, на основе которых строились тайповые объединения оставались неизменными. А.М. Мамакаев выделяет 23 таких принципа.

Это, во-первых, единство и незыблемость *тайповых* отношений для всех сородичей, выражавшееся в том, что все члены *тайпа* «назывались братьями – *вежерой* или *ваша*, а целая связь – братством – *вашалла*»³⁰⁴. Адатные нормы предписывали объявление всем *тайпом* кровной мести за убийство и общественную дискредитацию любого из его членов³⁰⁵.

Одной из важнейших тайповых традиций было коллективное право землевладения. Ф.М. Леонтович отмечал, что «право личной поземельной собственности ... не существует в Чечне»³⁰⁶.

Земельные участки, находившиеся во владении *тайпа*, ежегодно по жребию перераспределялись между его членами для подворной обработки³⁰⁷.

Каждый *тайп* занимал свою особую территорию, имел тайповую гору, каменную башню, кладбище и определенные культовые обряды³⁰⁸. Высшим органом власти в *тайпе* был совет старейшин, а функции руководителя вооруженного ополчения всех его членов выполнял избираемый военачальник – *бячча*³⁰⁹.

Однако уже в XVIII в. среди вайнахов наметился процесс разложения тайповых традиций, что было связано с переселением горцев на плоскость и возникновением смешанных поселений из представителей различных *тайпов*³¹⁰.

«Ингушевцы, – писал И.А. Гюльденштедт, – не имеют у себя дворянства, но несколько еще изстари знаменитых родов, как то Мацеки, Боза, Чев, Пшанув, из коих они, как независимый народ выбирают себе старшину и судью, который управляет именем целого общества»³¹¹.

В Чечне «аристократическими», «знатыми» считались *тайпы* Го, Нашхо, Мазгорой, Чендухой, Центорой, Гуной, Ахшбатов, Дишной, Беней и некоторые другие³¹². На фоне выделения сильных, богатых родов происходило обезземеливание некоторых *тайпов*, которые назывались – «махк-бацу», и жили «до времени на чужой земле. Т.е. были в гостях, по-чеченски хамалабяхкема»³¹³.

Вместе с тем, феодальные отношения в общественной жизни вайнахов не получили сколько-нибудь значительного выражения. Немногочисленные иноплеменные князья, призывавшиеся чаще всего из Дагестана и Кабарды, пользовались в чеченском обществе минимумом политического авторитета и власти, а зависимые социальные слои населения составляли ничтожный его процент и были представлены словом *лаев*, состоявшим из потомков военнопленных рабов.

Политическая интеграция вайнахских обществ была очень незначительной. Общие собрания – *мехкелы*, проводившиеся для разрешения важных общественных вопросов, созывались нерегулярно, а их постановления были обязательны только для слабых фамилий³¹⁴. «Из этого неединущия чеченских обществ, – писал У. Лаудаев, – происходила ничтожность политического значения их страны»³¹⁵.

Почти полное отсутствие у демократических адыгов, абазин, карачаево-балкарцев, осетин и вайнахских народов общественных институтов централизованной власти обуславливали военно-политическую слабость последних перед лицом воинственных соседей – княжеских владений феодальной Черкесии, и в первую очередь –

Большой Кабарды. Натухаевцы, шапсуги, абадзехи и чеченцы, благодаря своей многочисленности и относительной экономической независимости, все же имели определенные возможности для самостоятельного развития.

Зато значительная часть северокавказских абазин и горцев Центрального Кавказа, несмотря на сравнительно более высокий, в целом, уровень развития социальной организации, в силу жесткой экономической зависимости от плоскостного населения, собственной военно-политической слабости и непосредственного соседства с кабардинским феодальным социумом, очень рано оказалась под его влиянием, получившим характер этносоциального и этнокультурного доминирования.

Примечания

1. АБКИЕА. С. 158.
2. Там же. С. 159.
3. Там же.
4. *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (Адыге), абхазцами (Азеге) и другими смежными с ними // ЗКОРГО. Кн. IV. Тифлис, 1857. С. 175.
5. *Элия Челевби.* Книга путешествий. Вып. 2. М., 1979. С. 64.
6. АБКИЕА. С. 206.
7. Там же. С. 159.
8. *Лавров Л.И.* К истории бжедугов и жанеевцев // УЗАНИИ. Т. IV. Краснодар, 1965. С. 249.
9. КРО. Т. 2. С. 179.
10. АБКИЕА. С. 240–241; *Броневский С.* Новейшие географические и статистические известия о Кавказе. Кн. 2. М., 1823. С. 67–70.
11. АБКИЕА. С. 160.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. КРО. Т. 2. С. 141–143.
16. МПИО Т. 1. С. 32.
17. КРО. Т. 2. С. 141.
18. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 192–193.
19. АБКИЕА. С. 159.
20. Там же. С. 215–216, 239, 241–243.
21. *Генко А.Н.* Абазинский язык. М., 1955. С. 7.

22. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII в. начале XX в. М., 1974. С. 75–77.

23. АБКИЕА. С. 160.

24. Там же.

25. Там же.

26. КРО. Т. 2. С. 59.

27. АБКИЕА. С. 160.

28. К. Главани упоминает округ «Бескесек-Абаза», но в русских источниках первой трети XVIII в. абазины-тапанта фигурируют уже под названием алтыкесек-абаза (по-татарски – «шестичастная абаза»), что, видимо, связано с дальнейшим дроблением этого «округа» и оформлением еще одного подразделения абазин-тапанта во главе с новым владельческим родом. (См. КРО. Т. 2. С. 59).

29. *Волкова Н.Г.* Этнический состав... С. 44.

30. РГАДА. Ф. 23. Кавказские дела. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об.

31. КРО. Т. 2. С. 114–115.

32. АБКИЕА. С. 160.

33. Там же.

34. КРО. Т. 2. С. 114–115.

35. Сотей – кабардинское название степных территорий между Кумой Тереком и Волгой.

36. КРО. Т. 2. С. 59, 114–115.

37. АБКИЕА. С. 160.

38. МПИО. Т. 1. С. 32.

39. Там же; *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. 1969. Вып. 4. С. 84; *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 93.

40. МПИО. Т. 1. С. 32.

41. МПИО. Т. 1. С. 32; *Волкова Н.Г.* Этнический состав... С. 108, 111, 112.

42. МПИО. Т. 1. С. 32.

43. *Берозов Б.П.* Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С. 16.

44. *Вахушти Багратиони.* География Грузии // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904. С. 138.

45. Там же.

46. Там же. С. 137–138; История Осетин в документах и материалах. Т. 1. Цхинвали. 1962. С. 67, 74, 77, 142–145.

47. *Вахушти Багратиони.* География Грузии... С. 138.

48. МПИО. Т. 1. С. 33.

49. Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 142, 146, 158, 168–169.
50. Вахушти Багратиони. География Грузии... С. 151.
51. Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 151.
52. Вахушти Багратиони. География Грузии... С. 151.
53. Гамрекели В.Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. Карта 1733 г.
54. Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 151; РЧО. С. 39, 42, 55, 93, 95.
55. Материалы по истории кавказского края // ИКРГО. Т. 4. Тифлис, 1875–1877 С. 248; Еропкин. Реестр горским владельцам. 1732 // История, география и этнография Дагестана. М. 1958. С. 23.
56. Еропкин. Реестр горским владельцам... С. 23; РЧО. С. 131. 261.
57. Потто В.А. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. С. 121; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. М., 1966. С. 203.
58. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. М., 1989. С. 102.
59. КРО. Т. 2. С. 59.
60. Там же. С. 61.
61. Там же. С. 114–115.
62. Там же. С. 194–195; АБКИЕА. С. 220.
63. КРО. Т. 2. С. 59.
64. Там же. С. 96–97.
65. Там же. С. 156.
66. Там же. С. 194–195.
67. Там же.
68. Там же. С. 369.
69. АКАК Т. VI. Ч. II. С. 603.
70. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die Jahren 1793 und 1794. Bd. 1. Leipzig. S. 328–330.
71. АБКИЕА. С. 213; Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 97.
72. Численность населения карачаево-балкарских обществ XVIII – нач. XIX в. такова: Балкар – от 1000 до 1200 дворов; Безинги – от 100 до 300 дворов; Чегем – от 360 до 400 дворов; Хулам – 100–114 дворов; Карачай – от 300 до 600 дворов (См. АБКИЕА С. 207, 213; ЦГВИА колл. 414. Д. 300. Л. 78 и др.)
73. Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 128.
74. ОГРИП. С. 121.
75. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших до 1867 // ИСОНИИ Т. X. Орджоникидзе, 1947. С. 139; Калоев Б.А. Осетины. М., 1967. С. 59; Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 132–133.

76. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Кавказа № 12; КРО. Т. 2. С. 114–115.
77. АБКИЕА. С. 276.
78. *Клапрот Г.Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии предпринятое в 1807–1808 г. // ИСОНИ. Т. XII. С. 218.
79. АБКИЕА. С. 277; *Кокиев Г.А.* Малокабардинские поселения в XVI–XVIII вв. на Северном Кавказе // УЗКНИИ Т. II. 1947. С. 24.
80. АБКИЕА. С. 277.
81. КРО. Т. 2. С. 196–197.
82. Tagebuch... S. 7.
83. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Кавказа... Д. 4.
84. АБКИЕА. С. 276–277.
85. Там же. С. 276.
86. Там же.
87. Там же. С. 277.
88. ОГРИП. С. 52.
89. РГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д 1575. Л. 1064–1064 об; МПИО. Т. 1. С. 43, 71.
90. МПИО. Т. 1. С. 43, 72.
91. Там же С. 300.
92. КРО. Т. 2. С. 114, 196.
93. Осетины во 2-й половине XVIII в. по наблюдениям Штедера. Орджоникидзе, 1940. С. 45–46.
94. Там же. С. 46.
95. РГАДА. Ф. Госархив разряд 23. Д. 9. Ч. 14. Л. 244.
96. Жители Тапан-Дигории (равнинной Дигории) во время одной из междоусобных войн в 1781 г. выставили 600 воинов, в то время как их противники – горные дигорцы собрали 900 воинов (См. РГАДА. Ф. Госархив разряд 23. Д. 9. Ч. 14. Л. 242–244.
97. *Рклицкий М.В.* Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области // ИСОНИИ. Т. II. Орджоникидзе, 1926. С. 176.
98. Осетины во 2-й половине XVIII в... С. 44.
99. Там же. С. 44–45.
100. Там же. С. 45.
101. РГАДА. ф 192. Оп. 1. Карты Кавказа. Д. 4; Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу... С. 193.
102. *Клапрот.* Путешествие по Кавказу... С. 193.
103. *Берозов Б.П.* Переселение осетин... С. 43.
104. Там же.
105. Архив РАН. Ф. 99. Оп. 2. Д. 37. С. 234–235.

106. *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССКГ. Вып. 6. Тифлис, 1872. С. 19.
107. Там же. С. 20.
108. *Гриценко Н.П.* Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. С. 16.
109. *Волкова Н.Г.* Этнический состав... С. 158–159.
110. Там же. С. 158; МПИО. Т. 1. С. 166.
111. *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР Л., 1930. Т. 5. С. 692.
112. (Stader) *Tagebuch einer Reise die in Jahre 1781 vin des granzfestung Mosdok dem innern Caucasus unternommen SPb und Leipzig, 1797. S. 28; Klaproth J.* Reisein Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. 1. Halle und Berlin. 1812. S. 11.
113. *Волкова Н.Г.* Этнический состав... С. 161.
114. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Кавказа. Д. 4; *Guldenstadt I.A.* Reisen durch Russland im Caucasus – chen Geburge. Bd. 1. SPb., 1787. S. 483.
115. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. С. 260.
116. *Лаудаев У.* Чеченское племя... С. 191.
117. *Guldenstadt I.A.* Reisen... Bd. 1. S. 483.
118. Там же.
119. *Буцковский А.М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних областей. 1812. //История, география и этнография Дагестана. М., 1958. С. 239.
120. *Guldenstadt I.A.* Reisen... Bd. 1. S. 479; *Klaproth J.* Reisein... Bd. 1. S. 123.
121. *Волкова Н.Г.* Этнический состав... С. 184.
122. *Бутков П.Г.* Материалы... Ч. 2. СПб., 1869. С. 112.
123. *Tagebuch...* S. 22.
124. *Броневский С.* Новейшие географические... Кн. 2. С. 94–95.
125. Там же. С. 95.
126. АБКИЕА. С. 280.
127. АБКИЕА. С. 243.
128. Там же.
129. *Эвлия Челеби.* Книга путешествий... С. 63–64; АБКИЕА. С. 241.
130. АБКИЕА. С. 241.
131. ЦГВИА. колл. 482. Д. 192. Л. 25.
132. *Guldenstadt I.A.* Reisen... Bd. 1. S. 469; *Pallas P.S.* Bemerkungen... Bd. 1. S. 357.

133. АБКИЕА. С. 223.

134. Там же. С. 241. На наш взгляд, численность бжедугов была на порядок выше. Тот же Г.Ю. Клапрот полагал, что кемиргоевцы, состоявшие из 5 тыс. семей, могли выставить 2 тыс. вооруженных людей, а вместе с бесленеевцами (1500 семей), мохошеевцами (670 семей) и бжедугами – до 5 тыс. Исходя из этих расчетов, можно предположить, что численность бжедугов должна быть соизмерима с численностью кемиргоевцев. Это подтверждается более поздними источниками (См. ЦГВИА. Колл. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 25 об; АБКИЕА. С. 401 и др.)

135. ЦГВИА. Колл. 414. Оп. 1. Д. 434. Л. 106.

136. КРО. Т. 2. С. 179; АБКИЕА. С. 240.

137. АБКИЕА. С. 240.

138. Там же. С. 236–237.

139. Там же. С. 206. 236.

140. Там же. С. 236.

141. Там же. С. 242.

142. Там же. С. 241.

143. Там же. Численность натухаевцев и шапсугов в конце XVIII в. трудно определить с точностью. Даже по оценкам более достоверных источников первой половины XIX в. она колебалась в границах от 100 тыс. до более чем 460 тыс. человек (См. АБКИЕА. С. 401, 582; *Хан-Гирей*. Записки... С. 87; *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // КС 1900. Т. 21. С. 94; *Лапинский Т.* (Теффикбей) Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Т. 1–2. Нальчик, 1995. С. 79.

144. КРО. Т. 2. С. 179.

145. АБКИЕА. С. 239.

146. Там же.

Оценки численности абадзехов также весьма разноречивы и колеблются в пределах от 50 тыс. до почти 350 тыс. человек (См. АБКИЕА. С. 401, 582; *Хан-Гирей*. Записки... С. 87; *Лапинский Т.* (Теффик-бей) Горцы Кавказа... С. 79).

147. *Лавров Л.И.* Абазины // КЭС. М., 1955. Вып. 1 С. 27–31; АБКИЕА. С. 236–237.

148. *Pallas P.S.* Bemerkungen... Bd. 1. S. 331; АБКИЕА. С. 236–237. Численность всех групп абазин-шхарауа к концу XVIII в. оценивались в 1–1,5 тыс. дворов (из них Башилбаевцев – 800 дворов). (См. КРО. Т.2. С. 369. АБКИЕА. С. 236–237; *Reineggs J.* Allemeine historik – topographischet Beschreibung der Kausus. Bd. 1. Gotha – SPb., 1796. S. 51.

149. *Гербер И.Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях, и

о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. С. 28, 33; *Kaempfer E.* Der allerneueste Staat von Cazan, Astracan, Georgien und vieler andern, Czaren, Sultan und Schah zinsbaren und unterthanen. Nurnberg, 1723. S. 151.

150. АБКИЕА. С. 206.

151. *Kaempfer E.* Der flerneueste... S. 127.

152. АБКИЕА. С. 212–222; *Броневский С.* Новейшие географические... С. 133.

153. *Новицкий Г.В.* Географическо-статистическое обозрение земли, населённой народом Адехе // Тифлисское ведомство. 1829. № 23.

154. Там же.

155. *Дубровин Н.Ф.* Черкесы (адыге). Краснодар, 1927. С. 27.

156. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк... С. 100.

157. *Хан-Гирей.* Записки... С. 241.

158. Там же.

159. Там же. С. 242.

160. АБКИЕА. С. 215. 237.

161. *Guldenstadt I.A.* Reisen... Bd. 1. S. 462. 470; *Pallas P.S.* Bemerkungen... Bd. 1. S. 407–410.

162. МПИО. Т. 1. С. 33.

163. *Вахушти Багратиони.* География Грузии... С. 139.

164. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. С. 51.

165. *Клапрот Г.Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии... С. 239.

166. ОГРИП. С. 50.

167. *Клапрот Г.Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии... С. 239.

168. *Pallas P.S.* Bemerkungen... Bd. 1. S. 416; Tagebuch... S. 16.

169. *Pallas P.S.* Bemerkungen... Bd. 1. S. 416.

170. Tagebuch... S. 16.

171. *Лаудаев У.* Чеченское племя... С. 3.

172. Там же. С. 21.

173. *Броневский С.* Новейшие географические... С. 175–176.

174. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России. М., 1923. С. 199.

175. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. С. 158–159; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963. С. 75. 147; *Кумыков Т.Х.* Хан-Гирей. Нальчик, 1968. С. 72–73.

176. *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.–Л., 1939. С. 83.
177. *Виноградов В.Б.* Генезис феодализма на Центральном Кавказе // ВИ. 1981. № 1. С. 37.
178. *Аутлев М.Г.* Адыгейцы // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. С. 203.
179. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII–первая половина XIX в.). М., 1967. С. 60.
180. Там же. С. 62.
181. *Гриценко Н.П.* Социально-экономическое развитие... С. 37.
182. *Гантамирова Г.А.* Хозяйственное развитие народов Чечено-Ингушетии в первой половине XIX в. и вопросы общественных отношений // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII–XIX). Грозный, 1982. С. 31.
183. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981; *Его же:* Скотоводство народов Северного Кавказа. М., 1993.
184. АБКИЕА. С. 268.
185. *Хан-Гирей.* Записки... С. 241.
186. *Гарданов В.К.* Общественный строй... С. 60–65.
187. *Калоев Б.А.* Скотоводство... С. 97.
188. *Калоев Б.А.* Земледелие... С. 63.
189. *Новицкий Г.В.* Географическо-статистическое описание... № 23.
190. *Вахушти Багратиони.* География Грузии... С. 139, 143, 152.
191. *Маргграф О.* Чеченские селения // ТВ. 1881. № 45.
192. *Хан-Гирей.* Записки... С. 241; *Калоев Б.А.* Земледелие... С. 32.
193. *Калоев Б.А.* Земледелие... С. 65–71.
194. АБКИЕА. С. 244, 245; *Вахушти Багратиони.* География Грузии... С. 143, 152; *Новицкий Г.В.* Географическо-статистическое описание... № 23.
195. *Калоев Б.А.* Скотоводство... С. 97.
196. *Христианович В.П.* Горная Ингушетия // К материалам по экономике горного ландшафта. Ростов-на-Дону, 1928. С. 109–111.
197. *Калоев Б.А.* Скотоводство... С. 35–49, 54–64, 66–80.
198. АБКИЕА. С. 369; *Хан-Гирей.* Записки... С. 244.
199. АБКИЕА. С. 369.
200. *Калоев Б.А.* Земледелие... С. 32; *Его же:* Скотоводство... С. 46–47.
201. МПИО. Т. 1. С. 32.
202. АБКИЕА. С. 245.
203. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 171–172.
204. ОГРИП. С. 155.

205. Там же; АБКИЕА. С. 268.
206. ОГРИП. С. 155.
207. *Калоев Б.А.* Скотоводство... С. 104.
208. РГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 1575. Л. 1033; АКАК. Т. 1. Тифлис, 1868. С. 86.
209. *Маргграф О.* Чеченские селения... № 45.
210. АБКИЕА. С. 191.
211. *Хан-Гирей.* Записки... С. 244.
212. *Калоев Б.А.* Скотоводство... С. 105–108.
213. Там же.
214. *Гарданов В.К.* Общественный строй... С. 136–137.
215. АБКИЕА. С. 195–197.
216. Там же. С. 191–195.
217. *Гарданов В.К.* Общественный строй... С. 136–137.
218. Там же.
219. РДО. М., 1988. С. 80.
220. Там же. С. 108–109. 110.
221. АБКИЕА. С. 251–252.
222. Там же.
223. Там же.
224. Там же. С. 208.
225. Там же.
226. *Вахушти Багратиони.* География Грузии... С. 143.
227. Там же. С. 152.
228. ОГРИП. С. 36.
229. Tagebuch... S. 18. 44.
230. *Пожидаяев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1939; *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1969; *Гарданов В.К.* Общественный строй...; *Покровский М.В.* Адыгейские племена в конце XVIII – первой половине XIX в. // КЭС. Т. 2. 1958. И др.
231. *Меликишвили Г.А.* К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР. 1975. № 6. С. 53; *Робакидзе Д.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. М., 1978. № 2. С. 24; *Кокиев Г.К.* Краткий исторический очерк Кабарды // Кабардинская АССР. М., 1946. С. 44; *Скитский Б.В.* К вопросу о феодализме в Дигории // ИСОНИИ. Т. 5. С. 135; Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный, 1982. С. 121. И др.
232. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 96–97.

233. Там же. С. 96.
234. АКАК. Т. 2. Тифлис, 1868. С. 949; *Леонтович Ф.И.* Адааты казских горцев. Вып. 1. Одесса, 1882. С. 223; *Хан-Гирей.* Записки... С. 156–160, 165, 168–169, 174, 187.
235. *Хан-Гирей.* Записки... С. 156–160; АКАК. Т. 2. С. 949.
236. *Хан-Гирей.* Записки... С. 156–160; *Леонтович Ф.И.* Адааты... Вып. 1. С. 223.
237. АБКИЕА. С. 259.
238. *Хан-Гирей.* Записки... С. 165, 179, 182.
239. Привилегированные сословия Кабардинского округа // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 1; *Леонтович Ф.И.* Адааты... Вып. 1. С. 223–224.
240. Привилегированные сословия... С. 7–8; *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990. С. 134–144.
241. *Леонтович Ф.И.* Адааты... Вып. 1. С. 229–230; *Думанов Х.М.* Социальная структура... С. 142–145; *Хан-Гирей.* Записки... С. 139–140.
242. *Леонтович Ф.И.* Адааты... Вып. 1. С. 229–230; *Думанов Х.М.* Социальная структура... С. 140–142.
243. *Хан-Гирей.* Записки... С. 120.
244. Там же.
245. *Леонтович Ф.И.* Адааты... Вып. 1. С. 235–238.
246. Привилегированные сословия... С. 8.
247. *Хан-Гирей.* Записки... С. 123.
248. Там же. С. 122.
249. *Леонтович Ф.И.* Адааты... Вып. 1. С. 224; *Ногмов Ш.Б.* История... С. 107; *Налоева Е.Д.* К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. // ВКБНИИ. Вып. 1. Нальчик, 1968; *Думанов Х.М.* Социальная структура... С. 147–152.
250. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 62.
251. КРО. Т. 2. С. 114–115; *Хан-Гирей.* Записки... С. 156–160, 165–168, 172–173, 176–177, 180–181.
252. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные... С. 62.
253. Там же. С. 132.
254. *Хан-Гирей.* Записки... С. 130.
255. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. Нальчик, 1990; *Его же.* Традиционные общественные институты... С. 201–317.
256. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты... С. 230.
257. Там же. С. 267.

258. *Покровский М.В.* Адыгейские племена... С. 112–113.
259. *Леонтович Ф.И.* Адагы... Вып. 1. С. 402.
260. *Покровский М.В.* Адыгейские племена... С. 114.
261. Там же: *Меретуков М.А.* Семейная община у адыгов // УЗАННИИ. 1970. Т. 2. С. 247.
262. *Хан-Гирей.* Записки... С. 191–192, 195–196, 197–198.
263. АБКИЕА. С. 469.
264. *Гарданов В.К.* Общественный строй... С. 253.
265. Там же.
266. АБКИЕА. С. 483–484; *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890. С. 58.
267. *Хан-Гирей.* Записки... С. 191, 195, 197; *Латинский Т.* (Теффик-бей) Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 104. Хан-Гирей передает родовые имена адыгских тлекодтлешей в транскрипции максимально приближенной к оригинальному звучанию: Ввпакор-р, Ддехге-р, Жжьэ-р, Ккази-р, Тайхго-р, Меко-р, Ккерзде-р, Дрфе-р. Ккуйцикко-р, Деде-р (у натухаевцев); Абате-р, Ввххо-р. Ххоркозе-р, Шеретльккор-р, Немере-р (у шапсугов); Анфеко-р, Дьянчате-р, Бешикко-р, Едьде-р, Инемкко-р, Даурс-р, Ххуштекко-р, Недькко-р (у абадзехов).
268. *Покровский М.В.* Адыгейские племена... С. 131.
269. *Хан-Гирей.* Записки... С. 199–200.
270. *Покровский М.В.* Адыгейские племена... С. 200. Под общественным переворотом автор подразумевает широко известные события имевшие место в 90-х годах XVIII в. Они связаны с изгнанием шапсугами своих дворян Шеретлоковых и других, которые обратились за помощью к бжедугским князьям. Несмотря на победу, одержанную последними в Бзююкской битве (1796 г.) над восставшими крестьянами, шапсугские дворяне не сумели вернуть утраченных социальных привилегий и политического влияния.
271. *Скитский В.Б.* Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 142–143.
272. МПИО. Т. 1. С. 31.
273. *Лавров Л.И.* Абазины (Историко-этнографический очерк) // КЭС. М., 1955. С. 23–27.
274. Там же. С. 27–30.
275. Там же С. 23, 25, 27, 29.
276. Там же. С. 22.
277. Там же. С. 21–22.
278. *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы. М., 1989. С. 115–146.

279. *Каракетов М.Д.* Из традиционной обрядово-культовой жизни карачаевцев. М., 1995. С. 41–43.

280. АБКИЕА. С. 247.

281. *Каракетов М.Д.* Из традиционной... С. 43; Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Ростов-на-Дону, 1985. С. 255–256; *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы... С. 115–131.

282. *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы... С. 132–146.

283. История КБАССР. Т. 1. М., 1967. С. 105, 206–207.

284. Там же. С. 207.

285. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия господина академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809. С. 90.

286. ОГРИП. С. 30.

287. История СОАССР. М., 1959. С. 93, 96; *Скитский Б.В.* К вопросу о феодализме в Дигории // ИСОННИ. Т. 5. Орджоникидзе, 1933. С. 9.

288. *Скитский Б.В.* К вопросу о феодализме... С. 9; История СОАССР. С. 96; *Джанаев А.К.* Феодальное землепользование в Дигории // ИСОННИ. Т. 15. Вып. 3. Орджоникидзе, 1936. С. 9.

289. История СОАССР... С. 97; ССКГ. Вып. 3. С. 35; *Скитский Б.В.* Очерки истории горских народов Орджоникидзе, 1972. С. 133.

290. ССКГ. Вып. 3. С. 35.

291. *Вахушти Багратиони.* География Грузии... С. 138. МПЮ. Т. 1 С. 259–270.

292. Географическое и статистическое описание... С. 89.

293. *Скитский Б.В.* Очерки истории... С. 134.

294. Там же. С. 134–135.

295. *Леонтович Ф.И.* Адагы... Вып. 2. Одесса, 1883. С. 12; История СОАССР. С. 94.

296. *Скитский Б.В.* Очерки истории... С. 134–135; История СОАССР... С. 95–98.

297. История СОАССР... С. 95–96.

298. Там же. С. 98–99.

299. *Лаудаев У.* Чеченское племя... С. 15.

300. Там же. С. 23–24.

301. *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род)... С. 22.

302. *Лаудаев У.* Чеченское племя... С. 15.

303. *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род)... С. 18.

304. Там же. С. 23–24; *Лаудаев У.* Чеченское племя... С. 15.

305. *Леонтович Ф.И.* Адаты... Вып. 2. С. 92; *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род)... С. 29.
306. *Леонтович Ф.И.* Адаты... Вып. II. С. 79.
307. Там же. С. 24; *Лаудаев У.* Чеченское племя... С. 24.
308. *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род)... С. 35–37, 365.
309. Там же. С. 33; *Леонтович Ф.И.* Адаты... Вып. 2. С. 83.
310. *Лаудаев У.* Чеченское племя... С. 13.
311. Географическое и статистическое описание... С. 83.
312. АВПР Кабардинские дела. 1756–1757. Д.9. Л. 37–37 об; *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк... С. 152; *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Вып. 1. 1868. С. 5.
313. *Лаудаев У.* Чеченское племя... С. 14; *Кушева Е.Н.* Некоторые особенности генезиса феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М. 1969. С. 182.
314. *Лаудаев У.* Чеченское племя... С. 94.
315. Там же. С. 16.

ГЛАВА II

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ИЕРАРХИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

1. Сюзеренно-вассальные отношения

Экономическое и политическое могущество черкесской аристократии основывалось на социальной организации, для которой была характерна жесткая соподчиненность классов и сословий, образовывавших многоступенчатую иерархическую лестницу.

Господствующие классы – князья (пши) и дворяне (уорки разных степеней), связанные сеньориально-вассальными отношениями, составляли мощную и достаточно консолидированную силу, дееспособность и военный профессионализм которой позволял ей претендовать на политическую власть не только в пределах собственно черкесских феодальных владений, но и в соседних областях Северного Кавказа.

Реальным проявлением этой власти, в силу специфики социальной организации черкесов, были сеньориально-вассальные отношения, которые черкесская аристократия на протяжении столетий последовательно пыталась навязать своим более слабым соседям. Вассальный, даннический характер отношений между социальными верхами княжеской Черкесии и остальными обществами Северо-Западного и Центрального Кавказа был, пожалуй, наиболее приемлемым при полной реализации властных притязаний Иналидов. Вассалитет был основным структурообразующим институтом княжеской Черкесии, которое, как и любая социально-политическая система, стремилось к максимальному расширению своей материальной и социокультурной базы. Особенно преуспели в этом Иналиды Кабарды.

«Кабардинские князья, – писал С. Броневский, – считают себя по рождению и по делам своим первыми рыцарями не только между черкесами, но и между всеми кавказскими народами. В самом деле, нельзя отрицать сего первенства, кабардинским чванством увеличенного»¹.

Такая оценка собственных достоинств не позволяла кабардинским князьям претендовать на сюзеренную власть над феодальными владениями Черкесии. Ведь княжеские династии, правившие ими, за исключением бжедугских и мохошевских, как и кабардинские владельческие фамилии, вели свою родословную от единого предка – Инала. Зато кабардинцы, по свидетельству Хан-Гирея, «пользуясь превосходством

своих сил над соседними с ними племенами покорили их; конечно, они не имели на то законных прав, но право сильного доставило им возможность лишить слабых свободы. Важнейшими жертвами алчности могущественных тогда кабардинцев были абазины шестиродные (абазины-тапанта – *З.К.*), участи которых не избежали и их сопокоренники, которые имели несчастье быть в соседстве с кабардинцами. Покоренные их оружием, они платили посемейную дань князьям этих последних. Более же отдаленные из этих поколений по временам также повиновались им или были разоряемы»².

Ш.Б. Ногмов приписывал покорение абазин Хатажуко Мисостову, который был старшим князем Большой Кабарды в первой половине XVIII в. после смерти Асланбека Кайтукина³. Л.И. Лавров, опираясь на кабардинские предания, считал, что уже в начале XVII в. большая часть северокавказских абазин была завоевана и вынуждена признать власть потомков Инала, правивших в Кабарде⁴.

Это подтверждается сообщением К. Главани о зависимости в начале XVIII в. абазин-тапанта от «черкесских беев»⁵. Сами кабардинские владельцы свидетельствовали, что абазины «издревле» ими покорены: «От времени Инала, помянутые алтыкесек абазы (абазины – тапанта – *З.К.*) наши»⁶. И.А. Гюльденштедт на основе собранных им материалов предполагал, что уже с XVII в. значительная часть северокавказских абазин была в подданстве у кабардинских князей⁷.

Довольно рано под политическое господство Кабарды попали горцы Центрального Кавказа от Карачая до Ингушетии. В.П. Пожидаев относил время его установления к периоду продвижения кабардинцев из Закубанья на центральнокавказские равнины, когда «кабардинцы оттеснили их (карачаево-балкарцев, осетин и ингушей – *З.К.*) с пастбищ и вынудили укрыться в горы, а чтобы обезопасить себя от внезапных нападений горцев... проникли в их ущелья, построили там сторожевые башни и наложив на них дань, взяли их, таким образом, под постоянный надзор»⁸.

Источники XVIII в. полны сведений о вассальной зависимости от кабардинцев большей части их южных соседей. К. Главани упоминает «округа» Каракай (видимо, Карачай – *З.К.*) и Дюгер-Талкереки (Дигория и, возможно, Балкарские общество – *З.К.*), зависимые от Большой Кабарды, а также «пять селений в Кавказских горах» в зависимости от Гиляхстановского удела Малой Кабарды, под которыми автор, скорее всего, мог подразумевать какие-то локальные группы северных осетин и ингушей⁹.

О том, что балкарцы, часть осетин и ингушей «повинуются и платят дань соседним черкесам», писал Вахушти¹⁰.

Согласно русским архивным источникам середины XVIII в. чегемцы давали подать старшему кабардинскому владельцу Магомету Кургокину (род Атажукиных – *З.К.*), а безенгиевцы, хуламцы и балкарцы – Магомету Кургакину и Асланбеку Кайтукину¹¹. Дигорцы же имели с «Малою Кабардою... постоянный мир» и платили ее владельцам «некоторую малую подать»¹².

По сведениям ротмистра Александра Шелкова, переданным в российскую Коллегию иностранных дел в октябре 1768 г., «начиная от вершины реки Кумы внутри Кавказских гор даже до Осетии простираются разного звания народы: 1. Карачай... 2. Чегем. 3. Караджау (дигорское селение Караджаевых – *З.К.*). В оных со всех кабардинцы подать берут и в поход их наряжают»¹³.

Наряду с дигорцами в наиболее прочных вассальных отношениях с кабардинскими князьями были жители Куртатинского и Тагаурского ущелий Осетии. Так, «куртатинцы, жившие по реке Фиаг-Дону в количестве четырехсот дворов, ... и кобанцы (габишинцы), жившие по реке Гизель-Дону в количестве пятисот дворов, ... платили подать кабардинским феодалам по одному барану с крестьянского двора. Первые – Мисосту Мамбетову (род Атажукиных – *З.К.*) и Ахловым (удел Гиляхстановых – *З.К.*), вторые – Татархановым (удел Джабулатовых – *З.К.*) и еще некоторым феодальным фамилиям из Малой Кабарды»¹⁴.

В своих ранних работах Г.К. Кокиев высказывался в пользу того, что куртатинцы и тагаурцы платили не «феодальный налог» в пользу своих сеньоров, а лишь за проезд через Кабарду¹⁵. Признавая ее сильное влияние на Дигорию, он вместе с тем отрицал прочность политического господства кабардинцев над другими районами Осетии¹⁶. Однако во вступительной статье к сборнику документов «Материалы по истории Осетии» он уже утверждал, что «ярким примером искажения исторических фактов может служить господствовавшая точка зрения дипломатов екатерининской эпохи, а с ними и преобладающего большинства старых дореволюционных авторов, рассматривавших осетин, вопреки исторической действительности, «вольными» и «независимыми» от кабардинских феодалов»¹⁷. В подтверждение этого тезиса Г.К. Кокиева можно привести один из рескриптов Коллегии иностранных дел России от 3 декабря 1767 г.: «Осетинцы... хотя и называют себя свободными, да и разведываниям такими оказываются, однако ж, по малостию их, а превозможением над ним кабардинцов, сии последние утверждают, что и осетинцы им подчинены так как и другие некоторые окольные им малосильные народы, от которых и действительно подать собирают, а и от осетинцов иногда вымогают же»¹⁸.

Многочисленны упоминания о вассальной зависимости от Кабарды соседних народов и горских обществ Центрального Кавказа в сочинениях русских и иностранных путешественников конца XVIII – нач. XIX в. По данным И.А. Гюльденштедта «базиянские» округа Малкар, Безинги, Хулам, Чегем и Карачай платили «разным кабардинским князьям дань, обыкновенно с каждой семьи в год по овце»¹⁹. Кроме того, описывая различные вайнахские общества этот автор отмечал: «Иные подвластны сильным своим соседям, коим частью платят дань; иногда свергают с себя сие иго, либо покоряюся другим владельцам, так например: округа Вапи, Ангушт, Галга и Карабулак были подвластны, то Аксайским..., то Кабардинским князьям. Они присягнули в верности России и дали аманатов. Но сие не мешает помянутым князьям иметь право на владение ими»²⁰. По его же сведениям над осетинами «от части» присваивали себе «верховную власть» кабардинские князья²¹.

Я. Рейнегс свидетельствовал, что подвластны кабардинцам и платят им ежегодную дань «племя Балкар, состоящее из 1000 семейств на реке Пшуган, к востоку от них племя Биссинги, состоящее из 300 очагов; к западу на реке Черик лежат 114 домов племени Шакмена (Шакмановых – владельческого рода Хуламского общества – З.К.), еще западнее, на реке Чегем племя Чегем с 400 домами. Еще дальше бедное племя Оруспи, насчитывающее 160 душ и обитающее в горах Баксана. Господство над этими племенами такое же, как и в Большой Кабарде: они разделены и названы по имени кабардинских княжеских фамилий»²².

Другой русский путешественник – П.С. Паллас отмечал, что «горные народы, сделавшиеся данниками черкесских князей, вроде абазов, осетин, дигорцев, басиян, балкар, карачаевцев и карабулаков, платят им обычно с каждой семьи по одной овце или ее стоимости бурками, полотном, медной посудой и другими подобными предметами»²³.

Г.Ю. Клапрот, в нач. XIX в. полагал, что «раньше могущество черкесских князей распространялось на осетин, чеченцев, абазин и татарские племена, жившие в высоких горах у истоков Чегема, Баксана, Малки и Кубани, но их могущество ослабело, в результате занятия этих районов русскими. Однако эти князья продолжают рассматривать себя как господ этого народа»²⁴.

В Кабарде сеньориально-вассальные отношения, пронизывавшие всю социальную вертикаль («благородные» сословия), были строго регламентированы. Князья, тлекотлеши, дижинуго и многочисленное служилое дворянство были соучастниками феодального землевладения, имевшего условный и иерархический характер. В одной из статей кабардинских адатов, собранных и систематизированных

Ф.И. Леонтовичем, постулировалось следующее положение: «Узденья имеют право владеть землею, крестьянами, доставшимися по наследству и приобретаемыми покупкою; и в обоих случаях они суть полные и независимые владельцы»²⁵. Однако самостоятельность в реализации вотчинных прав черкесских дворян была ограничена в рамках иерархической структуры землевладения. Материальным выражением высших земельных прав князей и вассальной зависимости от них даже крупных самостоятельных дворян-вотчинников была феодальная рента, получаемая с населения всех земель подвластных княжеской фамилии.

По черкесским адатам «для собственного и двора своего продовольствия» князь имел право брать «у своих подданных и узденей баранов у кого только есть, не разбирая им или посторонним принадлежит скот, с каждого дома в год по одному барану и ягненку, с тех кошей, которые принадлежат узденям князя и подвластным их (разрядка наша – *З.К.*)»²⁶. Таким образом, взимание «дани», уплаты которой кабардинские князья требовали с соседних народов, была попыткой включения последних в сферу действия обычно-правовых норм, на основе которых строилось кабардинское феодальное общество. Ежегодная «дань» приобретала форму феодального налога в пользу сеньора, в силу признания его сеньориальных прав. В этом отношении весьма показательным упоминание в кабардинских адатах не только об обязательной «дани», но и о праве князей поступать с абазинами, карачаевцами, балкарцами, осетинами и ингушами «в наказаниях и штрафах... наравне по правилам кабардинцев»²⁷.

Вместе с тем, реалии социальной и политической жизни народов Северного Кавказа значительно усложняли характер сеньориально-вассальных отношений между их субъектами.

Во-первых, феодальные владения Кабарды не составляли единого государственного организма. Большая Кабарда и два феодальных удела Малой Кабарды – Таусултановский и Гиляхстановский, являлись самостоятельными государственно-политическими образованиями. Большая Кабарда к тому же делилась на четыре удела, объединенных властью старшего князя, но это объединение носило характер федеративного союза при сохранении острого внутривластного соперничества, в том числе и за право взимания феодальной ренты с подвластных народов. В какой-то мере соперничество кабардинских владельческих родов нарушало давно установившиеся отношения вассалитета в рамках собственно кабардинских удельных княжеств. Так, например, Гиляхстановы и Таусултановы подвергались притеснениям со стороны более могущественных князей Большой Кабарды, которые, как

сообщали первые российскому правительству, «вступя в собственное владение наше, подвластных дедовских узденей и рабов наших некоторых насильством и нападками отнимают, а некоторых чрез дачи к себе присвояют, и тем владение свое умножая, нас побеждают. И чрез то уздени наши, не слушая нас, в противности находятся и называют себя тех владельцев узденями и повеление наше не слушают»²⁸.

Кайтуикны завладели «Анзоров, Кугулка, Муртаза кабаками со всеми ихними лежащими народами «(аулы Анзоровых, Коголкиных и Муртазовых – *З.К.*), которые ранее входили в удел Таусултановых, а Атажукины отняли у Гиляхстановых «Тузар кабак» (аул Тузаровых – *З.К.*)»²⁹.

Тем более жестким было соперничество между кабардинскими владельческими фамилиями за право взимания посемейной дани с соседних народов. Ослабление или поражение в междуусобной борьбе почти автоматически влекло за собой потерю проигравшим в столкновении княжеским родом своих владельческих прав как в Кабарде, так и за ее пределами.

В результате временного изгнания из Большой Кабарды в 1747 г. Касая Атажукина (род Мисостовых – *З.К.*) произошло перераспределение феодальной ренты, поступавшей в страну от подвассальных горских народностей. Коллективность владельческих прав княжеской верхушки Большой Кабарды на взимание податей со своих вассалов проявилась в том, что победители – Атажукины и Джамбулатовы – собрали «множество старшин чеченских, дугурских, «балкарских, карачай... абазинских» и «разделили... по себе», принудив принять присягу в том, «чтобы... тех владельцев самих и жен их в жилища свои не пущать и ничем не снабдевать... и подвластными их людьми не называться»³⁰.

Мало того, что князя Большой Кабарды реализовывали экономическую зависимость от них карачаево-балкарских обществ, политическую раздробленность и слабость абазин и самостоятельно, без участия Таусултановых и Гиляхстановых, навязывали этим народностям свои сеньориальные права, но они еще и прилагали все усилия для того, чтобы усилить свое влияние среди осетин и ингушей, хотя последние в экономическом отношении зависели именно от малокабардинцев, а для Большой Кабарды были более дальними соседями.

По данным коллегии иностранных дел России в 1729 г. владелец Малой Кабарды Кази Гиляхстанов контролировал Дарьяльское ущелье и «тавлинцы» (т.е. горцы – *З.К.*), живущие там, были ему «послушны»³¹. Источники, датированные 1743 г., так же подтверждают вассальную зависимость дигорцев от рода Гиляхстановых, которым они платили подати³². Однако несколько ранее К. Главани причислял Дигорию к

числу округов, подвластных правителям Большой Кабарды, а на карте, составленной С. Чичаговым в 1744 г., дигорское плоскостное село Караджау было упомянуто в числе «деревень» и «знатных мест» Большой Кабарды, находящихся в «протекции у Койтукина рода»³³. Астраханский губернатор П. Кречетников в 1774 г. вполне справедливо отмечал, что хотя «осетинскому народу свойственное бы принадлежать к владельцам Малой Кабарды по близкому своему к ним соседству, но всеми бывшими делами и полученными из Кизляра известиями доказывается, что напротив того, паче в них участвуют владельцы Большой Кабарды по силе и превозможению своему, от которых некоторым образом самые Малой Кабарды жители находятся в зависимости»³⁴.

В «Родословной племен черкесского народа», составленной на рубеже XVIII и XIX вв. утверждалось, что Мисостовы и Кайтукины владели дигорцами и тагаурцами, а Атажукины – куртатинцами, причем отмечалось, что «некоторая ... малая часть их входит в Малую Кабарду» и платит подати Таусултановым и Гиляхстановым³⁵. Об ингушах говорилось, что они никогда покорены не были, а по покорении их следовало бы разделить между владельческими фамилиями Большой Кабарды³⁶.

Между тем князья Большой Кабарды еще в 1783 г. утверждали свое право на взимание податей с ингушей, считая их своими давними подданными, а старшины последних отвечали на запрос российского правительства, что «хотя временно платили подать кабардинцам с каждого двора по одному барану, а у кого нет, то на одну косу железа, однако ж они подвластными им никогда себя не признавали»³⁷.

Наиболее полный перечень зависимых от кабардинских князей родов Северного Кавказа содержится в «Постановлении о сословиях в Кабарде» – приложении к работе Ш.Б. Ногмова «История адыгейского народа»: «...Кабардинские князья имеют в подданстве разных сословий горцев, а именно: карабулаков, назрановцев, ингуш, осетин и абазинцев, кои платят дань по нижеследующему порядку.

Ингуши, назраны и карабулаки ежегодно платят по очереди кабардинским князьям по рублю серебром с дома, и тот князь, который получит те деньги, должен весь год от обид их защищать и дает для того человека, который состоит на всем довольствии от них с лошадыю; притом ему дают несколько платья за охранение.

Тагаурские осетины на том же основании платят, как и назраны, до самой Дигории.

Дигорский народ, живущий на плоскости, в горах, платит с двора по барану, и также дается им для защиты от обид человек от князя на всем мирском продовольствии.

С балкарцев никакой дани не получают, но только в случае кражи у кабардинцев лошадей платят штраф и наказываются за все проступки, наравне по правилам кабардинцев.

Чегемцы и урупиевские осетины с давнего времени принадлежат Атажукинской фамилии, и никто в них не вмешивается, а князь Атажукинской фамилии требует с них дань, сколько назначит, отчего они отнюдь отказаться не могут.

Хуламцы, безенги-осетины, по очереди в год дают князьям по барану с дома.

Карачаевцы-осетины между князьями нераздельные, в подданстве с самых давних времен; у кабардинцев они платят князю, старшему летам в Кабарде, ежегодно 300 баранов от всех, а от каждого дома особенно по сапетке пшеницы и по большому кувшину коровьего масла...

Шесть частей абазинцев принадлежат с давнего времени кабардинцам и разделены между их князьями следующим образом: племена Клычева, Кашава (Кячева – *З.К.*), Дударукова, фамилии Атажукиной; беселбаевцы, бибердовцы и половина Лоовых Жанбулатовой фамилии, а последняя половина Лоовых – Мисостовой фамилии и платят дань князьям тех фамилий наравне с ингушами, назрановцами и карабулаками и также поступает с ними в наказаниях и штрафах»³⁸.

Этот текст, составленный, по всей видимости, после опроса представителей социальных верхов кабардинского общества, можно рассматривать как декларацию политических притязаний высшей феодальной аристократии Большой Кабарды, так как в нем нет ни слова о сюзеренных правах Таусултановых и Гиляхстановых. Хотя, судя по источникам XVIII в., «некоторая часть» осетин все еще признавала власть этих владельческих родов, князья Большой Кабарды добились главенствующей роли в феодальной эксплуатации горцев Осетии и Ингушетии, непосредственными же своими соседями-абазинами, карачаевцами и балкарцами они управляли совершенно самостоятельно.

Народные предания связывают рост политического влияния Большой Кабарды с деятельностью Асланбека Кайтукина и Хатажуко Мисостова, охватывающей первую половину XVIII в. В период их правления, по описанию Ш.Б. Ногмова, «обряды и отцовские постановления были утверждены и кабардинцы приобрели уважение всех соседей. Асламбек принудил к подати осетин, ингушей и проч., находившихся в повиновении»³⁹.

Помимо внутривнутриполитического соперничества кабардинских владельцев в притязаниях на сюзеренную власть над соседями, одной из основных трудностей в их реализации было то обстоятельство, что далеко

не у всех народов Северного Кавказа, которым в разное время довелось испытать на себе военно-политическое давление Кабарды, феодальные институты были достаточно развитыми для того, чтобы вхождение в систему черкесского феодализма воспринималось ими безболезненно. В первую очередь это касается вайнахских и некоторой части осетинских субэтносов (алагирцев, куртатинцев).

Минимальным необходимым условием для установления прочных сеньориально-вассальных отношений было наличие в том или ином горском обществе феодального сословия способного, в силу своего социального статуса, взять на себя (не всегда добровольно) определенные вассальные обязательства по отношению к черкесским владельцам. В этой роли могли выступать и некоторые представители феодализирующейся родовой верхушки, как это и имело место у куртатинцев, ингушей и карабулаков⁴⁰.

Достаточно развитые сословные отношения у осетин-тагаурцев, дигорцев, карачаевцев, балкарцев и особенно – абазин-тапанта, отвечали этому требованию. Социальные верхи этих народов – тагаурские алдары, дигорские бадиляты, карачаево-балкарские бии, абазинские аха и амыстаду, приравнивались по своему социальному статусу кабардинским тлектотлешам и дижинуго, и могли вступать с последними в брачные союзы⁴¹. Уравнение в правах с тлектотлешами и дижинуго было для этих сословий формой вхождения в иерархическую систему черкесского феодального общества. Надо заметить, что это не всегда воспринималось феодальными сословиями соседних народов как повышение своего социального статуса. Мало того, что никто не доказал преимуществ происхождения от выходца из Аравии Инала перед происхождением от Бадила из Маджар или армянского царевича Тага. К этому можно добавить, что абазинские князья, даже по черкесским преданиям, в давние времена пользовались большим почетом, а все другие уступали им в силе⁴². По сведениям, собранным в начале прошлого века И. Дебу, кабардинские князья лишь в результате долгой кровопролитной борьбы заставили абазинских владельцев «войти к ним в подданство и из равных по родоначалию признать себя их узденями»⁴³.

Как бы там ни было, реальное соотношение военно-политических сил северокавказских феодалов уже задолго до XVIII в. вознесло на недосягаемую для других высоту социальный престиж потомков Инала как внутри феодальных владений Черкесии, так и за их пределами.

Осетинские алдары и бадиляты, карачаево-балкарские бии, абазинские аха и амыстаду как и первостепенные кабардинские дворяне

сохраняли все права и привилегии в управлении собственными подвластными в рамках своих владений. Однако если на общекабардинских или удельных сословно-представительских собраниях знатные уорки-вотчинники (в основном представители сословий тлекотлеш и джижинуго) составляли дворянскую палату и, обладая правом решающего голоса, принимали активное участие в выработке политических решений, представители социальных верхов подвассальных народностей приглашались на эти собрания лишь для объявления им уже принятых решений⁴⁴.

Ярким примером этому может послужить уже описанный нами выше случай, когда Атажукины и Джамбулатовы на хасе Большой Кабарды в 1747 г. заставили подвластных Мисотовым горских старшин и владельцев отказаться от своих вассальных обязательств по отношению к последним.

Ограничение прав высших сословий северокавказских народностей, непосредственно входивших через сеньориально-вассальные отношения в общую структуру черкесского феодального общества, было выражением относительной слабости интеграционных функций кабардинских сословно-представительных собраний. Горцы Северного Кавказа не могли не тяготиться зависимостью от черкесских князей и последним зачастую приходилось силой вновь и вновь утверждать свои притязания на сюзеренную власть.

«Оные горские народы, – сообщали они в Коллегию иностранных дел России, – ни у которого государя не в подданстве и никому ими действительно овладеть невозможно, за тем, что живут в крепких и непроходимых местах. И когда Большой Кабарды владельцам случается над ближними им народами чинить поиски, и тогда ходят на них партиями от пятидесяти до двух сот человек, и напредь тайным образом осмотря захватят тесные проходы, и для охранения... оставляют... несколько человек... пеших с ружьем и таким образом учиня поиск возвращаются с добычею... Напротиву того и с тех горских народов по несколько человек, ночным временем приходят и зажигают их, кабардинские деревни, от чего им и немалые разорении приключаются»⁴⁵.

Удаленность или недоступность районов обитания того или иного народа, его численность и сплоченность, наличие или отсутствие социальных сил, готовых принять на себя вассальные обязательства в обмен на политическую поддержку со стороны своих сеньоров – черкесских владельцев в борьбе с зависимыми и закрепощаемыми сословиями, были теми факторами, которые предопределили большую вариабельность конкретного содержания сеньориально-вассальных отношений

между их субъектами. Наиболее прочной была вассальная зависимость от кабардинских князей абазин-тапанта, находившихся в поземельной зависимости от «черкесских беев», которым абазины «отдались под покровительство» при переселении из «Абазы» – с южных склонов Кавказского хребта, о чем свидетельствовал К. Главани⁴⁶.

Еще более определенно об основных причинах прочности кабардино-абазинских отношений высказался И.А.Гюльденштедт: «В прошедшем столетии (XVII в. – *З.К.*), когда кабардинские князья распространились далее на восток к Тереку, абхазу (абазины – *З.К.*) занимали их области, через то и сделались подвластны кабардинским князьям»⁴⁷. Последние, обосновывая свои притязания на абазинцев, сообщали русскому правительству: «Абазинский народ из гор произошел, сначала с именуемым Хаджи-Ахмедом две фамилии вышли, одна называемая Манугх, другая Хохона; а потом по две и по три фамилии из гор к нам выходили, и неоднократно паки от нас отходили; и тако именуемые алтыкесек абазы от того произошли»⁴⁸. Причем начало переселенческого движения кабардинские владельцы относили ко временам Инала⁴⁹.

На рубеже XVII–XVIII вв. абазины-тапанта проживали уже непосредственно в Большой Кабарде на «луговой стороне Баксана»⁵⁰. Такое передвижение абазин на восток было связано с тем, что они «следовали» (по абаз. *ейбарпшны*) за своими сюзеренами-кабардинскими князьями⁵¹. Обязательное «следование» за своим владельцем было освящено черкесскими адатами: «При переселении князей на другое место, узденя, им принадлежащие, следуют за ними и живут не в дальнем расстоянии»⁵².

Абазины-тапанта на протяжении XVIII столетия часто меняли места обитания, но даже находясь в Закубанье, они оставались в сфере непосредственного влияния кабардинцев. В 1745 г. в ответ на требование кубанского сераскира уплатить крымцам ясак (дань), владельцы абазин, проживавших по притокам верхнего течения Кубани, отказали ему, ссылаясь на то, что их сюзерен Асланбек Кайтукин, а, следовательно, и они не являются русскими подданными⁵³. Попытка крымцев самовольно отогнать конский табун, принадлежащий абазинам, привела к военному столкновению, в котором на стороне последних выступили объединенные силы кабардинцев и кемиргоевцев⁵⁴.

Поддерживая кабардинцев и выступая против притязаний Крымского хана Российское правительство в начале 1753 г. в одной из своих записок сделало следующее «изъяснение Оттоманской порте»:

«Хотя река Инжик (большой Зеленчук – *З.К.*), на которой... абазинцы живут, лежит за рекою Кубаном и впадает во оную, однако же чрез

то принадлежности их к кабардинцам опровергнуть невозможно, ибо напротив того — надлежит взять в разсуждение и реку Терек, о которой известно, что течение имеет в границах Всероссийской империи, и на которой с одной стороны имеются немалые российские жилища, а с другой живут подданные е. и.в. кумыки, андreeвцы, аксайцы, брагунцы и чеченцы... А в вершинах оной в горах находятся народы..., которые Всероссийской империи не в подданстве, а... во владении у тех же кабардинских владельцев»⁵⁵.

Каждое из шести подразделений абазин-тапанта и башилбаевцы были связаны через своих владельцев вассальными обязательствами с одной из княжеских фамилий Большой Кабарды⁵⁶. Такая определенность вассальных отношений свидетельствует об их традиционной устойчивости.

Впрочем, кабардинским князьям довольно часто приходилось применять вооруженную силу против своих непокорных подданных. В 1764 г. объединенные дружины Атажукиных и Мисостовых «отъехали за Кубань, ради усмирения и приведения под свою власть подвластных им абазинцов, алтыкесек называемых»⁵⁷. В октябре 1787 г. пятитысячное ополчение Большой Кабарды перешло в Закубанье и, приведя к покорности абазин-тапанта и башилбаевцев, взяло у них аманатов⁵⁸.

Ю.С. Клапрот особо отмечал, что карачаевцы «очень послушны и относятся с большой почтительностью к своим владыкам «кабардинским князьям, и выполняют все их приказы с точностью и услужливостью»⁵⁹. Верность карачаевских биев своим сюзеренам, наряду с достаточно высоким уровнем социально-экономического развития этого горского общества обеспечивало Карачаю особый статус во взаимоотношениях с Большой Кабардой. В отличие от других горских обществ сюзеренная власть над Карачаем была прерогативой старшего князя Большой Кабарды⁶⁰. Фамильные права остальных представителей княжеской верхушки Большой Кабарды заключались в следующем:

«Когда малолетний сын како-либо князя в первый раз приедет к карачаевцам, как только начнет ездить на лошади, в то время всякий житель карачаевский из черного народа обязан ему дать у кого есть табуны лошадей, — лошадь, если же оных не имеет, — корову, быка или барана, а старшины дарят ему хорошие ружья, шашки, пистолеты и прочие приборы к убранству военному нужные. Всякий князь может посылать в Карачай и берет, что потребует, лошадьми или коровами и прочим, что только нужно»⁶¹.

Впрочем, судя по источникам XIX в., имеющим репрезентативный характер, Атажукины, Мисостовы и Джамбулатовы старались детально

регламентировать свои взаимоотношения с карачаевцами. Так, в документе, датированном 1839 г., содержится следующая информация:

«Кабардинцы с давних времен..., будучи сильнее прочих горских народов... подчинили себе набегами и грабежом и обязали их ежегодною податью, в числе коих и карачаевцы. Во избежание их грабительства и утеснения обязались разделить на княжества:

Крымшамхалова фамилия – Мисостовой, Карабашевы – Джембулатовой, Дудовы – Атажукиной, почему для охранения их от насилия как своих князей, так и от прочих народов, выселялись к ним с каждой упомянутой фамилии кабардинских князей на три года по одному князю, которые кроме такового охранения обязаны были провожать ездящих по своим надобностям в разные места и отыскивать у них кем – либо только похищенное или явно отнятое, за каковое трехлетнее охранение от всяких насилий и обид платили они поименованным трем князьям 1500 баранов и 100 штук рогатого скота; и сверх того, кто из них умел лучше их охранять, тому по просьбе его делалось особое уважение, да сверх сего давали они старшему князю всей Кабарды, которой бы он фамилии ни был, с каждого дома по одному барану»⁶².

Горцы балкарских обществ, как только им это позволяли обстоятельства, старались отказаться от уплаты посемейного налога кабардинским владельцам: «А когда у них в горах хлеб и трава родится довольная, и тогда оные соль покупают из Грузии. И в горах, отъезжая в дальние места достают воды и из оной варят. И скоты свои из гор не выгоняют и сами в Кабарду уже не ездят и кабардинцев к себе не пускают, за что с ними бывают ссоры и драки»⁶³.

Тем не менее чегемцы и урусбиевцы «принадлежали» Атажукиным и никто не имел права вмешиваться в отношения между ними, а хуламцы и безенгиевцы платили подати поочередно всем князьям Большой Кабарды⁶⁴. Особенно интенсивной была внеэкономическая эксплуатация некоторых балкарских обществ, которые облагались целым рядом натуральных налогов, а в ряде случаев и чрезвычайными поборами.

По данным 30-х годов XIX в., в прошлом, «чегемцы платили фамилии Атажукиной (исчисления в деньгах):

1. За раздел имения старшины получали смотря по состоянию имения подданных по тому примерно, ибо случалось на сумму от 150 до 200 и до 300 рублей серебром.

2. От черного народа с каждого дома каждое лето для молоко по одной корове, что составляло до 140 коров со всех, на деньги будет – 700 рублей серебром.

3. На пищу по одному быку 140 быков – 1400 рублей серебром.
4. По одному барану, 140 баранов – 140 рублей серебром.
5. По одному кувшину масла, 70 пудов – 210 рублей серебром.
6. По два бурдюка пива, 280 бурдюков – 140 рублей серебром.
7. По одной сапетке пшеницы – 35 рублей серебром.
8. Во время зимы со всего народа для возки дров 20 ишаков – 40 рублей серебром.

9. Для запашки земли во время пахоты 20 быков – 60 рублей серебром.

10. Для одежды по одному курпю со двора – 35 рублей.

11. Если кто помрет из оного народа и никого из наследников не останется – все имение поступало в пользу фамилии Атажукиных, примерно от 40 до 80 рублей и случалось и до 100 рублей серебром в год.

12. Когда кто из фамилии Атажукиных пожелает ехать на богомолье в Мекку, народ обязан был на путевые издержки дать ему пособие по возможности.

13. 50 лет тому назад (то есть в 90-х годах XVIII в. – *З.К.*) Хаджи Темруко Атажукин при поезде в Мекку получил 20 девок одинакового возраста, составило на деньги 4000 рублей»⁶⁵.

Зато горское общество Малкар – наиболее сильное и многочисленное, по временам освобождалось от уплаты податей, владельцы Большой Кабарды оставляли за собой лишь право наказывать и штрафовать горцев за кражи и «все проступки» по кабардинским адатам⁶⁶.

Большая часть осетин (алагирцы, куртатинцы) и вайнахские общества (ингуши, галгаи, карабулаки) всегда оставались наиболее беспокойными и непокорными соседями Кабарды, чему способствовали их многочисленность, сильные эгалитарные традиции общественно-политической организации и относительная слабость их непосредственных соседей – князей Гиляхстановского и Таусултановского уделов Малой Кабарды.

Судя по источникам XVIII в., лишь дигорцы и тагаурские осетины через представителей своей феодальной верхушки были тесно связаны с Кабардой⁶⁷.

Так, например, когда в 1748 г. осетинские старшины готовили посольство в Петербург, недовольные этим обстоятельством владельцы Большой Кабарды, стремясь воспрепятствовать проникновению России в свои традиционные сферы влияния, сумели отговорить от участия в нем дигорцев и тагаурцев: «Из назначенных 5 старшин Дугарский Созоруко, тугаецкий Девлет из уездов ехать ко двору ея императорского величества намерение свое отменили по угрозам же кабардинцов, которые оным старшинам внушали, если они... поедут,

то будут задержаны в России в аманатах, а они, кабардинцы, будут им неприятели и разорять станут их дома»⁶⁸.

Зато жители куртатинского ущелья заявили Кази Ахлову, прибывшему к ним с требованием «по древним обычаям» уплатить с каждого двора по барану, «что они просвещаются веры греческого исповедания и желают быть во всевысочайшей протекции ея императорского величества... и за то он Кази, им угрожал, естли они той подати ему не дадут, то он их будет разорять и брать в полон, продавать и, того убоясь, некоторые ту подать ему отдали»⁶⁹.

Обострение отношений владельцев Большой и Малой Кабарды с горцами Осетии и Ингушети не в последнюю очередь было связано с миссионерской деятельностью Духовной комиссии, основанной в 1745 г. на Северном Кавказе российским правительством, о чем недвусмысленно свидетельствуют источники⁷⁰. Члены осетинского посольства отмечали, что они «со всеми кабардинскими владельцами, а паче с Алдигиреем Гиляксановым издавна имеют дружбу и соседство, и... от кабардинцов опасения не имеют, только ныне по причине принятия ими святого крещения, все владельцы и их уздени, кроме одного Алдигирея Гиляксанова их ненавидят»⁷¹.

В 1756 г. «киштинские» (ингушские – *З.К.*) старшины так же отмечали, что «после того, как в народе нашем стало грекороссийский закон распространяться, то Большой Кабарды кабардинцы по своему варварскому обыкновению возымели на нас ненависть и злобу и стали нам разные обиды чинить, смертоубийства и воровски увозить нашего народа людей, отгоном лошадей, баранов, тако ж для пахания и коше-ния сена на наши степные места нас не допускают и в святом крещении чинят нам немалые препятствия и завсегда они, кабардинцы, нам говорят, зачем мы крестимся и в протекции ея императорского величества быть желаем»⁷².

Краткий перечень причиненных Духовной комиссией «от кабардинских владельцев с их уздени и подвластными обидах и разорениях» с 1752 г. по 1760 г. включает угоны скота, ограбления, убийства, пленение и продажу в Закубанье («Бесленею») и Крым новокрещенных горцев – осетин и ингушей⁷³. Особенно сильно страдали от нападений кабардинцев ингуши. В апреле 1760 г. владельцы Большой Кабарды Мисост Кургокин, Кази и Жанхот Бекмурзины с «братьями и... узденями своими» отогнали 900 баранов у ингушей, причем последние понесли потери убитыми и пленными»⁷⁴. Осенью 1772 г. «Большой Кабарды владельцы зlobствуя на них в том, что они отринувши их подданство отдались в полное защищение е.и.в. и принимают крещение отогнали

у них полторы тысячи скота, а потом и войну объявили, прислали к ним обнаженную стрелу, с тем изъяснением, чтоб всех их попленить и жилища их сожещи»⁷⁵.

В начале 1773 г. при повторном нападении владельцев Большой Кабарды Бекмурзы и Гетагажа Касаевых, Кургоки и Мусы Карамурзинных ингуши потеряли убитыми 35 человек и лишились еще 700 баранов⁷⁶. На настоятельные требования российских властей прекратить нападения на ингушей, князья Касаевы отвечали, что «ингушевский народ был издревле ими завоеван, и всегда они с них по обычаю подать брали, а ныне... не только не дают, но еще крадут у кабардинцев скот и увозят. И... иным способом с ними зделаться не можно, кроме того, чтоб их усмирять оружием»⁷⁷.

Кабардинские владельцы предпринимали попытки мирным путем урегулировать свои отношения с горцами, переселить их на свои плоскостные земли, прилегающие к ущельям, занятым последними, чтобы тем самым укрепить свою власть над ними. Тагаурские старшины Темир Султан Жамоев, Тараш Кантиков, Джадора Нафиев и Асланбек Темиров в марте 1755 г. сообщали российским властям: «Хотя некоторые Большой Кабарды владельцы объявляют, дабы мы под их власти состояли, а для неопасности при поселении нашева на тех местах (плоскостных землях по Тереку и Фиагдону – *З.К.*) обещали своего человека дать, токмо как мы под их власти не были, так и ныне того учинить не желаем»⁷⁸.

Только дигорцы значительными массами стали заселять предгорно-плоскостные территории по Уруху, Урсдону и Лескену⁷⁹.

«Поскольку эти фамилии дигорцев, – писал в нач XIX в. Г.Ю. Клапрот, – населяют и обрабатывают землю черкесов, они рассматривают себя вместе со всем народом вассалами фамилии Тау-Султанов, которым они платят дань состоящую из овец и, главным образом, из медных котлов вывозимых из Имеретии... Также и в Большой Кабарде несколько княжеских фамилий имели дигорцев в качестве данников»⁸⁰.

Попытки горцев Осетии и Ингушетии решить проблему земельного голода и добиться независимости от Кабарды при поддержке России, по большей части оставались безрезультатными. Российское правительство до заключения в 1774 г. Кучю-Кайнарджийского мирного договора, по которому Кабарда формально вошла в состав Российской империи, старалось избегать обострения отношений с кабардинцами. Оно осознавало, что если бы «осетинцы на... кабардинские места выселились, они неминуемо и подвластными тамошним владельцам к немалому оных... усилению, учиниться были бы должны, в чем со здешней стороны и препятствовать с... означенным трактатом (Белградским

договором – 3.К.) было бы не сходно, а ежели бы против воли кабардинцов на их землях осетинцов поселивши со всем тем не допускать кабардинцов ими пользоваться, в таком случае с Портою Оттоманскою и до самой крайности легко дойти могло б»⁸¹.

Но даже после 1774 г., обещая свое покровительство всем горским обществам, присягнувшим на верность России, правительство рекомендовало тагаурским алдарам, чтобы они, как подвластные владельцам Малой Кабарды, «им показывали всякое уважение и ... подать из древности естли платят кабардннцам, отдавали беспрепятственно как бы и сих не встревожить»⁸².

Резкое обострение русско-черкесских отношений после семимесячной войны 1779 г. позволило российским властям обязать владельцев Большой и Малой Кабарды не притеснять осетин и ингушей⁸³. Российская политика в последней четверти XVIII в. была направлена на ослабление черкесских владельцев, «пересечением их связей с соседними народами... и отнятием доходов приобретаемых от иноплеменных народов силою их оружия еще в давности покоренных»⁸⁴. Но внешнеполитические осложнения, связанные с восстанием шейха Мансура (1785), началом в 1787 г. новой русско-турецкой войны и особенно первыми успехами в Европе наполеоновской Франции, заставили петербургский императорский двор снизить военно-политическую активность на Северном Кавказе.

28 мая 1800 г. Павел I издал высочайшее повеление, в котором рекомендовал «как можно меньше вмешиваться в дела Горских народов, покуда не касаться будут до границы Нашей, ибо сии народы находятся более в вассальстве Нашем, нежели в подданстве»⁸⁵. Это позволило владельцам Большой и Малой Кабарды несколько стабилизировать свое положение. На хасе Большой Кабарды, собравшейся 14 мая 1800 г. на р. Баксан, вместе с 2000 конно-вооруженных владельцев и их узденей собралось до 500 человек «посторонних жителей из многих Кавказских народов»⁸⁶. Видимо, владельцы Большой Кабарды созвали столь многочисленное собрание в целях урегулирования своих отношений с соседними народами.

В какой-то мере это им удалось, что подтверждается фактом поддержки восстания в Кабарде 1804 г. «многочисленными скопищами тагаурцев, джераховцев, кистинцев, балкарцев, ингушей, карабулак и осетинцев»⁸⁷. Но прочное утверждение России на Северном Кавказе было уже свершившимся фактом. Ее весомое политическое и военное присутствие в крае обнаружило слабые стороны ставших весьма нестабильными сеньориально-вассальных отношений кабардинских

князей даже с наиболее интегрированными в систему черкесского феодализма горскими обществами. Именно в этом контексте следует, на наш взгляд, рассматривать освобождение балкарского общества от выплат ежегодных податей. Абазины, даже та их часть, что заселяла район Пятигорья, оказались вне сферы прямого военно-политического воздействия кабардинцев, так как Закубанье, где проживали башилбаевцы и часть абазин-тапанта было отрезано от Кабарды крепостями Кавказской линии, учрежденной в 1777 г., а прикумские земли вошли, в состав созданного в 1785 г. Кавказского наместничества.

Что касается взаимоотношений владельцев Большой Кабарды с горцами Осетии (особенно куртатинцами, алагирцами) и вайнахскими субэтносами (ингушами, карабулаками), их социальное содержание во многом не соответствовало сеньориально-вассальным.

Постоянно действующие факторы экономического (земельный голод) и социально-политического характера (слабость и разрозненность сил перед лицом агрессивных притязаний черкесской знати) обуславливали тягостную зависимость значительной части осетин, ингушей и карабулаков от владельцев Большой и Малой Кабарды. Однако слабая персонификация сеньориально-вассальных отношений, причем как со стороны вышестоящего сословия – владельцев Кабарды всех уделов, яростно соперничавших между собой, так и их непосредственных вассалов – представителей старшинской верхушки с неопределённым кругом прав и обязанностей даже в рамках сельских общин, возглавляемых ими, приводила к тому, что хотя первые и декларировали свое право на сюзеренную власть над осетинами, ингушами и карабулаками, зависимость последних от своих «сеньоров» приобретала более простые формы даннической эксплуатации.

Поэтому в отношениях с ними возобладал не четкий фамильный характер владения, когда тот или иной княжеский род устанавливал прочные и долговременные связи на основе вассалитета с представителями феодальной элиты соседнего народа (как это имело место с абазинами и карачаево-балкарцами), а коллективное право потомков Инала на взимание дани с покоренных горцев, что на практике по-видимому означало торжество права сильного.

Нельзя сказать, чтобы сеньориально-вассальные отношения, связывавшие владельцев Большой и Малой Кабарды с феодальной знатью абазин, карачаевцев, балкарцев, дигорцев и тагаурских осетин были совсем уж безоблачными и не подвергались со стороны последних попыткам к отрицанию, однако, в отличие от старшинской верхушки остальных «подданных» черкесских князей, не имевшей ни сил, ни

зачастую желания обеспечивать прочное вхождение возглавляемых ими родовых общин в сферу действия элитарных по своему духу обычно-правовых норм княжеской Черкесии, абазинские аха, амыстаду, карачаево-балкарские бии, дигорские бадиляты и тагаурские алдары вполне органично вписывались в иерархическую систему феодального черкесского общества и, при условии сохранения верности вассальным обязательствам, всегда могли рассчитывать на поддержку своих сословных внутривнутриполитических интересов со стороны высшей черкесской аристократии.

Это явление, на примере кабардино-осетинских отношений, М.С. Тотоев охарактеризовал как классовый союз феодальных кругов Кабарды и Осетии⁸⁸.

2. Аталычество

Один из самых своеобразных кавказских обычаев, заключавшийся в том, что дети потомственных аристократов воспитывались до совершеннолетия в семьях специально выбранных лиц – аталыков, впервые был зафиксирован у черкесов итальянским путешественником XV в. Д. Интериано⁸⁹.

В XVIII в. о бытовании института аталычества у черкесов писали русские авторы В. Бакунин и П.С. Потемкин, составившие соответственно в 1748 г. и 1784 г. первые краткие историко-этнографические описания кабардинского народа⁹⁰.

Много материала по этой теме содержится в работах первых черкесских историографов. Ш.Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа» писал: «Дети князей или владельцев отдавались тотчас после рождения уорку или дворянину, который нередко еще за месяц добивался этой чести. До 7 лет воспитатель (бофхак) (черкесский эквивалент тюркских терминов «аталык» или «емчек» – З.К.) князька нянчил своего воспитанника (кана)... В 16 лет воспитатель одевал молодого князя как можно лучше, снаряжал ему хорошего коня, снабжал богатейшим оружием и отвозил в отцовский дом, в который до того сын не мог ездить; при этом возвращении соблюдалось множество обрядов. Отец молодого князя награждал воспитателя лошадьми, скотом и даже холопами и потом отпускал с честью домой»⁹¹.

Пожалуй, первое подробное описание обычая аталычества составил Хан-Гирей, который к тому же попытался объяснить его генезис общественными интересами социальной верхушки.

«Не видано в Черкесии примера – писал Хан-Гирей, – чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме, под надзором родителей, напротив того, по рождении младенца немедленно отдают его на воспитание в чужие руки, т.е. в «руки человека, избранного в дядьки»⁹².

«Князья – добавлял он – издавна для увеличения своей силы искали все возможные средства, чтобы привязать к себе дворян, а эти для всегдашней защиты и воспомоществования себе во всех случаях желали более сблизиться с князьями... Для такого обоюдного сближения нашли вернейшим средством воспитание детей, которое связывая два семейства в некотором смысле кровным родством, приносило обоюдные выгоды»⁹³.

Многие русские исследователи XIX в. так же уделяли особое внимание институту аталычества. Это К.Ф. Сталь, Н.Ф. Дубровин, Ф.И. Леонтович, М. Ковалевский и др.⁹⁴

В современной отечественной историографии сложилось две точки зрения на пути возникновения на Кавказе института аталычества. Часть исследователей связывала происхождение аталычества с авункулатом и даже первобытной общностью детей, имевшей место в самую раннюю эпоху человеческой истории⁹⁵. Но, как справедливо заметил А.И. Першиц, «...ни у одного из племен, живущих общинно-родовым строем, обычай обязательной передачи детей на воспитание не зафиксирован»⁹⁶.

Более обоснованным является взгляд на аталычество, как на общественный институт, возникший и развившийся на кавказской почве в связи с процессами классообразования и становления отношений сюзеренитета-вассалитета. Эта точка зрения поддерживается большинством отечественных этнографов и историков⁹⁷.

Развернутую трактовку функций аталычества в феодальной Кабарде дал в одной из своих последних работ В.Х. Кажаров⁹⁸. Разделив две основные функции аталычества: 1) как способа воспитания и 2) как средства, способствующего поддержанию сюзеренно-вассальных отношений, В.Х. Кажаров показал его роль в кабардино-крымских связях XVIII в.⁹⁹

Нас же в большей степени интересует роль аталычества во взаимоотношениях черкесов с их ближайшими соседями, народами Северного Кавказа. В определенном смысле уже Хан-Гирей отметил особое значение аталычества в деле установления прочных связей между народами региона. «Аталыки, – писал он, – ездят с ними (воспитанниками – З.К.) в отдаленные племена, чтобы приобрести вновь вступающую на стезю наездничества друзей и знакомых»¹⁰⁰.

По этому же поводу Н. Дубровин высказался следующим образом: «...Обычай аталычества много способствовал примирению и сближению между собою разноплеменных горских семейств. Кроме того, при таком способе воспитания дети приучались говорить на чужих наречиях, что при существовании разноязычия, для них бывало весьма полезно впоследствии»¹⁰¹.

Конечно же значение аталычества, сближавшего «разноплеменные горские семьи», не ограничивалось изучением «чужих наречий» или установлением простых дружеских связей между родами аталыка и кана.

Черкесские князья, отдававшие своих детей на воспитание тлекулешам и дижинуго, расширяли круг связанных с ними аристократических родов. Причем аталыческие связи далеко не всегда дублировали отношения сюзеренитета-вассалитета. Например Анзоровы и Коголкины – вассалы Гиляхстановых и Таусултановых являлись аталыками некоторых владельцев Большой Кабарды¹⁰². Вассальные обязательства по отношению к определенной княжеской фамилии не лишали знатных дворян возможности добиваться права на воспитание княжича из другого рода. В этом проявлялась обоюдная заинтересованность двух сословий – пши и уорков, – в среде которых наиболее широко практиковалось аталычество. С одной стороны князья всегда имели шансы увеличить свой политический вес путем установления аталыческих связей с наиболее сильными вассалами своих противников. С другой же стороны, как отметил В.Х. Кажаров, «...аталычество могло быть не только средством поддержания отношений сюзеренитета-вассалитета, но и в определенных ситуациях эффективным способом разрыва вассальных отношений с прежним сюзереном и перехода на службу к более могущественным»¹⁰³.

Таким образом, аталыческие связи были наиболее оптимальными для установления прочных связей между аристократическими родами. Во-первых они устанавливались, как правило, на сугубо добровольной основе. Исключением могло быть лишь «воспитание за кровь». Виновный в смерти одного из членов фамилии, по свидетельству Ш.Б. Ногмова, должен был «...украсть сам или при содействии другого лица из семьи обиженного дитя мужского пола, воспитав его со всем рачением, как сына, и потом наградив его лошастью, оружием и одеждой, доставить его с большой церемонией обратно»¹⁰⁴.

Во-вторых, несмотря на то, что определенное неравноправие при установлении аталыческих связей проявлялось в том, что воспитатель всегда принадлежал к более низкому социальному слою, чем

воспитанник, характер возникавших при этом отношений не ограничивался рамками социально-иерархических, а имел в отличие от них более интимный смысл. По определению В.Х. Кажарова, «...аталык, беря на воспитание ребенка вышестоящего лица, устанавливал с ним искусственное родство, которое почиталось не меньше чем кровное. Дети воспитателя становились молочными братьями и сестрами кана (воспитанника). Впоследствии его привязанность к нему не уступала сыновним чувствам к своему родному отцу, если не превосходила их. В лице кана род аталыка приобретал мощную защиту. Общественный вес воспитателя становился несравненно выше влияния равного с ним по статусу лица, но не имевшего таких связей»¹⁰⁵.

Даже во взаимоотношениях между феодальными фамилиями княжеских владений Черкесии искусственное родство, устанавливавшееся между родом аталыка и воспитанником имело большое значение. Тем более возрастало оно при установлении аталыческих связей между черкесами и другими народами Северного Кавказа.

Так, например Г.Ю. Клапрот характеризуя роль аталычества в кабардино-осетинских отношениях писал, что князья Таусултановы «... посылали воспитывать своих детей в Истир-Дугор (Стур-Дигорию – З.К.), и эта мера значительно укрепляла их взаимную связь, так как князь становился, так сказать, членом народа и знал язык страны (разрядка наша – З.К.)»¹⁰⁶.

По сведениям, собранным в 1747 г. капитаном Барковским у абадзехов на воспитании находились дети Муки Алия Исламова (род Мисостовых) и Джембулата Кайтукина¹⁰⁷. Видимо, таким путем кабардинские князья пытались восстановить среди этого многочисленного черкесского субэтноса свой политический авторитет, сильно пошатнувшийся после неудачной попытки вмешаться на стороне бжедугов и кемиргоевцев в разгоравшийся между «демократическими» и «аристократическими» черкесами Закубанья конфликт, закончившейся для кабардинцев, как известно, полным разгромом их ополчения в Очноуском лесу.

Традиционно устойчивыми были аталыческие связи восточных черкесов с абазинами, карачаево-балкарцами и осетинами. На протяжении первой половины XVIII в. башилбаевский амыстаду Чанбора Егибоков был последовательно воспитателем своего сюзерена Жанхота Татарханова (род Джамбулатовых – З.К.), и, одного из самых известных и сильных среди князей Большой Кабарды – Касая Атажукина (род Мисостовых – З.К.)¹⁰⁸.

Среди аталыков Касая Атажукина был и балкарский таубий Азамат Абаев¹⁰⁹. Видимо случай воспитания кемиргоевского князя Асланбека

Болотокова последовательно тремя аталыками, описанный К.Ф. Сталем в первой половине XIX в., имел аналогии и в более ранних периодах истории Черкесии¹¹⁰. О том, что такая практика не являлась чем-то исключительным, свидетельствовал и Хан-Гирей, утверждавший, что «...аталык не может иметь более одного воспитанника без неудовольствия со стороны первого питомца», но «...воспитанник может иметь несколько аталыков»¹¹¹.

Описывая Осетию, представители российской администрации на Кавказе отмечали, что часть ее жителей не только состоит «под податью» кабардинским владельцам, но имеют с последними «...каначества (т.е. куначество – З.К.), служат им вместо узденей и ямчеками (т.е. аталыками – З.К.) принимаются»¹¹². Сами осетины в октябре 1751 г. во время своего первого посольства в Россию сообщали чиновникам Коллегии иностранных дел, что «...во время неприятельских на Кабарду приходов, оные владельцы малолетних своих детей для лутчего охранения присылают к ним в Осетию»¹¹³. Аталыками кабардинских князей и тлекотлешей, судя по архивным источникам и осетинским преданиям были фамилии дигорских бадеят Тугановых, куртатинцев Есеевых, Гуриевых, алагирцев Маздаевых и др.¹¹⁴

Если отношения сюзеренитета-вассалитета навязывались соседним горским обществам высшей феодальной знатью Кабарды чаще всего с позиций силы, инициаторами установления аталыческих связей с кабардинцами, как правило, выступали представители социальных верхов абазин, карачаево-балкарцев и осетин.

Во-первых род аталыка всегда мог надеяться на действенную защиту со стороны владетельного воспитанника, что в условиях нестабильной политической ситуации в регионе зачастую было единственной гарантией от насилия со стороны более сильных соседей.

19 июня 1761 г. находящийся в Большой Кабарде майор Терского казачьего войска П. Татаров доносил кизлярскому коменданту полковнику де Боксберху: «Во время свидания... с кабардинскими владельцами Баматом Кургокиным и Касаем Атажукиным, оные... говорили и при себе записать велели, ...что Крымский хан на кемиргуйцах ищет крови родного своего дяди, Башилбайского владельца, а баксанских владельцев Касая Атажукина Емчека, который вскормил Жанхота Татарханова, и ему Татарханову, подвластного Чанборы Эгебокова, который в бытность его в Крыму им, Крымским ханом, превеликим богатством надарен. И как он, Чанбора, в 760 году осенью обратно из Крыму в Башилбаи следовал, то на дороге оными Кемиргойцами убит и богатство ево ими, кемиргойцами взято, того ради и они, баксанские

владельцы, для отомщения ж в самой скорости на кемиргойцев пойдут, и ежели помянутые кемиргойцы без противности за кровь вышеписанного владельца Чанборы Эгебокова и за взятое по убийстве его богатство, им баксанцам, заплатят, то баксанцы, взяв оное и отдавши родственникам его, паки в Кабарду возвратятца. А ежели противу их... кемиргойцы противиться станут и вышепереченного отдавать не будут, то они, баксанцы, с ними... поступят, яко с неприятелем, что де и крымскому хану не противно, да и Российская б империя в том на них, баксанцев, гнева не имела»¹¹⁵.

К тому моменту, когда писалось это донесение, кабардинцы со слов своего соотечественника Матчана Кутатова, бывшего очевидцем сражения между кемиргоевцами и крымцами, уже знали о сокрушительном поражении татарского войска¹¹⁶. Но это никак не повлияло на их решение. Несмотря на неудачную попытку Крымского хана наказать кемиргоевцев за убийство своего родственника, кабардинские князья были готовы пойти на максимальное обострение отношений с последними и в одиночку добиваться удовлетворения справедливых претензий владетельного рода Егибоковых, связанного с ними узами аталычества. Судя по тому, что кемиргоевцы уже в 1763 г. просили кабардинцев о военной помощи против крымского хана, конфликт, возникший между Большой Кабардой и Кемиргоей из-за смерти Чанборы Егибокова, был улажен.

Помимо непосредственной защиты интересов аталыка и всей его фамилии от посягательств со стороны, воспитанник был обязан проявлять особое отношение к членам этого рода, даже если обстоятельства сталкивали их.

По осетинскому преданию, записанному в начале XX в. со слов Адил-Гирея Цопановича Гуриева, первое посольство горцев Осетии в Россию на обратном пути остановили кабардинские князья и «...в вежливой форме попросили осетин, по древнему обычаю... наделить их царскими подарками («амбалакаг»)). Свою просьбу кабардинцы сообщили осетинам через одного балкарца, знавшего осетинский язык»¹¹⁷. Просьба была специально передана посредником в оскорбительной форме. Осетины были вынуждены взяться за оружие и в результате стычки были перебиты. Уцелел лишь мальчик Ахмет Гуриев. Он был спасен кабардинским тлекотлешем Анзоровым, которому Гуриевы приходились аталыками¹¹⁸.

Приведенное здесь предание далеко не во всем отвечает требованиям исторической достоверности. Но оно отражает тот факт, что общее обострение кабардино-осетинских отношений, наметившееся в

середине XVIII в. в связи с активными попытками осетинской старшинской верхушки опереться на российскую поддержку в борьбе за освобождение от социального гнета со стороны кабардинской знати, не коснулось тех фамилий Кабарды и Осетии, которые были связаны прочными узами аталычества.

Следует отметить, что аталыческие связи кабардинцев с осетинами имели некоторые особенности. На это еще в середине XIX в. в одной из своих статей обратил внимание осетинский просветитель М. Баев. Он отметил, что в случае установления аталыческих связей со знатными фамилиями Кабарды, «...самым выгодным подарком, при скудости горной почвы, занимаемой осетинами, был участок земли по северному склону Черных гор, в местах, доступных кабардинцам, и которыми осетины без разрешения князей не могли покойно и безопасно пользоваться»¹¹⁹.

Насколько позволяют судить архивные и письменные источники дарение земли за воспитание своих детей кабардинские феодалы практиковали лишь в отношении к аталыкам из Осетии.

Российское правительство, опасаясь внешнеполитических осложнений и избегая обострения отношений с кабардинскими владельцами, не могло адекватно отреагировать на настоятельные просьбы осетин о предоставлении им права занять плоскостные земли, прилегающие к территории нагорной Осетии. В такой ситуации, по донесению архимандрита Пахомия в начале 50-х годов XVIII в., когда дигорские бадилыты «...известились, что вышеписанное их прошение не исполнилось, – тогда один из дигорских владельцев, в Кашкатаве живущий в Кабарде, и у тамошнего кабардинского князя Кисина сына Каззы друг был оному дигорскому владельцу, у оного Каззы взял сына и привез во свое жилище и потом поселился на ровном месте, где малая текущая река, именуемая Дурдурый, промеж двумя текущими реками Урас, Хвас и Урас-Донс»¹²⁰. Видимо, в этом документе речь идет о бадилытах Тугановых – в последствии владельцах плоскостного осетинского селения Дур-Дур.

Пример Тугановых, которые пытались решить проблему малоземелья своих подданных в рамках сложившихся и успешно действующих общественных институтов, оказался настолько заразительным, что вскоре, в марте 1755 г. «...тагаурские природы могущие дворяне», просили о назначении к ним полномочного российского «надзирателя» для обеспечения безопасности их выселения на плоскость и заявили: «...Ежели по последнему сему их прошению на оное исполнения не учинится, то они против вышеписанных дигорских владельцев учинят»¹²¹.

Наряду с тагаурскими алдарами и дигорскими бадиятами, наиболее сильные фамилии алагирского и куртатинского обществ Северной Осетии пытались использовать аталыческие связи с кабардинцами для повышения своего социального статуса и решения экономических проблем.

Фамильные предания Маздаевых свидетельствуют, что основателем с. Салугардон, одной из первых плоскостных «колоний жителей Валагира», известной с нач. 80-х годов XVIII в., были выходцы из с. Цамад – братья Ислам и Тотта Маздаевы¹²². Один из них был аталыком кабардинского князя¹²³. У нас нет прямых свидетельств о том, что и остальные четыре небольших выселка алагирцев и куртатинцев, возникших на плоскости во второй пол. XVIII в., были основаны аталыками кабардинских феодалов, но это предположение, на наш взгляд, не лишено оснований, если вспомнить, что писал по этому поводу М. Баев.

Далеко не все осетинские горные общества были склонны признавать над собой верховную политическую власть княжеских династий соседней Кабарды. Но наличие даже в наименее затронутых процессами классообразования алагирском и куртатинском обществах могущественных фамилий, претендовавших на социальное лидерство в Осетии, позволяло кабардинской феодальной верхушке использовать аталыческие связи с ними для вовлечения наиболее независимой части осетинского населения в орбиту своего политического влияния. Иногда им даже удавалось противопоставить ту часть осетинской социальной элиты, которая стремилась упрочить свое положение путем установления аталыческих связей с владельцами Большой и Малой Кабарды, остальной массе старшинской верхушки алагирских и куртатинских осетин, с середины XVIII в. особенно активно добивавшейся союза с Россией в противовес влиянию Кабарды на Центральном Кавказе.

В сентябре 1769 г. просуществовавшая более двадцати лет и занимавшая все это время миссионерской деятельностью среди горцев Осетинская духовная комиссия была разгромлена. Как стало известно российскому начальству «...из Куртатского уезда... сильная фамилия Бахтыгирей Есеева, отважилась... учинить нападение на бывшее в Малой Кабарде при Баруковом кабаке, осетинское подворье, поруганием церкви и ограблением казацкой команды и священников,... при таковом случае казаков пять человек побито»¹²⁴.

На протяжении многих лет члены Осетинской духовной комиссии наиболее последовательно отстаивали интересы осетин и ингушей – полухристиан-полуязычников от притязаний мусульман –

кабардинцев. Что же заставило куртатинцев пойти на обострение отношений с Россией и действовать вразрез со своими долговременными интересами?

Кизлярскому коменданту доносили, что осетины напали на подворье духовной комиссии «...единственно за происшедшей между ими куртатцами с бывшим там попом из осьми аршин холста спор»¹²⁵. Вызывает сомнение, что горцы из-за столь ничтожной причины пошли на конфликт с могущественной державой. Но даже если формальным поводом и послужила незначительная ссора со священником, действительная причина, толкнувшая фамилию Есеевых на эту враждебную по отношению к России акцию, лежит, на наш взгляд, в иной плоскости, нежели простые меркантильные интересы.

Все объясняет рапорт ротмистра А.Батырева, отправившегося в Осетию осенью 1771 г. по заданию российского правительства¹²⁶. Кабардинский тлеотлеш Батока Анзоров, находившийся при экспедиции уговорил Бахтыгирея Есеева, потерявшего во время нападения на Осетинское подворье родного брата Чюмагу, пропустить их через Куртат дальше в горы. И тут А. Батырев выяснил, что Батока Анзоров «...убитому казаками доводился в емчекстве (т.е. был воспитанником Чюмаги Есеева – З.К.)»¹²⁷. Бахтыгирей утверждал, что Чюмага два года назад приезжал помогать казакам, а они «...не ведая его, убили»¹²⁸. А. Батырев требовал вернуть разграбленное куртатинцами имущество, но ему еще в Кизляре было «...в наставлении между прочим предписано, чтоб усиленного требования не иметь»¹²⁹.

Российский офицер отправился далее к алагирцам, а «...в Куртатах» остался Батока Анзоров и его спутник Мисост Дыкынов, чтобы «...по знакомству до обратного приезде требовали б и збирали пограбленных вещей»¹³⁰.

Можно с уверенностью предположить, что Батока Анзоров не особенно усердствовал в исполнении этого поручения, так как Есеевы – его аталыки, скорее всего не без ведома своих воспитанников отважились на разгром Осетинского подворья. Ведь именно владельцы Большой и Малой Кабарды видели в его деятельности угрозу своему политическому влиянию среди осетин и ингушей.

Обоюдная заинтересованность фамилий воспитанника и воспитателя в установлении прочных связей, при отсутствии всяких элементов насилия, было одной из характернейших черт института аталычества. Именно по этой причине оно до конца XVIII в. продолжало играть особую роль во взаимоотношениях черкесских аристократических фамилий с наиболее независимыми в политическом отношении народами

Центрального Кавказа. Аталыческие связи между черкесами и вайнахами в XVI–XVIII вв. не были традиционными.

В Западной же Черкесии, даже многочисленные абадзехи, которые очень рано освободились от власти династии Иналидов, рассматривали аталыческие связи с ее виднейшими представителями в Кабарде как одно из верных средств по ограждению себя от притязаний близких и потому более опасных для самостоятельного существования абадзехов бжедугских кемиргоевских владельцев.

Таким образом, аталычество выполняло не только функции по поддержанию сюзеренно-вассальных отношений, но и служило эффективным средством установления политического союзничества с некоторыми элементами неравноправия.

3. Гостеприимство и покровительство

Пожалуй нет ни одного автора, занимавшегося историей и этнографией Северного Кавказа, который не упомянул бы о гостеприимстве, как об одном из замечательнейших обычаев, которым славились все народы, населявшие его. С. Броневский, Хан-Гирей, Ш.Б. Ногмов, К.Ф. Сталь, Л.Я. Люлье и многие другие исследователи указывали на выдающуюся роль гостеприимства и покровительства в общественной жизни адыгов¹³¹. По их понятиям, как отмечал Ш.Б. Ногмов, «... всякий путешественник, переступивший через порог сакли, есть лицо священное»¹³².

Гость считался посланцем бога (Хьэщлэр тхьэм и лыклуэщ), защита его имущества и самой жизни вменялась в прямую обязанность хозяина. «Вошедший в дом, – писал Хан-Гирей, – вступает во все права гостеприимства, под защиту родовых прав хозяина... Если кто оскорбит его или что-нибудь похитит у него, то хозяин за все вступается: обида нанесенная гостю, равномерна обидна и хозяину, который жертвует жизнью и достоянием, стараясь доставить удовлетворение гостю, так же и себе, ибо недостижение этого приписывается его слабости, унижающей до оскорбления его род. Гость случайный остается под такую же защиту до тех пор, пока не съедет со двора»¹³³. Даже личная вражда не освобождала хозяина от долга гостеприимства, перед человеком, переступившим порог его дома¹³⁴.

Гостеприимство и связанное с ним покровительство, перерастая рамки семейного быта, выполняло функции присущие политическим институтам¹³⁵. В феодальном черкесском обществе оно выступало как

почетная обязанность аристократии, «...основывающей свое достоинство в защите и оправдании лиц, ищущих их покровительства»¹³⁶. Это нашло отражение в черкесских адатах. Помимо общего правила, по которому каждый свободный человек был обязан в меру своих сил защищать интересы лиц, прибегших к его покровительству, особые права имели фамилии кабардинских тлекотлешей Куденетовых и Анзоровых: «Когда из двух князей, поссорившихся между собою, один убьет другого и виновный будет в доме узденя из фамилии Куденетовых, то родственники убитого не вправе при нем мстить за кровь убитого, покуда убийца не выйдет из дома Куденетовых; жить же ему позволяется в нем не более недели.

Если из членов трех фамилий кабардинских князей двое договорятся с помощью подданных истребить кого-нибудь из третьих, а этот секретно проводит об убийстве, то должен немедленно отправляться под защиту какого-нибудь Анзорова; тогда замышлявшие его гибель князья не могут причинить ему никакого вреда»¹³⁷.

Когда изгнанный в 1747 г. из Кабарды Касай Атажукин через год предпринял попытку вернуться в страну, он прибегнул к гостеприимству и покровительству Анзоровых, которые заявили политическим противникам своего клиента, что хотя «...Касая, и братьев его к себе не призывали, а прислал его к ним Бог ... для того они ево Касая с братьями иметь будут за гостей и с ними готовы помереть, ежели де будет какое нападение»¹³⁸.

Кроме того, любой человек, уорк или зависимый крестьянин, в случае ссоры со своим сюзереном, мог обратиться за помощью и покровительством к князю, который, в соответствии с требованиями адата, был обязан выступать в роли третейского судьи вплоть до полного примирения и удовлетворения интересов несправедливо обиженной стороны¹³⁹.

Играя заметную роль в регулировании социальных конфликтов внутри феодального черкесского общества, институт покровительства выполнял аналогичные функции и во взаимоотношениях черкесов с народами Северного Кавказа. Герои горских народных преданий очень часто находят покровителей в лице представителей черкесской феодальной знати и с их помощью одерживают победу над своими врагами. Так, например, согласно осетинским преданиям во время кровавой борьбы между потомками Тага – Камбием и Тотиком, единственный, уцелевший в ней сын Тотика, был отправлен близкими в Кабарду, к могущественной фамилии Дохшуковых¹⁴⁰. Предание повествует, что «...все заискивали их, зная, что расположив их к себе всякий, сколько-

нибудь успевший в этом, приобретал могущественных покровителей, надежнейших кровомстителей, в случае убийства, и вместе с тем верного спокойствия на будущее время»¹⁴¹.

Сын Тотика, получивший имя Сана, возмужав, отомстил тагаурцам и их союзникам куртатинцам за смерть своего отца. В сопровождении «большой дружины из дохшуковцев» он вернулся в Осетию и восстановил свою наследственную власть в Даргавсе, где «...отнял земли отца своего и поселился там», став родоначальником фамилии алдар Шанаевых¹⁴².

Ингушские сказания повествуют о внуке Козаша, род которого был истреблен Германчем, умертвившим мужчин, стариков, младенцев и даже беременных женщин. Но род Козаша не прекратился. Одна из его снох находилась в гостях у своих родителей. Она была в положении и родила там мальчика, который узнав со временем о случившемся пошел к черкесам. Внук Козаша долго жил при дворе одного князя, «...постоянно изучая благородный этикет черкесов»¹⁴³. Князь полюбил скромного и мужественного юношу и дал ему войско, при помощи которого внук Козаша отомстил своему обидчику¹⁴⁴.

Почти невозможно с точностью определить время возникновения этих и подобных им исторических преданий, повествующих о том, как покровительство со стороны черкесских князей позволило их полугендарным героям одолеть врагов. Тем не менее они являются ярким свидетельством значимости для северокавказских горцев высокой и священной роли покровительства, как одного из общественных институтов, направленных на удовлетворение интересов несправедливо обиженной стороны и того какую выдающуюся роль в этом играла в свое время черкесская аристократия.

Конечно же альтруистические мотивы были не главными в установлении отношений патроната – клиентеллы. Каждая из вступавших в них сторон преследовала собственных цели. К тому же, далеко не всегда лицо, искавшее высокого покровительства на самом деле подвергалось несправедливому преследованию. Так, например тагаурские осетины жаловались ротмистру А.Батыреву, отправленному в Осетию осенью 1771 г. на «...Малой Кабарды владельца Арсламбека Таусултанова, узденей его,... Муртазовых детей, потому что прежде сего из жилища Чимитей к жительству вышеписанным узденям Муртазовым детям переселился Чимитейский житель, а оставшие после его хлебопашенные и сенокосные земли и протчее завладели его родственники, потому те Муртазовы дети оставшие места желают отдать переселившемуся к ним Чимитейскому жителю, а сродственники не отдают, а

объявляют чтоб сродственник обратно приехал к жительству в Чимти, то тогда без всяких отговорок отдать желают, чрез что между ими многие ссоры и убийства происходило и впредь происходить может»¹⁴⁵.

Примечательно, что сами кабардинские князья, стремясь сохранить подвластных и недвижимое имущество переселяющихся за пределы страны соотечественников еще в ноябре 1744 г. просили российское правительство, «если ж кто из наших родственников по желанию своему отъехав из Кабарды, поселится для житья в Кизляре и потом будет требовать себе оставшихся в Кабарде узденей и слуг своих, объявя данной им о том указ, то всеподданейше просим нас... от здешней стороны не отогнать, ибо *напрядь сего никогда того не бывало* (разрядка наша – З.К.)»¹⁴⁶. В кабардинских адатах существовала норма, по которой «...когда князья пожелают перейти в другие места, за Кубань или далее, ... узенья остаются в Кабарде; народ не должен допускать их переселения, хотя бы они и сами пожелали последовать с князьями»¹⁴⁷. То есть выселение из Кабарды автоматически лишало князя (равно как и любого кабардинца) не только земельных владений, но даже всяких феодальных прав по отношению к своим вассалам и зависимым крестьянам. Муртазовы же, приняв под свое покровительство выселившегося из с. Чми осетина и стремясь сохранить за последним его земельные владения в Осетии, игнорировали одну из важнейших адатных норм.

Судя по всему, «чимитейский житель», сумевший заручиться поддержкой Муртазовых, был у себя на Родине человеком богатым и влиятельным, иначе спор за земли, перешедшие к его родственникам не имел смысла. Муртазовы и их клиент не могли не знать действующих адатных норм, следовательно стремление силовыми методами разрешить возникший конфликт отражает попытку неизвестного нам представителя осетинской социальной верхушки при покровительстве могущественных кабардинских феодалов противопоставить собственных владельческие интересы фамильным правам его родственников на оставленные в Осетии земельные угодья.

Рассматривая право на оказание покровительства преследуемым, как одну из своих важнейших феодальных привилегий, призванную служить поддержанию высокого социального статуса внутри общества и способствующую росту политического и морального авторитета на всем Северном Кавказе, черкесская знать готова была пойти и на более широкомасштабный конфликт, даже с участием великих держав.

Особенно показательно в этом отношении поведение кабардинского князя Джамбулата Кайтукина.

Кабарда в XVII–XVIII вв. нередко служила для закубанских горцев местом, где они могли найти политическое убежище. Кабардинцы, судя по жалобам крымцев и турок принимали к себе «...разных с Кубани беглецов тамошних черкесов, ногайцов, абазинцев и других»¹⁴⁸. В 1752 г. турецкое правительство в очередной раз обратилось к России с жалобой на то, что кабардинцы напали на бесленеевцев, крымских подданных, разорили их, а часть, якобы насильно, перевели в Кабарду¹⁴⁹. Посланные в 1753 г. к кабардинцам майоры Барковский и Татаров выяснили, что владельцы Джамбулатовы действительно «...более трехсот дворов бесленейцев турецких подданных к себе приняли и поныне содержат у себя»¹⁵⁰.

Государственный канцлер России граф А.П. Бестужев-Рюмин 23 марта 1753 г. направил в Кабарду письмо с требованием «отпустить» бесленеевцев «...на прежние их жилища... и никого из противников Порты иметь у вас прибежище не допускать», угрожая при этом в случае неповиновения показать, «...сколько бедственно такое упорство... противу двух великих империй для вас же самих быть имеет»¹⁵¹.

Джамбулат Кайтукин 15 сентября 1753 г. объявил, что «...бесленейцев турецкоподданных, кои служат ему... называемых Дохукиных, отдает в Крымскую сторону, только б дозволено было отпустить сына ево или другого ково из их братьев владельцев к бесленейскому владельцу Темир Булату Конокину для договору о тех бесленейцах, чтоб им за убийство ими одного солтана никакого отмщения чинено не было»¹⁵². А на следующий день сообщил, что желает «...бесленейцев турецкоподданных, кои в его поселениях находятся называемых Махукины, отдать майорам на руки (Татарову и Барковскому – З.К.) для отвода к отдаче в Кубань к Кубанскому сераскиру, только б ему Джамбулату с майором Татаровым ехать позволено было вместе и тех бесленейцев довести до Башилбай», чтобы остаться после отъезда российского офицера «...в тех Башилбаях для построения тем бесленейцам дворов и награждения хлебом»¹⁵³. Только при соблюдении этих условий Джамбулат Кайтукин считал возможным выполнение требования Крымского хана и правительства России, без чего выдача искавших у него покровительства бесленеевцев выглядело как предательство и нанесло бы непоправимый ущерб престижу всего рода Джамбулатовых. Однако, когда конфликт уже был близок к разрешению, выяснилось, что в Кабарде не осталось в живых ни одного представителя первого поколения бесленеевцев.

По опросам, проведенным российскими офицерами, оказалось, что среди Дохчукиных и Махукиных «...ни одного человека крымскоподданного настоящего бесленейца не имеется, но рожденные все от

бесленейцев дети и внуки, а отцы их собраны были в Кабарду по убойстве ими одного крымского солтана и...награждены были от отца помянутых владельцев (Дохшуки, Девлетуки и Рослануки Кайтукиных – З.К.) Росланбека Кайтукина скотом, лошадьми, ясырями, панцирями и всяким оружейным снарядом и другими пожитки и домами на немалую сумму»¹⁵⁴. Таким образом, бесленеевцы быстро натурализовались в Кабарде, а, получив к тому же дворянское пожалование от Джембулатовых, фактически превратились в их вассалов. В связи с этим уже не могло идти речи о выдаче потомков бесленеевцев Крымским властям и они навсегда остались в Кабарде.

Несмотря на то, что турецкое правительство было формально право в своих требованиях к кабардинцам не вмешиваться во взаимоотношения Крымских ханов с закубанскими черкесами, находившимися в номинальной зависимости от династии Гиреев, Джембулатовы, строго следуя требованиям традиционного черкесского покровительства, сумели отстоять интересы своих клиентов и тем самым поддержать свое высокое политическое реноме.

Зачастую родные места покидали горцы в поисках не столько политического убежища, сколько лучших условий жизни, так как на плоскости не существовало земельного голода, жестко ограничивавшего демографический рост в горах Северного Кавказа. Стремление избежать вражды с кровниками, изгнание из общины также могли стать причиной переселения отдельной семьи или целой фамилии в пределы Кабарды или другого черкесского феодального владения, где переселенцы могли обрести при помощи могущественных покровителей прочный социальный статус.

Астраханский губернатор И.В. Якоби в своем рапорте от 19 декабря 1777 г. в Коллегию иностранных дел писал:

«...За нужное нахожу доложить... что хотя по летописцам у кабардинских владельцев подданные их люди и почитаются крепкими, так как в Российском государстве, напротив того у них разве самая малая часть таковых найдется, протчих же старшины черного народа объявили мне, что они владельцам подданными почитаются по одной только земле. Прямых же помещиков не имеют и для того вольны переходить от одного князя к другому *под покровительство и защищение*. Происхождение же той черни больше из пришельцов... А пока кабардинцы на своих местах жили и не позволено им перехода на здешнюю сторону Малка, то в то время черного народа... имели они самую малую часть и против нынешняго разве третью долю. Когда же присвоили себе места Кумы, Куры, Малк, Тумузлов, Бейвалу, Калаус и Залуку реки, то со

всех сторон *армяне крымские, жидаы и всякой народ начали приходить на оные и составили сие многолюдство* (разрядка наша – З.К.)»¹⁵⁵.

Конечно же старшины «черного народа» сильно сгущали краски, описывая бывшее «малолюдство» подданных у кабардинских владельцев, но не подлежит сомнению тот факт, что значительные земельные богатства последних позволяли им путем оказания покровительства всем нуждающимся постоянно увеличивать их число. На протяжении всего периода существования общинного землепользования (включая и XVIII в.) в Кабарде сохранялся специальный термин (къакIуэм и Ыхъэ – «доля приходящего»), которым обозначалась часть общесельского пахотного клина, предназначавшаяся новым домохозяевам, вступавшим в общину¹⁵⁶. Право распоряжения свободной частью пахотных земель каждого аула до отмены крепостного права принадлежала их владельцам, и предоставление пришельцу в пользование земельного участка из этого фонда, налагая на него ряд обязанностей, постепенно превращало его в оброчного крестьянина¹⁵⁷.

Обойти подобное покровительство, перераставшее в феодальную зависимость от владельца аула было невозможно, так как в княжеской Черкесии не было земли без хозяина и человека, вне социальной единицы общества – феодальной вотчины. В случае, если переселенец принадлежал к дворянскому сословию или обладал способностями к военному делу, отношения патроната – клиентеллы между ним и его покровителем перерастали в отношения сюзеренитета – вассалитета. Некоторые источники свидетельствуют, что звание беслан-уорка («княжеского дворянина») в Кабарде без особенных затруднений приобреталось «...выходцами из местностей населенных адигейским племенем (т.е. из Закубанской Черкесии – З.К.)»¹⁵⁸.

Так или иначе, новый член общества обретал, со временем прочный социальный статус, а его потомки уже во втором-третьем поколении становились «сущими кабардинцами». Подобная инфильтрация в черкесскую среду выходцев со всего Северного Кавказа и даже Дагестана происходила на протяжении всего XVIII в.

В архивных источниках, и особенно в первой переписи населения Кабарды, составленной 1825 г. упоминаются в качестве жителей кабардинских аулов представители чуть ли не всех народов края: «...житель Малой Кабарды чеченец Адил», «...второй степени узденъ барагунского князя Асланбек Темезова Сабаний Кайдаков», «...родом из барагун Салатгери Дыдымов», «...из балкарских старшин Айтек Мишаков», «...родом из дигорских узденей Долотуко Алиев», из абазин «...первостепенный узденъ Калмык Травов», из бесленеевцев «3-й степени

узденъ Хажи Магомет Балкаров», «...узденъ Далоткирей Матов... из кумык», «...родом из Тарковских узденей эфенди Махты Амирханов»¹⁵⁹.

Большая часть этих данных относится к первой четверти XIX в., но очевидно в XVI–XVIII вв., черкесская феодальная знать широко использовала институт покровительства для привлечения новых подданных в свои владения и укрепления собственного политического престижа вне их границ.

В какой-то мере, появление возможности просить защиты у российских властей ослабили для горцев Северного Кавказа (той их части, которая ориентировалась на Россию) необходимость искать покровительство черкесских аристократов. Для карачаевцев, например, в этом отношении мало что изменилось даже к нач. XIX в. «Они, – писал Г.Ю. Клапрот, – придают большое значение дружбе с кабардинскими князьями, ... каждая семья старается оказать услугу одному из самых могущественных, чтобы иметь покровителя и заступника в непредвиденных несчастьях или в случае каких-либо нападений. Тогда никто не осмеливается ни открыто, ни тайно оскорбить ни одного из таких покровительствуемых, часто даже незнатные семьи приобретают влияние и значение благодаря дружбе с кабардинскими князьями. Таким образом, ни абазы, ни ногайцы не осмеливаются совершать никаких разбоев у карачаевцев, опасаясь возмездия со стороны кабардинцев»¹⁶⁰.

В то же время престиж патроната со стороны черкесских феодалов в других районах Северного Кавказа к концу XVIII в. был сильно поколеблен, что было связано с общим упадком могущества черкесской аристократии в крае и острыми внутренними социально-политическими противоречиями в Черкесии.

9 июня 1781 г. «...живущая в Малой Кабарде владения Албаксита Алхасова у узденя его Чергесукова в кунаках, вдова осетинка Меленбек Мурзина дочь», доносила моздокскому коменданту:

«По их осетинским обычаям водитца в порядке, ежели у узденя (которого достоинства и она вдова состояла) узденъ же убьет или украдет сына и запродаст и не может возвратить, что во удовольствие обиженному должен учинить: 1-е отдать от себя ежели имеет сына или 2-е за кровь заплатить 100 скотин и еще из малолетков одного холопа и одну хорошую лошадь со всем конским прибором, которая б ценою коштывала 10 скотин»¹⁶¹.

Дело, по которому вдова осетинского узденя обратилась к моздокскому коменданту заключалось в следующем. «Подвластные Большой Кабарды узденю Камбулату Селетгирееву узденя Девлетгирей Адилгариев, Татаслан Пшехачев» пленили ее сына и продали его за пределы

Кабарды¹⁶². «Мелен-бек Мурзина дочь» прибегла к покровительству малокабардинских дворян Чергесуковых, у которых она и находилась «в кунаках». Неспособность последних добиться удовлетворения интересов обиженной женщины заставили ее обратиться к моздокскому коменданту, который захватил Девлетгирея Адилгариева и Татаслана Пшихачева «в баранту», т.е. для искупления ими нанесенного Мелен-бек Мурзиной ущерба¹⁶³.

20 июня 1781 г. по ордеру кизлярского коменданта Ф.И. Фабрициана задержанные кабардинцы вместе с истицей были отправлены к нему на разбирательство¹⁶⁴. Мелен-бек Мурзина, прежде чем обратиться за помощью к российским властям, сделала попытку урегулировать возникший конфликт «по осетинским обычаям». и была абсолютно права. Но удивляет ничтожная роль в этом дворян Чергесуковых, чье участие в делах покровительствуемой женщины ограничилось предоставлением ей убежища в своем селении. Они не нашли в себе мужества для того, чтобы самостоятельно наказать обидчиков Мелен-бек Мурзиной, хотя по понятиям «адыгэ хабзэ» – черкесского закона/обычая, Чергесуковы были обязаны, не щадя собственной жизни, встать на защиту чести и достоинства своей гостьи.

Если в поисках поддержки в конфликтных ситуациях представители многих народов Северного Кавказа искали покровительства черкесских феодалов, последние, в свою очередь, нередко пользовались гостеприимством соседей, когда их вынуждали к тому обстоятельства.

В описании кабардинского народа, хранящимся в материалах Коллегии иностранных дел отмечалось: «Они... из разных наций беглецов к себе принимают, а особливо знатных, без великого принуждения назад головами не выдают»¹⁶⁵. И это определение в равной степени относится ко всем черкесам, которые свято чтити обычай гостеприимства.

Могущественные феодальные фамилии Западной Черкесии, оказывали покровительство выходцам из Кабарды, которые по тем или иным причинам покидали свою Родину. Так, например, в феврале 1748 г. бывший в Кабарде кизлярский дворянин А. Брагунский сообщал, что «...за прежние ссоры владелец Хаммурза Расланбеков хочет дядю своего Джамбулата Кайтукина убить, от чего оной Джамбулат имеет опасение и намерен з домом своим бежать в Бесленей или в Кемиргой»¹⁶⁶.

Внутренние социальные конфликты в Черкесии очень часто имели такой характер, при котором без вмешательства внешних влиятельных сил возможности примирения сторон были весьма проблематичны. По сведениям, собранным в середине XIX в. Комиссией по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области, «...личное

оскорбление тлеотлеши и джинуго, кем бы то ни было совершенное, всегда считалось у кабардинцев большим преступлением, и в настоящее даже время, виновные в подобного рода преступлениях со всем семейством своим немедленно бегут за Кубань или в Осетию, где ищут покровительства тамошних именитых людей, и только с их помощью кое-как оканчивают свое дело»¹⁶⁷.

Согласно балкарским преданиям, «...когда князя Атажукины восстановили народ против Куденетовых и задумали истребить их, Куденетовы бежали к балкарцам и там побратались с балкарскими таубиями, то есть объявили себя братьями таубиев, пока будет существовать их род»¹⁶⁸.

Помощь изгнаннику, в таких случаях, кроме повышения морально-го авторитета покровителя, сулила ему вполне определенные политические дивиденды, так как, в случае восстановления своего социального статуса, знатный клиент мог оказать в случае необходимости самые различные услуги бывшему покровителю.

Вполне естественно, что максимальные возможности для защиты интересов лиц, ищущих покровительства, имели крупнейшие феодальные фамилии Северного Кавказа и в первую очередь черкесские князья, тлеотлеши и джинуго. Будучи наиболее многочисленной, сплоченной и могущественной этносоциальной силой, черкесская знать весьма активно использовала институт покровительства как средство социализации горцев, мигрировавших в пределы княжеской Черкесии, и вместе с тем для поддержания среди населения Северного Кавказа собственного морального и политического авторитета защитников слабых и несправедливо преследуемых. Древняя родовая обязанность каждого кавказца оказать гостеприимство и покровительство всякому нуждающемуся трансформировалась в новых социальных условиях в очень важный общественный институт, позволявший всем заинтересованным сторонам вне зависимости от этнической и сословной принадлежности соучаствовать в разрешении постоянно возникавших на кавказской почве социальных конфликтов, не выходя за рамки сложившейся в регионе системы этносоциальных отношений.

Примечания

1. *Броневский С.* Новейшие географические... С. 89.
2. *Хан-Гирей.* Записки... С. 150.
3. *Ногмов Ш.Б.* История... С. 190.

4. *Лавров Л.И.* Абазины... С. 10.
5. АБКІЕА. С. 160.
6. КРО. Т. 2. С. 190.
7. АБКІЕА. С. 144.
8. *Пожидает В.П.* Горцы Северного Кавказа. Владикавказ, 1926. С. 29–30.
9. АБКІЕА. С. 160.
10. *Вахушти Багратиони.* География Грузии... С. 143.
11. МПИО. Т. 1. С. 31–32.
12. Там же. С. 32.
13. КРО. Т. 2. С. 281.
14. Неизданная рукопись П.Г. Буткова (рукописный отдел библиотеки РАН) (Цит. по: *Кокиев Г.К.* Из истории русско-осетинских отношений XVIII в. // ИСОНИИ. Т. 4. Орджоникидзе, 1932. С. 143.
15. *Кокиев Г.К.* Из истории русско-осетинских отношений... С. 143.
16. Там же.
17. МПИО. Т. 1. С. 5.
18. АВПР. Осетинские дела. Оп. 128/2. Д. 1. Л. 543–544.
19. АБКІЕА. С. 208.
20. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия господина И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809. С. 77–78.
21. Там же. С. 90.
22. АБКІЕА. С. 213.
23. Там же. С. 220.
24. Там же. С. 260.
25. *Леонтович Ф.И.* Адагы... Вып. 1. С. 241.
26. *Ногмов Ш.Б.* История... С. 155.
27. Там же. С. 160. 161.
28. КРО. Т. 2. С. 200.
29. Там же. С. 198.
30. АВПР. Ф. Кабардинские дела. 1747. Д. 3 Л. 53. (Цит. по: *Налоева Е.Дж.* К вопросу о государственном-политическом строе Кабарды // ВКБНИИ. Вып. 6. Нальчик, 1972. С. 93.
31. КРО. Т. 2. С. 40.
32. МПИО. Т. 1. С. 32.
33. КРО. Т. 2. С. 114. 196.
34. МПИО. Т. 1. С. 262.
35. АКАК. Т. 2. С. 949.
36. Там же.
37. АКАК. Т. 1. С. 86.

38. *Ногмов Ш.Б.* История... С. 160–161. В документе карачаевцы, урусбиевцы, хуламцы и безингиевцы названы осетинами. Это лишь результат некорректного перевода термина «къущхэ» («горец»), которым кабардинцы обозначали всех горцев Осетии, Балкарии и Карачая.

39. Там же. С. 150.

40. Географическое и статистическое описание... С. 90, 113.

41. ССКГ. Вып. 3. С. 7; АБКИЕА. С. 250.

42. Кабардинский фольклор. М.–Л., 1936. С. 295.

43. *Дебу И.О.* О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске или вообще замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседствующих горских народах. СПб., 1829. С. 126.

44. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты... С. 268.

45. МПИО. Т. 1. С. 32–33.

46. АБКИЕА. С. 160.

47. Географическое и статистическое описание... С. 144.

48. КРО. Т. 2. С. 189.

49. Там же.

50. Там же. С. 59.

51. *Инал-Ипа Ш.Д.* Садзы. Историко-этнографические очерки). М., 1995. С. 189.

52. *Ногмов Ш.Б.* История... С. 154.

53. КРО. Т. 2. С. 129.

54. Там же.

55. Там же. С. 188.

56. АКАК. Т. 2. С. 949.

57. КРО. Т. 2. С. 231.

58. Там же. С. 369.

59. АБКИЕА. С. 251.

60. *Ногмов Ш.Б.* История... С. 160.

61. Там же. С. 161.

62. ЦГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 18. Л. 5 об.

63. МПИО. Т. 1. С. 32; АКАК. Т. 2. С. 949.

64. КРО. Т. 1. С. 281; *Ногмов Ш.Б.* История... С. 160.

65. ЦГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 296. Л. 8–9.

66. *Ногмов Ш.Б.* История... С. 160.

67. КРО. Т. 1. С. 281; РОО. Т. 1. С. 201; ОГРИП. С. 50–51, 70, 300.

68. РОО. Т. 1. С. 201–202.

69. Там же. С. 201.

70. МПИО. Т. 1. С. 73; РОО. Т. 1. С. 304.

71. РОО. Т. 1. С. 304.

72. Там же. С. 419.

73. РГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 1575. Л. 1060–1062.
74. РОО. Т. 1. С. 419.
75. МПИО. Т. 1. С. 152–152.
76. КРО. Т. 2. С. 307.
77. Там же. С. 308–309.
78. РОО. Т. 1. С. 376.
79. ОГРИП. С. 155.
80. Там же.
81. РОО. Т. 1. С. 399.
82. Там же. Т. 2. С. 265.
83. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 2. СПб., 1869. С. 60.
84. Там же. С. 61.
85. АКАК. Т. 1. С. 581.
86. Там же. С. 722.
87. Там же. Т. 2. С. 940.
88. История КБАССР. Т. 1. М., 1967. С. 147.
89. АБАКИЕА. С. 48.
90. КРО. Т. 2. С. 159, 362.
91. *Ногмов Ш.* История адыгейского народа... С. 69.
92. *Хан-Гирей.* Записки... С. 260.
93. Там же. С. 261.
94. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк... С. 114–117; *Дубровин Н.Ф.* Черкесы... С. 105–107; *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев. Вып. 1. Одесса, 1882. С. 363; *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. . М., 1890. С. 13–15.
95. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 116–125; *Гарданов В.К.* Аталычество // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклад советской делегации. М., 1973. С. 14.
96. *Перишц А.И.* Этнография как источник первобытно-исторических реконструкций. // Этнография как источник реконструкции первобытного общества. М., 1979. С. 38.
97. *Кокиев Г.А.* К вопросу об аталычестве // Революция и горец. 1929. № 3. С. 49–52; *Перишц А.И.* Этнография как источник... С. 38; *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа М., 1983. С. 79; *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994. С. 387–393.
98. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты... С. 387–399.
99. Там же. С. 387.

100. *Хан-Гирей*. Записки... С. 261–262.
101. *Дубрович Н.Ф.* Черкесы... С. 106.
102. АКБНИИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 34; АВПР. Ф. 115. Кабардинские дела. 1754. Д. 6. Л. 247.
103. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты... С. 391.
104. *Ногмов Ш.Б.* История... С. 70.
105. *Кажаров В.Х.* Общественные институты... С. 389.
106. *Клапрот.* Путешествие... С. 154–155.
107. КРО. Т. 2. С. 141.
108. АВПР. Кабардинские дела. 1761. Д. 4. Л. 159.
109. КРО. Т. 2. С. 141.
110. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк... С. 115–116.
111. *Хан-Гирей*. Записки... С. 262–263.
112. МПИО. Т. 1. С. 124.
113. РОО. Т. 1. С. 304.
114. Там же. С. 378; МПИО. Т. 1. С. 236; *Кокиев Г.К.* Из истории русско-осетинских отношений XVIII в. // ИСОНИИ Т. IV. Орджоникидзе, 1932. С. 140; *Берозов В.П.* Переселение осетин... С. 40–41.
115. АВПР. Кабардинские дела. 1761. Д. 4. Л. 19–159 об.
116. Там же. Л. 159 об.
117. *Кокиев Г.К.* Из истории русско-осетинских... С. 140.
118. Там же.
119. *Баев М.* Тагаурское общество и экспедиция генерал-майора Абхазова в 1830 г. // ТВ. 1869. № 6.
120. РОО. Т. 1. С. 378.
121. Там же.
122. Осетины во второй половине XVIII в... С. 40–41.
123. Там же. С. 44.
124. МПИО. Т. 1. С. 146.
125. Там же.
126. Там же. С. 236.
127. Там же.
128. Там же.
129. Там же.
130. Там же.
131. *Броневский С.* Новейшие географические... С. 130–131; *Хан-Гирей*. Записки... С. 279–285; *Ногмов Ш.Б.* История... С. 67–68; *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк... С. 135; *Люлье Л.Я.* О гостеприимстве у черкес // Кавказ. 1859. № 7. и др.
132. *Ногмов Ш.Б.* История... С. 67.
133. *Хан-Гирей*. Записки... С. 279.

134. *Латинский Т.* Горцы Кавказа... С. 124.
135. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты... С. 320.
136. АКБНИИ Ф. 1. Оп. 2. Д. 6. Л. 8.
137. *Леонтович Ф.И.* Адаты... Вып. II. С. 255–256.
138. АВПР. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 1. 1748. Д. 5. Л. 52 об. (Цит. по: *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты...).
139. КРО. Т. 2. С. 272.
140. ССКГ. Вып. 3. С. 37.
141. Там же.
142. Там же.
143. *Далгат У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 390.
144. Там же. С. 390–391.
145. МПИО. Т. 1. С. 237.
146. КРО. Т. 2. С. 123.
147. *Леонтович Ф.И.* Адаты... Вып. 1. С. 229.
148. КРО. Т. 2. С. 138.
149. Там же. С. 184.
150. Там же.
151. Там же. С. 186.
152. АВПР. Ф. 115. Кабардинские дела. 1754. Д. 6. Л. 189 об.
153. Там же. Л. 195.
154. Там же. Л. 221–222 об.
155. КРО. Т. 2. С. 326.
156. *Думанов Х.М.* Социальная структура... С. 29.
157. *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. Нальчик, 1992. С. 49–53.
158. Привилегированные сословия ... С. 7.
159. ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 4. Л. 4; *Думанов Х.М.* Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX в. Нальчик, 1986. С. 19, 67, 113, 155, 187, 195, 261, 275.
160. АБКНКА. С. 246–247.
161. РОО. Т. 2. С. 394–395.
162. Там же. С. 395.
163. Там же.
164. Там же.
165. КРО. Т. 2. С. 160.
166. Там же. С. 158.
167. Привилегированные сословия ... С. 7.
168. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения... С. 158.

ГЛАВА III

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПАРАМЕТРОВ

1. Социальная динамика

Взаимодействие социальных систем, в рамках которых существовали народы Северного Кавказа, не могло не отразиться на особенностях общественного развития всех субъектов межэтнических отношений в регионе. Черкесские феодальные княжества, занимавшие равнины Северного Кавказа, обладавшие жесткой иерархической структурой, позволявшей мобилизовывать все общественные силы на решение актуальных политических задач, значимых в масштабах региона, обуславливали активную роль черкесской аристократии в процессах общественной эволюции, протекавших на Северном Кавказе в период позднего Средневековья и в Новое время.

Уже первые отечественные историографы, исследовавшие общественные институты народов Северного Кавказа, отмечали этот факт. Об утверждении среди чеченцев, переселившихся в XVIII в. на равнину «...кабардинского феодального устройства» писал И. Иванов¹.

Одним из наиболее известных авторов, занимавшихся проблемами социального развития горцев Большого Кавказа на материалах обычного права был М. Ковалевский, посвятивший этому вопросу ряд специальных работ. «Как ни ничтожна была... зависимость горцев от плоскостных племен Кавказа, — отмечал М. Ковалевский, — тем не менее сменявшие друг друга во власти над Черноморским побережьем греко-римские и итальянские колонии, как и располагавшие судьбами Закавказья и северо-кавказской плоскости персидские, грузинские, болгарские, хозарские, татарские, монгольские и кабардинские правители — во многом изменили строй общественной и юридической организации горцев, обогащая в то же время их народные верования и нравы чужеземными по своему источнику культами и обыкновениями. Сословная организация горцев, в частности, всецело должна быть отнесена на счет одновременного воздействия на их быт грузинского феодализма и возникшего на северной плоскости, благодаря завоеванию его пришлым племенем, не менее феодальной по своему характеру организации кабардинцев»².

Пожалуй и до сего дня в отечественной историографии не существует монографий, посвященных вопросам взаимодействия социальных институтов народов Кавказа, сопоставимых с работами М. Ковалевского по широте охвата и объему привлекаемого материала. В новейшее время исследования путей и форм общественного развития населения региона чаще всего ограничивались рамками одного народа или группы близкородственных этносоциальных образований.

Наиболее разработанной является тема черкесского влияния на развитие феодального строя в Осетии. По этой проблеме на страницах своих работ высказывались Б.В. Скитский и Г.К. Кокиев. Выделяя в истории дигорского феодализма три периода, Б.В. Скитский считал, что периодом его полного оформления был XVIII в. – время заселения дигорцами плоскостных кабардинских земель и подчинения Кабарде³. Вместе с тем он оценивал вассальные кабардино-осетинские отношения как «поверхностные»⁴. Суть этих отношений, по мнению автора, сводилась к тому, что «осетинские феодалы стремились получить в лице кабардинских князей и их вассалов покровительство и защиту»⁵.

Г.К. Кокиев так же особо отмечал «...четырёхсотлетнее (XIV–XIX вв.) влияние феодальной Кабарды в Дигории, в которой в результате этого влияния, в отличие от остальных районов Северной Осетии, уже в XVII веке мы видим феодальный строй»⁶. Однако эффективность воздействия черкесских феодальных институтов на другие горские общества Осетии ставилась им под сомнение. «Влияние Кабарды... в XVII–XVIII веках в Тагаурии, – писал он, – не было настолько сильно, чтобы оно определяло ход общественной жизни»⁷.

В настоящее время в отечественном кавказоведении, на наш взгляд, не уделяют должного внимания выявлению и изучению степени взаимозависимости процессов общественного развития у народов Северного Кавказа. А между тем внутрирегиональные межэтнические связи и отношения, основывавшиеся на богатой и разнообразной институциональной базе, имели вполне определенные социальные последствия для субъектов этих отношений.

В первой главе данной работы мы кратко охарактеризовали некоторые особенности общественного строя народов Северного Кавказа. Наряду с естественно-географическими и хозяйственно-экономическими предпосылками, они являлись факторами, обуславливавшими характер и реальные условия функционирования этносоциальных отношений, в рамках всего региона, но в отличие от первых были подвержены процессам динамического развития. Только на первый взгляд может

показаться, что общественные институты черкесов и других этносов региона на протяжении XVI–XVIII вв. не претерпели существенных изменений.

Во-первых, Северный Кавказ к концу описываемого периода претерпел два значительных общественных переворота – уничтожение аристократического правления в Чечне и большей части Западной Черкесии.

Во-вторых, Восточная Черкесия – Кабарда не разделила общей участи остальных феодальных образований, потерявших в значительной степени свое бывшее могущество и силу, а на Центральном Кавказе не произошло реставрации дофеодальных общественных отношений, что имело место на крайнем западе и востоке региона. Эти факты требуют интерпретации именно в рамках обозначенной проблемы, так как и изменение, и поддержание уже сложившихся общественных отношений требует определенного социального взаимодействия (не всегда позитивного) всех заинтересованных сторон.

Черкесские феодальные княжества представляли собой яркое воплощение аристократических начал в организации общественной жизни. Сословность, жесткое разграничение прав и обязанностей, кастовый дух, пронизывающий всю социальную вертикаль – вот характерные черты княжеской Черкесии в XVI–XVIII вв., сближающие ее с феодальными социумами средневековой Европы.

Обычно-правовые нормы черкесов, сложившиеся в результате их исторического бытия, отражали взгляды феодального общества на то, что «...господь повелел простому народу появиться на свет, чтобы трудиться, возделывать землю или торговлей добывать себе надежные средства к жизни; духовенству... вершить дело веры; аристократия же призвана возвеличивать добродетель и блюсти справедливость – деяниями и нравами прекраснейших лиц сего сословия являя зеркало всем прочим»⁸.

Им противостояли эгалитарные традиции, при которых «...не существовало между людьми других различий кроме тех, которые кладет 1) законность и незаконность рождения, 2) рабство и свобода и 3) поселение на собственной или на чужой земле»⁹. Переплетение и борьба этих двух начал и составляет основное содержание социальных процессов имевших место в Черкесии и на Северном Кавказе в целом в XVI–XVIII вв.

М. Ковалевский, определяя вассальное право основой кабардинского общества, видел в нем источник «... из которого заимствована была осетинами и балкарцами ...существующая в их среде система сословий»¹⁰.

«Самый факт заимствования, – писал он, – легко объясним, раз мы примем во внимание господствующее значение кабардинцев на протяжении всего Северо-Западного Кавказа, ту экономическую зависимость, нередко принимавшую даже политическую форму платежа дани, в какой жители горных ущелий жили от замыкавших проходы князей Большой Кабарды, и то высокое уважение, каким все горцы окружают это по преимуществу рыцарское племя. Подражая кабардинцам в их одежде, оружии, домашней утвари, способе постройки жилищ и манере держать себя в обществе, горские народности западного Кавказа усвоили себе также кабардинскую точку зрения, какие должны существовать отношения между повелителями и их подвластными, между князем и его вассалами»¹¹.

Конечно же, становление и развитие феодальных отношений у тех народов Северного Кавказа, у которых они существовали в более или менее выраженной форме, происходило не только за счет внешнего влияния со стороны Кабарды и других черкесских княжеств. Во-первых, следует сразу же оговориться, что социальная организация всех черкесских «аристократических» субэтносов была типологически идентичной. Ее основы зародились задолго до XVI в. и на протяжении всего Средневековья развивались конвергентно на смежных территориях Западной и Восточной Черкесии. Социально-политическое доминирование восточных черкесов более зримо отразилось на ходе общественной жизни абазин и горских народов Центрального Кавказа, но отсутствие даже зачатков сословного неравенства у осетин-алагирцев, ингушей и чеченцев свидетельствует в пользу того, что влияние на соседей феодальных институтов, сложившихся в княжеской Черкесии, не имело абсолютного характера. М. Ковалевский был более близок к истине, когда утверждал, что «...кабардинскому влиянию должна быть приписана... *окончательная выработка* той сословной организации, какую мы находим в горских обществах: балкар, чегем, бизенгий, хулам и урузбиев, так как некоторые элементы ее *положены были гораздо ранее* в эпоху поселения хазар, гуннов и абадзехов.» (разрядка наша – *З.К.*)¹².

Касаясь истории осетин, М. Ковалевский отмечал, что «...перенесение кабардинских сословных порядков в Осетию совершилось тем легче, что установление прочного правительства в некоторых частях занятой ими местности (в Тагаурии, Куртатии и Дигории) совершилось при непосредственном участии кабардинских дружин»¹³. Несколько абсолютизируя степень влияния феодальной Кабарды на общественное развитие осетин, М. Ковалевский выдвигал довольно спорные

аргументы, для обоснования собственных выводов. «Трудно сказать, – писал он, – возможно ли было образование привилегированных фамилий в Дигории и Тагаурии и подчинение ими свободного населения на началах феодальной зависимости и помимо влияния Кабарды или нет, хотя пример алагирцев, успевших удержать и полную независимость от Кабарды, и сохранить одновременно свою родовую демократию, по-видимому, дает право полагать, что развитие феодальных отношений является скорее результатом воздействия внешних, нежели внутренних причин»¹⁴.

Неправомерность игнорирования внутренних социально-экономических предпосылок процессов феодализации осетинского общества отмечалась еще Г.К. Кокиевым¹⁵. Пример алагирцев (равно как и ингушей) свидетельствует не в пользу приоритета «внешних причин» (в данном случае кабардинского влияния) в деле феодализации горских обществ, а скорее иллюстрирует неспособность черкесской знати силовыми методами распространить сферу действия социальных порядков господствовавших в Кабарде.

Лишь в тех карачаево-балкарских и осетинских обществах, где еще до появления черкесов на Центральном Кавказе выделились сословные группы, претендующие на особый социальный статус, взаимодействие с более развитыми формами общественной жизни кабардинцев послужило катализатором процессов прогрессирующей эволюции новых социальных институтов, в ущерб старым родовым порядкам и способствовало «окончательной выработке» феодальной сословной организации.

Здесь уместно вспомнить об уже упоминавшейся истории изгнания и возвращения в Осетию (Тагаурское общество) с помощью кабардинских князей фамилии алдар Шанаевых¹⁶. Осетинский фольклор сохранил яркие свидетельства подавления общественного протеста свободных общинников против произвола своих алдаров, которые зачастую опирались на поддержку кабардинской знати. «Песня о сыновьях Баты» повествует о смерти всей семьи героя в борьбе с «узданами» Тулатовыми (с. Кобани) и кабардинским князем¹⁷. По преданию о борьбе дигорца Кодзасова Корте с кабардинскими феодалами, опиравшимися на местную знать Дигории – царгасат, последние за поддержку в устранении опасного врага даже уступили своим покровителям часть земли¹⁸.

В связи с этим стоит отметить, что Царгас – родоначальник царгасат – согласно фольклорной традиции считался выходцем из Кабарды, о чем свидетельствует само его имя, созвучное с экзонимом адыгов – «черкес»¹⁹.

Узденем князей Мударовых, происходившим из фамилии Иналовых, был по преданиям предок Дударовых, входивших в состав одиннадцати знатных родов тагаурцев²⁰. Один из сыновей Курта, родоначальника куртатинских привилегированных фамилий, согласно фольклорной традиции был пленен кабардинцами и воспитан при дворе одного из их князей. Повзрослев, он женился на княжеской дочери, вернулся в родное ущелье и основал новое селение – Даллаг-кау – «Нижнее село», в котором и правили его потомки²¹. Родоначальником одной из сильнейших фамилий алагирцев – Хетагуровых осетинские предания называют одного из сыновей легендарного Инала, который считался основателем почти всех княжеских династий княжеской Черкесии²².

Башильбаевские князья Егибоковы так же считались по происхождению кабардинцами²³. Многочисленные факты свидетельствуют о натурализации в горской среде лиц, связанных с черкесской знатью, и превращении их потомков в феодальных владельцев. Память о былом происхождении многих знатных горских родов и той роли, которую сыграли в их возвышении связи с черкесской аристократией, оставалась существенным фактором развития межэтнических отношений. Иначе фольклорная традиция, отражающая эти процессы не дожила бы до нашего времени. В XVI–XVIII вв. интенсивные и прочные связи с Кабардой способствовали сохранению и дальнейшему развитию наметившихся ранее тенденций по феодализации горских обществ Центрального Кавказа. Особое значение это имело для дигорцев и абазин-тапанта.

«Верхушечное» переселение на плоскость значительной части населения Дигории, усилило позиции ее привилегированных сословий, которые и были инициаторами миграции дигорцев на равнину. «Бадилаты, – писал Штедер, – соединились с кабардинцами, получив благодаря этому возможность поселиться у подножия гор. Народ попал в зависимость, а благодаря этому, власть бадилов усилилась, и форма управления стала более аристократической... Бадилаты вместе с кабардинским союзом приняли также магометанскую религию... Их род увеличился в полтора раза»²⁴. Становясь крупными земельными собственниками (в рамках феодального землевладения) бадилаты приобрели сильные экономические позиции для закрепощения юридически свободных крестьян Дигории, которые становились наследственными арендаторами земельных участков, получаемых в пользование от своих сеньоров. Расширение экономической базы развития дигорского феодализма способствовало так же увеличению численности сословия

баделят, а следовательно и усилению его социальных позиций в осетинском обществе.

М. Ковалевский считал, что «...влияние кабардинцев на сословную организацию соседних с ними горцев не ограничивается пределами Осетии и Балкарии. Не меньшее значение имело оно и для черкесских племен и во главе всех – для абазинцев, деление которых на князей (пши), дворян (уорков), свободных людей (тфокол), крестьян (пшитль) и рабов, как по характеру каждой категории, так и по присвоенным им названиям вполне отвечает кабардинскому»²⁵.

Конечно же абазины имели собственную развитую социальную титулатуру, а черкесские термины, обозначающие различные сословные страты абазинского общества бытовали в лучшем случае параллельно с ними. Однако следует отметить, что именно абазины-тапанта, очень рано попавшие в орбиту политического влияния Кабарды, довольно резко выделились из абхазо-абазинской этнической общности по степени развитости феодального строя. И хотя «...разделение абазин на различные сословно-классовые группы произошло еще до переселения их на Северный Кавказ», только политические образования абазин-тапанта «...именовались по фамилиям своих князей», точно так же, как кабардинские феодальные владения, носили названия тех аристократических родов, которым принадлежала в них высшая власть (Атажукина Кабарда, Ахлова Кабарда, Анзорова Кабарда и т.д.)²⁶. Несмотря на неразработанность вопроса о соотношении в общественной жизни абазин феодальных и общинных элементов, нам представляется, что последние методологические разработки В.Х. Кажарова по выявлению особенностей черкесского феодализма позволяют говорить о полном тождестве социальной организации «аристократических» черкесских субэтносов и абазин-тапанта, что помимо всего прочего объясняется сходными естественно-географическими условиями существования обоих народов.

Мнообразие форм общественной жизни горских народов, граничивших с Черкесией исключает возможность абсолютизации ее социально-политического влияния на процессы социального развития первых. Помимо того, что у абазин, карачаево-балкарцев, и осетин существовали собственные термины, обозначающие все социальные страты общества, значительные различия в уровне общественного развития даже в рамках гомогенной этнической общности (например осетинской) свидетельствует, что в каждом конкретном случае соотношение внутренних и внешних социально-экономических и политических предпосылок общественной эволюции составляло величину переменную.

Например, заметно отличается социальная титулатура родственников по происхождению карачаевцев и балкарцев²⁷.

Вполне самостоятельно развивались социальные отношения «демократических» черкесских субэтносов и вайнахов, причем на протяжении XVIII в. наблюдалось усиление их политических позиций, опиравшихся на собственные традиционные общественные институты при резком их противопоставлении всяким формам аристократического правления.

«Чем далее мы удаляемся на запад по направлению к Черному морю, – писал М. Ковалевский, – тем свободнее от кабардинцев складывается общественная организация черкесов»²⁸.

Основными политическими противниками натухаевцев, шапсугов и абадзехов были их ближайшие соседи – бжедугские и кемиргоевские князья. Все попытки навязать абадзехам и шапсугам феодальные формы правления (в случае с первыми – при участии кабардинцев) закончились фактическим поражением черкесских княжеских владений в результате Ошноуской битвы и событий, последовавших после сражения, на реке Бзююк. Этому способствовали «...особенности мелкой вотчины у двух групп адыгов (аристократических и демократических – З.К.)», имевшие различия качественного порядка²⁹. По определению В.Х. Кажарова, «...внешне наиболее заметную роль в этих различиях сыграли экологические факторы, обусловившие особенности локализации этих мелких вотчин, расположение их сплошной цепью по ущельям и речным долинам, сравнительно небольшие размеры селений (в среднем 5–10 дворов, что примерно в 10 раз меньше, чем количество дворов в къяужэ на предгорных равнинах), размытость границ между ними и т.д. В горных селениях отсутствовали земельные переделы, обрабатываемые участки передавались по наследству и примыками к усадьбам мелких вотчинников»³⁰.

Слабая концентрация земельной собственности, а следовательно отсутствие предпосылок для централизации ее атрибутов – политической и судебной власти, обуславливали стойкость патриархально-родовых отношений среди горных, «демократических» черкесских субэтносов и отторжение ими аристократических форм правления, опиравшихся в княжеских владениях Черкесии на вотчинные права высших сословий, охватывавшие весь наличный земельный фонд. Наличие у натухаевцев, шапсугов и абадзехов немногочисленных привилегированных фамилий, некоторые из которых по временам становились аталыками юных отпрысков аристократических черкесских семей не меняло сути общественных отношений господствовавших среди

«демократических» черкесских субэтносов. Тлекотлешские роды последних на протяжении всего XVIII в. неуклонно теряли политический вес в общественной жизни своих обществ и этому не могли воспрепятствовать даже путем массированного вооруженного противодействия свободной крестьянской массе не только удаленные от Закубанья кабардинцы, но даже соседние бжедуги и кемиргоевцы.

Население плоскостной Чечни концентрировалось в основном в крупных аулах, многие из которых номинально подчинялись иноплемennым князьям. Единственным черкесом среди них был Девлет-Гирей Черкасский, сын Эльмурзы Джамбулатова, который еще в 1722 г. покинул Кабарду и, пожалованный Петром I в подполковники, остался «...навсегда в службе российской»³¹. В 1747 г. «...чеченцы герменчуковской деревни просили позволения переселиться на новые места и об отпуске им во владельцы ротмистра Девлет-Гирея Черкасского, старшего сына генерал-майора Эльмурзы Бековича Черкасского, командовавшего тогда Терским Кизлярским войском, которого прижил он с простою девкою и, следовательно, Девлет-Гирей был ченке или тума (т.е. княжеский сын от неравного брака – З.К.)»³².

Обе эти просьбы были удовлетворены, Девлет-Гирея отпустили к чеченцам «...с приведением его на верность России к присяге и со взятием оной от всех герменчуковцев. Причем скоро и деревня Шали вошла в зависимость от Девлет-Гирея»³³. Уход из Кабарды Эльурзы автоматически исключал его потомство из общей иерархической структуры черкесского феодального общества, тем более, что Девлет-Гирей, как и все его братья даже не мог претендовать на княжеский титул. И хотя происхождение от рода Джамбулатовых наверняка сыграло не последнюю роль в решении чеченцев пригласить Девлет-Гирея к себе на княжение, процедура водворения последнего среди своих новых подданных ясно показывает, что Девлет-Гирей, будучи лишь по происхождению кабардинцем, по статусу являлся чеченским владельцем и русским офицером. Приняв управление над добровольно подчинившимися его власти чеченскими общинами, он не мог заметно ускорить процессы социального расслоения, протекавшие среди плоскостных чеченцев. Таковы были судьбы представителей всех княжеских династий, в разное время водворявшихся в Чечне. Князья не вмешивались во внутренние отношения чеченцев, которые активно осваивали плоскость, благодаря чему в их общественной жизни не происходило особых перемен; «...вся разница состояла в том, что там, где прежде дымился в лесу одинокий хуторок, раскидывался теперь огромный аул в несколько сот домов, большею частью одного родства. Круг связей

общественных по-прежнему не переступал границ родственных связей, однако же они стали обширнее, потому что тухумы (тайпы) возросли непомерно»³⁴.

Уже в 1760 г. Девлет-Гирей, чудом уцелевший при нападении на его резиденцию соседних чеченцев, основал в междуречье Терека и Сунжи новый аул, Девлет-Гиреевский, которому он смог дать свое имя лишь после долгой борьбы с жителями собственного селения, не желавшими этого³⁵.

Одним из факторов, поддерживавших эгалитарные традиции социальной организации чеченцев, было проникновение в Чечню из соседнего Дагестана учения ислама, проповедующего равенство всех верующих мусульман. Престиж духовных наставников народа, как правило выходцев из коренных чеченских родов, был намного выше чем у князей-пришельцев. Так, например, когда чеченский князь Али-Бек Казбулатов (родом из Аксая – кумыкского феодального владения Дагестана) приезжал к Шаху Надиру с предложением подданства, он получил в подарок 150 рублей, в то время как кадий, находившийся при нем был удостоен подарка в 200 рублей – факт совершенно невозможный с точки зрения черкесского феодального этикета³⁶.

К тому же, постепенно, чеченцы почти совершенно освободились от всякой зависимости по отношению к призванным ими в свое время князьям. Впервые в 1757 г. чеченцы «...вышли из должного повиновения своим владельцам» и видимо именно по этой причине владельцы Большой Кабарды со своими войсками в союзе с донскими казаками приняли участие в карательной экспедиции против них³⁷.

Не имея прочной социальной базы в Чечне, «...кумыкские и прочие владельцы лишились власти над чеченцами, ... одни возвратились в отчизну, другие близ российского кордона под защитой оною, с позволения российского основали селения меньше из своих природных холопов, а больше из присоединившихся к ним добровольно чеченцев»³⁸. В связи с этим, утверждение И. Иванова о перенесении «кабардинского феодального устройства» в среду равнинного чеченского населения представляется нам совершенно необоснованным.

Процессы разложения патриархально-родовых отношений в плоскостной Чечне происходили в связи с расширением экономической базы чеченского общества, обусловившего его постепенную эволюцию и выделение в нем богатой и влиятельной старшинской верхушки. Аналогичные процессы протекали и среди «демократических» черкесских субэтносов, но в Чечне социальное противостояние старой княжеской аристократии и вновь нарождающейся на чеченской почве

феодализирующей родовой знати имело характер освободительного движения против власти иноплеменных угнетателей. По мнению Е.Н. Кушевой генезис социальных сил в Чечне шел в русле двух параллельных процессов: с одной стороны выделение сильных богатых родов – тайпов или целых тукхумов и упадок слабых, с другой – возвышение родовой верхушки, старейшин тайпов и патронимий³⁹.

В определенной степени подобные процессы были характерны и для некоторых других народностей Северного Кавказа. В первой главе данной работы мы уже упоминали о существовании в среде алагирцев и ингушей «сильных», «лучших» фамилий, претендовавших на социальное доминирование в своих обществах.

Вместе с тем черкесское влияние на процессы общественной эволюции алагирских осетин, ингушей и чеченцев было минимальным, так как у этих групп населения Северного Кавказа к XVIII в. не оформились социальные группы готовые пойти на долговременный классовый союз с феодальной знатью Кабарды и тем самым противопоставить себя остальной массе населения. Родовые порядки проявили большую жизнестойкость. Со второй половины XVIII в. старшинская верхушка уже предпочитала поддерживать свое социальное лидерство не путем установления прочных связей с черкесской аристократией на основе сложившихся в Кабарде общественных институтов, а мобилизуя под лозунгом борьбы со старыми угнетателями все революционные силы разлагающегося патриархально-родового общества.

В XVI–XVIII вв. сила воздействия политического влияния Кабарды на социальные процессы, происходившие на Северном Кавказе, в большей степени проявилось в том, что кризис феодальных общественных институтов, имевший столь катастрофические последствия для высших сословий Западной Черкесии и Чечни, практически не затронул народы Центрального Кавказа. И это несмотря на то, что даже Кабарда не избежала кризисных явлений.

В 1767 г. восстали зависимые сословия Кабарды и «30-го числа июня... между рек Малка и Терека расположились числом до 10 000 называемые Токошевы (чагары или оги – оброчные крестьяне – З.К.)»⁴⁰. На все уговоры своих владельцев восставшие отвечали: «Напредь сего были у них обычай: 1-е. Кто ис чагар с своим хозяином в чем-либо возымеет ссору, или от хозяина причиняемы будут чагарам какия обиды и нападения, которых не стерпя ежели чагаринин перебежит к другому владельцу, то теми владельцами содержаны были до того время, покуда оной по прежним примерам с хозяином смирится. Но ныне уздени

усилием своим чагар ко владельцам не допускают а удерживают у себя. 2-е. У которых узденей с собственными чагарами происходили ссоры и чинились им, чагарам обиды, то владельцы таких чагар принимали к себе и держали до учинения мира»⁴¹. Они просили «...владельцев, чтоб в сих терминах, поступано было по прежним обычаям безобидно, а равномерно и подать брали с них умеренную, какову и прежде они платили, также имеющихся у них чагар, собственных уже их холопей, оставили в их воле, и как владельцы, так бы и уздени в них не вступались, и единственно всех своими холопами не зачисляли»⁴².

Выборные от князей и дворян, ведшие переговоры с восставшими были вынуждены согласиться на эти условия и принести в том присягу⁴³. Но восставшие выступали не против феодальной эксплуатации вообще, а лишь против превышения ее меры. Они добивались гарантий от злоупотреблений своих владельцев, не покушаясь на изменение характера отношений между кабардинскими сословиями и выступая лишь за соблюдение традиционных норм обычного права, оговаривавших обязанности всех его субъектов. Скромность социальных задач восставших позволила высшим сословиям Кабарды погасить разгоравшийся конфликт. Но сам факт столь массового выступления феодально-зависимых сословий в Кабарде весьма показателен. Он свидетельствовал по определению современников, «...что прежние (крестьяне – З.К.) сносили, ... нынешние не хотят, пришед во искушение свободы»⁴⁴.

Несмотря на это, Кабарда до конца XVIII в. не только полностью сохранило свой социальный облик, но, по-видимому, продолжало оказывать стабилизирующее воздействие на общественную жизнь многих соседних народов. Отсутствие на протяжении XVI–XVIII вв. массовых антифеодальных выступлений у карачаево-балкарцев, среди абазин объясняется не только устойчивостью традиционных общественных институтов этих этносов, но и мощной поддержкой, оказывавшейся их социальным элитам со стороны черкесской знати. Отсутствие таковой едва не привело к уничтожению господствующего положения баделятского сословия в Дигории.

Это было связано с семимесячной войной 1779 г. и попыткой уничтожить недавно учрежденные на ее землях крепостей Кавказской кордонной линии. Штедер, непосредственный участник следовавших за этим событий, описывал их следующим образом: «...Во время последних волнений и нападений черкес на нашу границу бадилаты старались привлечь народ (осетин-дигорцев – З.К.) к участию в этом, встав на сторону черкесов. Благодаря отлучке бадилатов, которые помогали черкесам, произошло первое собрание народа, а после полного

поражения кабардинцев на Малке дигорцы решились на всеобщий союз против угнетения»⁴⁵.

В 1780 г. восставшие дигорцы хотели поголовно истребить всех бадилатов, а те, в свою очередь, «... вошли в соглашение с черкесами (имеются в виду царгасаты – *З.К.*) и бассианами (т.е. балкарскими таубиями – *З.К.*) и ждали от них помощи», надеясь силой подавить сопротивление своих мятежных подданных⁴⁶. Стесненное положение владельцев Большой и Малой Кабарды, потерпевших незадолго до этого сокрушительное поражение от русских войск, не позволило им оказать действенную помощь своим вассалам, что они конечно же не преминули бы сделать в иной ситуации. Посредничество русского офицера капитана Штедера, позволило прийти к компромиссу, и 19 июля 1780 г. «...был ...восстановлен мир всего дигорского района, вплоть до высочайших гор»⁴⁷. Бадилаты были вынуждены не только принести присягу на верность России, но и были несколько ограничены в своих привилегиях. Дигорцы, обращенные в рабство, должны были быть освобождены, тумы объявлялись независимыми от баделят, а подати народ должен был уплачивать «...по примеру своих дедов, когда эти подати были добровольными и незначительными»⁴⁸. Кроме того, значительно уменьшилась пеня за воровство у баделята или его оскорбление⁴⁹.

Ссылки восставших на «времена своих дедов», когда подать была незначительной, показывает, что на протяжении жизни двух-трех поколений нормы феодальной эксплуатации крестьян значительно выросли, а то, что зависимые и свободные сословия Дигории решились на восстание в момент временного ослабления Кабарды лишний раз свидетельствует в пользу значительной ее роли в этом процессе.

Если прочные связи с Кабардой способствовали упрочению и развитию феодальных отношений у целого ряда народов Северного Кавказа, то и кабардинское общество в результате всестороннего взаимодействия со своими ближайшими соседями выделилось из числа однотипных этносоциальных образований группы «аристократических» черкесских субэтносов. Экономическая и политическая зависимость от Кабарды абазин, карачаево-балкарцев, части осетин и вайнахов, выражавшаяся в уплате ее владельцам ежегодной натуральной ренты, создавала дополнительную материальную базу для социального развития кабардинского общества.

В Кабарде не велось фундаментального строительства, население жило в условиях натурального хозяйства и не знало многих предметов роскоши. Все материальные ценности, поступавшие в страну в виде дани от подвассальных народностей, использовались знатью

для расширения круга служилого дворянства, численностью которого определялась реальная сила каждого феодального владельца.

Конечно далеко не все зависимые от Кабарды горские общества безропотно выплачивали установленную феодальную ренту, а некоторые из них старались и вовсе отказаться от навязанных им силой обязательств. В таких случаях кабардинцы как правило прибегали к насильственным реквизициям, угоняли скот, захватывали пленных для продажи в рабство или получения выкупа от их родственников. Полный отказ горцев от всяких вассальных обязательств позволял владельцам Большой и Малой Кабарды получить в виде военной добычи не меньше скота, рабов, превращавшихся в крепостных крестьян, и других материальных ценностей, чем в случае скупуплезной выплаты подворного налога, которым были обложены абазины, карачаево-балкарцы, значительная часть осетин, ингуши и карабулаки, так как все выгоды в случае вооруженного столкновения были на стороне кабардинцев.

В виде дани (или военных реквизиций в счет ее уплаты) от зависимых горцев в Кабарду поступало ежегодно материальных ценностей на десятки тысяч рублей серебром в ценах XVIII в.⁵⁰ Сопоставление этой цифры с суммами денежных пожалований, которые поступали от российского правительства за участие на стороне России в войнах с Турцией и Крымом или пограничных конфликтах, показывает насколько значима для социального развития Кабарды была данническая эксплуатация зависимых от нее горских обществ. Так, например, в марте 1737 г. было выделено на раздачу «...кабардинцам для Кубанского походу, а именно на Большую и Малую Кабарды 2500, да на некоторые особливые дачи 500, итого 3000 рублѣв»⁵¹. За участие в походе 1758 г. на возмущившихся против своих князей чеченцев кабардинские владельцы были «пожалованы» 3000 рублей⁵².

Таким образом, внеэкономическая эксплуатация народов Центрального Кавказа позволила общественным институтам максимально развить в Кабарде все потенциальные возможности, заложенные в системе черкесского феодализма. Если в Западной Черкесии на протяжении всего XVIII в. наблюдалось неуклонное снижение численности «аристократических» субэтносов и сокращение социальной базы феодальных владений – Кемиргоя, Хатукая, Жане и Бесленя, то аристократическая верхушка Кабарды, имея мощный экономический стимул для поддержания гипертрофированных форм феодализации кабардинского общества, удержала свое доминирующее положение в стране и влияние на соседние народы Северного Кавказа.

На социальном строе кабардинцев это отразилось двояко. Во-первых, значительный удельный вес «благородных» сословий в общей массе населения Кабарды, достигавший 17% и значительно превосходивший подобные показатели у других «аристократических» черкесских субэтносов⁵³, привел к тому, что эпитет «кабардинский» приобрел особое звучание и стал на Кавказе синонимом «...аристократической изысканности и комильфотности»⁵⁴. Н.Я. Марр отмечал, в своё время, что «обыкновенно этнический термин, раз это название чужого племени, смотря по исторической роли его носителя, то обращается в социальный термин ..., то становится прилагательным, указывающим на те или иные нравственные или физические качества, отрицательные или положительные, связанные у народа с представлениями о данном племени»⁵⁵.

Пережив расцвет феодальной Кабарды, образ кабардинского уорка ярко запечатлелся в сознании многих народов. В начале XX в. Л. Величко писал: «Наши казаки, да и сами кавказцы, связывают с этими племенами (народами Северного Кавказа – З.К.) различные понятия и клички, выработанные практикой: кабардинец-рыцарь...»⁵⁶. Даже в глазах кабардинца его Родина ассоциируется с понятиями социальными. «Къэбэрдеишху уэркъышхуэ жылэ» – «Кабарда большая/великая – уорков больших/великих общество» – устойчивое идиоматическое выражение, часто встречающееся в старинных кабардинских песнях. В нем между Кабардой и аристократическим сообществом уорков ставится знак равенства.

Во-вторых, в Кабарде максимально девальвировалось социальное содержание термина тлхукотл (тлхукъуэл). Х.М. Думанов совершенно справедливо заметил, что «...кабардинский крестьянин считал себя оскорбленным, когда его называли тлхукотлем, хотя и принадлежал к этой категории. Он предпочитал называться мэкъумэшыщлэ (земледелец) или тлхукъуэщауэ (тлхукотльский витязь – З.К.). Значит, сами кабардинцы знали, что тлхукотлы – крепостные крестьяне»⁵⁷. Но дело как раз в том, что подобное социальное звучание термин тлхукотл приобрел только в Кабарде. Любой шапсуг, абадзех и даже бжедуг или кемиргоевец, принадлежащий к этому сословию, с гордостью назвал бы себя тлхукотлем (тфокотлем, по западно-черкесской транскрипции), так как во всех провинциях Западной Черкесии этим термином обозначалось архаически свободное крестьянство, которое в Кабарде уже к XVIII в. было закрепощено⁵⁸.

Элитарный дух, пронизывающий всю социальную иерархию Кабарды, настолько подавил представления о возможности полноценного

социального статуса вне уоркского сословия, что даже наиболее богатая и влиятельная верхушка зависимых сословий предпочитала именовать себя «крестьянскими витязями» (токошевы, тукашуки русских источников – *З.К.*), претендуя тем самым на «благородный» образ жизни, выразившийся девизом – «Хабзэрэ зауэрэ» («Честь и война»).

Таким образом, в результате социально-политического взаимодействия восточных черкесов – кабардинцев с соседними народами Северного Кавказа не только активизировались процессы феодализации некоторых из них (абазин-тапанта, дигорцев, тагаурских и куртатинских осетин). Многосторонние сеньориально-вассальные отношения, аталыческие связи, куначество и патронат, консолидируя феодальные и феодализирующиеся сословно-классовые слои черкесских княжеств и целого ряда соседних северокавказских обществ, сыграли заметную роль в актуализации процессов максимального развития всех потенциальных возможностей социальной эволюции в рамках уже сложившихся в эпоху средневековья традиционных общественных институтов.

Наиболее результативными эти процессы были для Кабарды и ее непосредственного социального окружения.

2. Динамика этнокультурных процессов

На протяжении XVI–XVIII вв. особое географическое положение Черкесии, наряду с особенностями ландшафта и этнодемографии региона (хозяйственно-экономической специализации горцев и жителей равнин, неравномерности уровней социально-политического развития и т.д.) детерминировали особенности этнического развития черкесов и интенсивность межэтнического взаимодействия в регионе.

В отечественной историографии издавна отмечалось значительное социкультурное влияние черкесов на другие народы Северного Кавказа.

Кавказский генерал-губернатор П.С. Потемкин в «Кратком описании о кабардинских народах», составленном им в 1784 г., писал: «Нахожу достойным описать кабардинцев, яко главнейших между всеми народами, занимающими все пространство земли, лежащей у подошвы Кавказских гор, между Каспийским и Черным морем... Кабардинцы между всеми горскими народами, кроме дагестанцев, имеют преимущество, все прочие роды, как-то: кумыки, чеченцы, карабулаки, аксайцы, андийцы, асетинцы, абазинцы, беслинейцы, кигушевцы

и протчия.... подражают им..... не токмо во нравах, но в образе жизни и во образе одежды»⁵⁹.

Подчеркивая особое место, которое занимали черкесы на Северном Кавказе, автор статьи «Привелегированные сословия Кабардинского округа» отмечал: «Разделенные на множество колен (кабардинцы, бесленеевцы, кемиргоевцы, махосевцы, бжедужи и проч.), нередко враждовавших между собою, тем не менее адигейцы единством своего языка и общностью обычаев составляли мощный народ, сила и преимущества которого над прочими племенами Северного Кавказа ясно выражалась рабским подражанием сих последних – одежде, нравам и обычаям, усвоенным адигейцами вообще и кабардинцами в особенности»⁶⁰.

«Рыцарская Кабарда, – писал историк терского казачества И. Попко, – была законодательницей мод и вкуса для всех воинственных адыгских обществ от Сунжи до Черного моря»⁶¹.

В новейшее время тема черкесского влияния на культуру горцев Северного Кавказа получила дальнейшее развитие. Об этом писали В.П. Пожидаев, Е.Н. Студенецкая, В.И. Абаев, Б. Алборов, Б.Х. Бгажников, К.М. Теккеев, В.Б. Вилинбахов и др.⁶²

Вместе с тем, нам представляется, что содержание процессов межэтнического взаимодействия на Северном Кавказе в эпоху позднего Средневековья и в Новое время (в том числе и в XVIII в.) было намного богаче и разнообразнее простого влияния черкесов на культуругенез соседних народов.

Известный кавказовед, академик Н.Я. Марр, пришел к заключению, что «реальная характеристика того или иного народа Кавказа становится в зависимость не от его национальной самооценки, а от места, занимаемого им в данной целостной группировке, сформировавшейся на сродстве тех или иных культурных элементов»⁶³. К этому можно добавить, что реальные характеристики, национальная самооценка и место, занимаемое в «целостной группировке» большинства народов Северного Кавказа именно в XVIII в. были подвержены значительным изменениям. В первую очередь это коснулось основной массы адыгского населения.

Источники второй половины XVII в. представляют нам Черкесию как конгломерат самостоятельных феодальных княжеств с довольно многочисленным населением⁶⁴. По данным Эвлия Челеби Черкесия могла выставить 64 тыс. воинов, из них хегаки – 3 тыс., жанеевцы – 13 тыс., хатукаевцы – 8 тыс., кемиргоевцы – 10 тыс., бжедуги – 3 тыс., бесленеевцы – 5 тыс., Большая Кабарда – 10 тыс., «страна Таустан» (видимо Малая Кабарда и соседние горцы Центрального Кавказа) –

12 тыс.⁶⁵ Эти сведения, на наш взгляд вполне заслуживают доверия, так как, например, в отношении кабардинцев, подтверждаются источниками первой трети XVIII в.⁶⁶

К концу же XVIII в. значительная часть западных черкесов, сохранивших старые этнонимы (хегаки, жанеевцы, хатукаевцы, бжедуги, кемиргоевцы) оказалась оттесненной к кубанскому левобережью. Хегаки, жанеевцы и хатукаевцы уменьшились в числе катастрофически, а кемиргоевцы и бесленеевцы в несколько раз⁶⁷. Единственным черкесским субэтносом, сохранившим прежний военно-политический потенциал и даже несколько увеличившимся в числе оказались кабардинцы. Несмотря на значительное перемещение населения (оставление кабардинцами района Пятигорья и присунженских земель), Кабарда сохранилась как крупнейшая этносоциальная единица феодальной Черкесии.

Параллельно процессу депопуляции «аристократических» субэтносов Западной Черкесии в Закубанье на протяжении XVIII в. происходило оформление новых крупных этносоциальных единиц – натухаевцев, шапсугов и абадзехов, совершенно неизвестных более ранним источникам. Взаимозависимость этих процессов очевидна и в отечественном кавказоведении на это давно было обращено внимание⁶⁸.

«Следует думать, – отмечала Н.Г. Волкова, – что появление в источниках новых названий адыгских племен и исчезновение старых, видимо, отражает не миграционные процессы или моменты физического уничтожения части адыгского населения Западной Черкесии, сколько разнообразные процессы этнического и социального характера, имевшие место в адыгском обществе в XVII–XVIII вв. Именно эти процессы могли вызвать к жизни новые этнические имена (натухай, шапсуг), скрывшие древние названия адыгских племен, знакомые по более ранним источникам»⁶⁹.

Н.Г. Волкова, вслед за Л.И. Лавровым, полагала, что эта гипотеза не относится к абадзехам, основу которых якобы составили средневековые «обезы» – абазинские племена⁷⁰. С одной стороны, описание абадзехов, составленное Хан-Гиреем в 30-х годах XIX в. не противоречит этому заключению.

«Племя это, – писал Хан-Гирей, – именуется Абедзах для легчайшего произношения...ибо это наименование, по всем вероятностям, произошло от того, что первоначальные абадзехи были абхазцы,... каковое название осталось навсегда, несколько изменяясь впоследствии, от произношения. Следовательно, этим же доказывается, что и происхождение первобытных абадзехов есть абхазское... Впрочем, как бы то

ни было абадзехское колено составилось из пришельцев, отделившихся от абхазских и черкесских колен, и, как последних несравненно было более (разрядка наша – *З.К.*), то все они сделались черкесами, и ныне абадзехское племя есть настоящее черкесское колено и весьма сильное между прочими. Наречие абадзехов есть наречие низовых черкес, хотя оно имеет отличительный выговор, который есть их собственный, а не абхазское или какого-либо другого племени»⁷¹.

Однако, нам представляется, что не одни абадзехи имели «абазские» корни. Так еще в конце XVIII в. П.С. Паллас и шапсугов и натухаевцев отнес к главным племенам «Большой Абазы»⁷² Г.Ю. Клапрот, посетивший Северный Кавказ в 1807–1808 г. охарактеризовал натухаевцев «самыми могущественными из абазин», а в отношении шапсугов и абадзехов собрал следующие сведения: «Абадзехи – значительный по количеству народ черкесского происхождения. Они жили прежде на самых высоких снеговых горах западного Кавказа. Но так как их число все время возрастало, они спускались до черных сланцевых гор, и здесь еще более усилились, захватывая повсюду людей, которые стали крестьянами абадзехов. К ним также пришло много чужеземных беглецов и поселилось среди них; в результате произошло такое смешение, что в настоящее время одни только знатные – настоящие абадзехи.

Шапсуги... того же происхождения, что и кабардинские черкесы, но так как подобно абадзехам они принимают всех беглых, они так смешались, что среди них остались лишь очень немногие чистой черкесской крови»⁷³.

Хан-Гирей, дифференцируя современные ему черкесские субэтносы, оставил любопытное замечание: «Абхазы землю свою называют Апснэ, а себя именуют апсь-о; грузины их называют абхазеты, а черкесы абадзе, относя сие наименование собственно к абхазцам; впрочем, черкесы, живущие на северных равнинах за Кубанью, т.е. в княжеских владениях, называют нередко племена абадзехское, шапсхгское и натххоккоадское вообще «абадцэ», как бы желая под этим названием означать людей грубых; иногда даже скромные в похвалах к самому себе дворяне из этих племен, говоря о своем значении, произносят: «Конечно, я, как абадзинский дворянин, не знаток в вежливости, но надеюсь поддержать приличия, званию дворянина свойственные». При всем том, однако ж, название «абадцэ», принадлежащее абхазцам, дают этим черкесским племенам потому только, что они живут с ними в соседстве и связях. Наоборот, эти племена, т.е. абадзехское, шапсхгское и натххоккоадское, в некоторых случаях княжеским владениям, говоря вообще, преимущественно присваивают название адхге

(т.е. адыгэ – *З.К.*), хотя это наименование есть общее всему черкесскому народу (разрядка наша – *З.К.*)»⁷⁴.

Ссылки автора на «грубость» «абазов» и объединение населения княжеских владений Черкесии в единую группу, на первый взгляд, переводят противопоставление последних с натухаевцами, шапсугами и абадзехами в социальную плоскость. Однако, судя по источникам, «аристократические» черкесские субэтносы в этнокультурном плане были совсем неоднородны. Так, Эвлия Челеби в 60-х годах XVIII в. отмечал особую близость бжедугам к абхазами. Страна Боздук, – писал он, – имеет много общего с абхазами. (Вследствии) постоянной торговли характер и обычаи у них такие же, как у абхазов»⁷⁵. Кабардинский князь Магомет Кургокин⁷⁶ в одном из своих писем астраханскому губернатору, уже в 1748 г. сообщал, что отряд из Большой Кабарды совершил набег в наказание за разграбление купеческого каравана на «абазинских обывателей бажадугского рода».

Следовательно этнокультурная дихотомия «адыгэ-абазэ» имела под собой вполне реальные основания этнокультурного характера, различия же в социальной организации двух групп адыгского населения Черкесии были лишь внешним проявлением относительно самостоятельных путей этногенеза «аристократических» черкесских субэтносов и новообразовавшихся «демократических племен».

Тезис Л.И. Лаврова об очеркешивании бжедугам, мохошевцев и абадзехам, во-первых, предполагает несколько прямолинейное понимание происходивших в Закубанье этнических процессов, как ассимиляции целых групп абазинского населения адыгами, а во-вторых, игнорирует «абазские» корни шапсугам и натухаевцев⁷⁷. Если последнее не нуждается в доказательствах, то что касается характеристики этнических процессов, приведших к «очеркешиванию» натухаевцев, шапсугам, абадзехам, бжедугам и мохошевцев возникает целый ряд неизбежных вопросов.

Во-первых, как могли хегаки, хатукаевцы и жанеевцы, якобы ассимилировавшие «абазов», передать последним адыгский язык, сопутствующие ему этнокультурные стереотипы и при этом катастрофически уменьшится в числе, дойдя к концу XVIII в. до грани полного растворения среди своих более активных и многочисленных соседей? Тем более, что бжедуги и мохошевцы вошли в число адыгских аристократических народностей, как относительно самостоятельные этнические единицы, а натухаевцы, шапсуги и абадзехи совершенно не ассоциировали себя с хегаками, жанеевцами и хатукаевцами, хотя к концу XVIII в. адыгское самосознание, видимо, стало у них

доминирующим над памятью об «абазском» происхождении. В то же время северокавказские абазыны, в-первую очередь тапантины, на протяжении целых поколений, проживавшие непосредственно в среде кабардинцев к концу XVIII в. так и не были окончательно ассимилированы последними.

В.К. Гарданов полагал, что в XVIII– первой половине XIX вв. ядром формировавшихся адыгских народностей были кабардинцы и кемиргоевцы, а натухаевцев, шапсугов и абадзехов относил к «основной базе» процесса их сложения⁷⁸. Однако все говорит за то, что в XVIII в. как раз «демократические» черкесские субэтноты формировались за счет хегаков, жанеевцев, хатукаевцев и кемиргоевцев, а не наоборот. Перетекание населения феодальных владений Западной Черкесии (видимо, в основном за счет сословия «вольных земледельцев») в новые этносоциальные организации – натухаевские, шапсугские, абадзехские «братства» было показателем кризиса традиционных общественных институтов феодальной Черкесии, ее социальных структур, которые лишались, таким образом, реального этнического наполнения.

Этот процесс был облегчен тем, что этнокультурная дихотомия «адыгэ-абазэ» имела характер противопоставления внутри относительно гомогенной по языку, культуре и происхождению абхазо-абазино-адыгской этнолингвистической общности. По замечанию С.А. Арутюнова «необходим определенный уровень развития культуры, чтобы в ней могли появиться значимые и осознаваемые различия, достаточные для самопротивопоставления коллективов с различающейся культурой, т.е. этнические различия»⁷⁹. Следовательно последние имели место в отношении «аристократических» адыгов и «абазов» (по черкесской терминологии *адыгэ жылэ* – *абазэ жылэ* «адыгские общества – абазские общества»). Однако, нам представляется, что субстратная основа сложения группы «демократических» черкесских субэтнотсов, определяемая Л.И. Лавровым как собственно абазинская, не была таковой в полном смысле значения этого термина. Для жителей средневековых княжеских владений феодальной Черкесии аморфное и разрозненное в социальном отношении население высокогорных районов Западного Кавказа представлялось «абазским» по общему этнокультурному облику, отличному от их собственно-«адыгского», но скорее всего оно занимало промежуточное положение между «адыгскими обществами» (кабардинцами, бесленеевцами, кемиргоевцами, хатукаевцами, жанеевцами, хегаками и др.) и абазинами по своим этнокультурным параметрам, диапазон которых даже в пределах одного этноса может быть достаточно велик.

Если исходить из этой гипотезы, этнические процессы, протекавшие в Закубанье и осложненные сопутствовавшим им кризисом общественных институтов феодальной Черкесии следует рассматривать как разновидность консолидационных или парагенетических, а не ассимиляционных. В конечном счете, по определению С.А. Арутюнова «ассимиляция является частным случаем консолидации»⁸⁰. Однако для характеристики содержания этнических процессов имевших место на Западном Кавказе в XVI–XVIII вв. как «многосторонней консолидации», предполагающей «обобщение культурного достояния», принципиально важно иметь в виду определенную этническую однородность субъектов, участвовавших в них⁸¹.

Консолидирующий потенциал субстратной основы – «абазских» предков натухаевцев, шапсугов и абадзехов оказался настолько значительным, что старые княжеские владения Западной Черкесии к концу XVIII в. сохранились лишь как реликты этнических процессов, имевших место в эпоху Средневековья, а основная масса населения Закубанья объединилась в молодые, динамично развивающиеся субэтноты, перехватившие инициативу в историческом процессе. Адыгский же суперстрат (выходцы из Хегака, Жане, Хатукая и Кемиргоя) в силу своего значительного удельного веса в массе закубанского населения, развитости языка и этнокультурных традиций, носителем которых он выступал, позволил консолидационным процессам имевшим место в Западной Черкесии и вызвавшим становление натухаевцев, шапсугов и абадзехов, остаться в рамках адыгского этнического поля.

Совершенно иной была ситуация на Центральном Кавказе. Здесь черкесское население – кабардинцы, оказалось с первых веков своего самобытного существования в иноязычном, а во многом и инокультурном окружении.

Этнокультурная дихотомия «свои-чужие» для черкесов-кабардинцев была намного острее и выраженнее, нежели для их закубанских соотечественников – жанеевцев, хатукаевцев, кемиргоевцев и др. Разнородность элементов этносоциальной системы, сложившейся вокруг Кабарды, обусловили резистентность традиционных общественных институтов, которые удержали в сфере своего действия кабардинцев, северокавказских абазин, карачаево-балкарцев, осетин, а так же некоторые локальные группы вайнахов, что предопределило особый путь этнокультурного развития кабардинцев и их многочисленных соседей.

Во-первых, на фоне общего упадка княжеских владений и депопуляции «аристократических» черкесских субэтнотосов, кабардинцы сохранили свою численность, а ее удельный вес в общей массе последних

значительно возрос. По-видимому, какая-то часть населения княжеских владений Западной Черкесии влилась в состав кабардинцев. Об этом недвусмысленно свидетельствует Г.Ю. Клапрот: «Дворяне часто переходят от одного князя к другому: отсюда последовало быстрое увеличение населения Большой Кабарды»⁸².

Постоянный приток в Кабарду единичных выходцев из Закубанья и даже целых групп западночеркесского населения подтверждается другими источниками, а наиболее ярким примером этому является история переселения в Кабарду трехсот бесленеевских семей, описанная нами выше⁸³.

Помимо этого, довольно значительным, как мы видели, был контингент выходцев из других регионов Северного Кавказа, которые в поисках земли, покровительства и устойчивого общественного статуса оседали в среде кабардинцев и быстро ассимилировались черкесской массой. Кабарда, абсорбируя значительный процент наиболее социально активной части населения высокогорных районов Центрального Кавказа, обеспечила себе длительную перспективу этнокультурного и социально-политического развития. Вассально-зависимые карачаево-балкарские, осетинские и вайнахские горные общества оказались для Кабарды более надежным тылом, нежели свободные «абазские» общины для «аристократических» черкесских субэтнотетосов Западного Кавказа.

Несмотря на относительную гетерогенность населения Кабарды, в сравнении с остальными субэтнотетосами Черкесии, на Центральном Кавказе сложился особый кабардинский субвариант черкесской культуры, претендовавший на самодостаточность и эталонность. Причем эти претензии, в известной степени, признавались всеми черкесами, что неоднократно подчеркивалось исследователями прошлого.

«Кабардинцы, – писал Хан-Гирей, – в то время, когда присваивали себе господство над соседственными племенами, были и законодателями вкуса для других черкесских поколений: в одежде и вооружении, в обычаях и нравах, на войне и мире – все ставили их себе в пример. В самом деле, они, кроме того, отличались еще особенным возвышением духа и людкостию в обращении между горцами»⁸⁴. По замечанию Хан-Гирея даже «кабардинское наречие» черкесского языка почиталось за «чистейшее», хотя такое определение абсолютно ненаучно (все его самобытные диалекты развились из единого корня) и основывались скорее всего на субъективных оценках его носителей⁸⁵.

Выделение кабардинцев из общей массы черкесов по особенностям их этнокультурных и этнопсихологических параметров нашло

отражение в языках многих народов Северного Кавказа. Так, карачаевцы, балкарцы, ингуши и чеченцы пользуются экзонимом «черкес» для обозначения всех адыгов, население Кабарды определяли этнонимами «к̑абарты» (карачаево-балкарцы) и «г̑абарте» (вайнахи)⁸⁶.

Особые социально-экономические условия, в которых развивалась Кабарда, таким образом, сыграли для кабардинцев роль мощного этногенетического фактора. Доминирование субэтнического уровня самосознания кабардинцев, тяготеющего к оформлению в этническое, в отличие от Западной Черкесии, где субэтнический уровень самосознания оказался вторичным, проявилось благодаря относительной изолированности Кабарды от остального черкесского массива, ее военно-политической мощи, доминированию на Северном Кавказе и тому обстоятельству, что кабардинцы в XVIII в. (особенно ближе к концу века) стали ощущать себя основными носителями традиционных этнокультурных параметров феодальной Черкесии, которые в Закубанье подверглись ощутимой трансформации.

Кроме того, элитарный дух, которым оказался пропитан кабардинский субвариант черкесской культуры дал ему мощную силу для воздействия на культурогенез других народов Северного Кавказа.

Наиболее зримо это проявилось в широком распространении среди населения региона элементов черкесского национального костюма, конского снаряжения и вооружения.

Хан-Гирей писал по этому поводу следующее: «Черкесы, отстав во всем относительно наук от азиатских народов, превосшли их в одежде и оружии. Мужская одежда у черкесов красотою и удобностью превосходит все одеяния мне известные не только в Азии, но и в Европе. Оружие у черкес также превосходно и отличается не богатством, но ловкостью, удобностью, вкусом обделки и добротностью»⁸⁷.

В свое время Е.Н. Студенецкая со знанием дела утверждала, что «все горцы Северного Кавказа, а за ними и казаки заимствовали из Кабарды форму одежды, вооружение, посадку на коне и т.д. и внимательно следят за всеми изменениями капризной кабардинской моды»⁸⁸. Несколько позднее, она скорректировала свою позицию по вопросу о генезисе традиционного кавказского мужского костюма. «Свое наименование черкеска получила от русских, которые впервые увидели ее на адыгах – черкесах (предках современных адыгейцев, черкесов и кабардинцев)» – писала Е.Н. Студенецкая, ставя, тем самым под сомнение исключительно черкесское происхождение одного из главных элементов мужской одежды народов Кавказа⁸⁹.

Однако она не отказалась от своего первоначального тезиса о значительности кабардинского влияния на формирование широко известного

традиционного кавказского мужского костюма: «Удобный и изящный костюм, приспособленный к образу жизни горцев, широко распространен за пределами Кабарды и Черкесии... Они (кабардинцы – *З.К.*) были не только наиболее высокими по стадии общественного развития народа, но и образцами в области бытового уклада, обычаев, одежды. Отсюда ясно, почему кабардинский тип костюма получил столь широкое распространение не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье»⁹⁰.

В подтверждение сказанному можно привести множество доводов. Так, например, только в адыгском языке существует понятие «адыгэ фацэ» (смысловой перевод значит – «адыгская форма»), применяемое для определения всего комплекса мужской и женской национальной одежды. Зато у карачаевцев черкеска иногда называется «черкес чепкен» (черкесский кафтан)»⁹¹.

Примечательно так же то, что у ближайших соседей кабардинцев даже в элементах женской одежды наблюдается большое сходство (вплоть до полного тождества) с последними. И это при том, что по справедливому замечанию С.С. Агашириновой «женщина никогда не одевалась как...желала»⁹².

«Она, – отмечает далее автор, – должна была соблюдать все мелочи традиционного туалета, причем отступление каралось самым суровым образом. Этим обстоятельством и объясняется,... консервативность традиционной женской одежды кавказских народов и в то же время большая свобода в развитии мужской одежды»⁹³.

Несмотря на это, как показывает этнографический материал, например, карачаево-балкарский женский костюм ближе всего к кабардинскому, что по мнению К.М. Текеева объясняется следующими причинами: «Во-первых, близким соседством и общением...; во-вторых, кабардинцы были известными законодателями мод на всем Северном Кавказе, а в некоторых видах одежды – на всем Кавказе; в-третьих, кабардинская одежда была по понятиям карачаевцев и балкарцев, самой добротной, солидной из всей одежды соседних народов и соответственно ближе всех им»⁹⁴. Эти выводы равно применимы и к другим ближайшим соседям Кабарды – абазинам, осетинам и ингушам.

Наблюдается так же определенная закономерность в распространении и популярности среди кавказских народов некоторых элементов черкесского вооружения и конского снаряжения.

О.В. Маргграф отмечал в свое время, что «кабардинское или адыгское племя всегда производило оружие, седла, уздечки и прочие принадлежности убранства всадника, служившие образцами для других туземцев»⁹⁵. Однако если образец седельного набора, занесенного из

Кабарды господствовал на Северном Кавказе и Дагестане между горским населением и назывался «кабардинским» или «черкесским», то адыгские шашки, почти полностью вытеснившие к концу XVIII в. на всем Северном Кавказе остальные виды длинноклинкового холодного оружия, в других кавказских регионах не получили столь широкого распространения⁹⁶.

Так, например, по мнению Э. Аствацатурян «дагестанские шашки появились под влиянием черкесских, но в Дагестане они не вытеснили сабли, а бытовали наряду с ними. Они вошли в употребление позднее, чем черкесские, и среди них, пожалуй, не встречаются клинки ранее XIX в.»⁹⁷.

Следовательно, единство некоторых форм материальной культуры кабардинцев и других народов Кавказа, особенно осязаемое в непосредственном этносоциальном окружении Кабарды, наиболее логично объяснимо ее этнокультурным влиянием, а не общностью древних кавказских культурных традиций, ибо по справедливому замечанию Л.И. Лаврова «ходячее представление о многовековой неизменяемости национального костюма в прошлом основано на недоразумении»⁹⁸.

Если же мы вслед за Г. Гачевым признаем в вещах «материализованную психологию народа... в предметном богатстве мира, народа (плодах труда, производства) – развернутую книгу человеческой психики, в том числе и национальной», можно констатировать, что широкое распространение и престижность на Северном Кавказе элитарных форм черкесской материальной культуры было отражением доминирования и популярности в регионе этнокультурных стандартов и эстетических ценностей адыгского феодального общества⁹⁹.

В сфере духовной культуры северокавказских народов черкесская влияние привело к не менее значимым последствиям.

Иерархическая структура социальной регламентации черкесского общества, наиболее жестко оформленная в Кабарде, была основой для выработки рыцарского этикета – «уэркъ хабзэ», возникшего на почве общеадыгских этических ценностей и идеалов, как своего рода реакция на процесс сословной стратификации общества¹⁰⁰.

«Этикет, – по определению современного петербургского исследователя Э.Х. Панеш, – в своей архаической основе является абсолютно элитарным явлением и исторически связан сугубо с аристократическими слоями социально иерархизированного общества. По сути – это метаязык общения аристократических сословий различного уровня»¹⁰¹. Кабарда, выделявшаяся даже в ряду однотипных этносоциальных образований феодальной Черкесии максимальным развитием элитарных

традиций общественной организации, стала для народов Северного Кавказа школой изучения «метаязыка общения аристократических сословий».

К.М. Текеев высказывается по этому поводу весьма категорично: «Пусть это не покажется тенденциозным утверждением, у балкарцев и особенно у карачаевцев ни один народ не был предметом подражания в быту, образе жизни и особенно этикете, кроме кабардинцев-черкесов, благородство которых вошло в поговорку – «Черкес намыс киби́к» («Благороден как черкес») или «Къабарты бий киби́к» («Как кабардинский князь»))»¹⁰².

Н. Рехвиашвили в своих утверждениях идет еще дальше: «Выработанный и строго соблюдаемый адыгскими племенами этикет...был принят в качестве единой нормы поведения почти всеми кавказцами»¹⁰³.

Высокая привлекательность, утонченность и изящество этических норм «уэркъ хабзэ», носителями и хранителями которых выступали привилегированные сословия Кабарды, обеспечили ему широкое распространение среди кавказского населения, а кабардинскому обществу давали то «огромное моральное влияние», которое оно, по отзывам современников имело на всех горцев Северного Кавказа¹⁰⁴.

По мнению Б.Х. Бгажнокова «распространение этикета адыгов на Кавказе имело немалое значение для оптимизации, интенсификации межнационального общения, в ходе которого бесспорно обогащалась и адыгская культура»¹⁰⁵. К этому, на наш взгляд, необходимо добавить, что именно для кабардинцев и их непосредственных соседей «оптимизация, интенсификация, межнационального общения» за счет распространения черкесского этикета и, как следствие, обогащение культур имели максимальное значение.

Не последнюю роль в этнокультурных связях черкесов Кабарды с горцами Северного Кавказа имели процессы развития в их среде двуязычия.

«Распространение вторых языков в горах, – отмечал Л.И. Лавров, – согласуется с вертикальной зональностью: несравненно чаще горцы перенимают язык живущего ниже их населения, чем язык населения высокогорных районов»¹⁰⁶. Кроме того, по наблюдениям Л.И. Лаврова, по обеим сторонам лингвистической границы, в полосе которой и появляется двуязычие, наблюдается неравномерное знание двух языков, «больше проникает тот язык, на территории распространения которого находится.... экономический центр, к которому тяготеет население данного участка пограничной полосы»¹⁰⁷.

Кабарда на протяжении всего XVI–XVIII вв. являлась экономическим и политическим центром значительной части Северного Кавказа.

Благодаря этому широкое распространение среди горцев (особенно высших сословий) черкесского языка имело устойчивый характер. В источниках XVIII в. содержатся вполне определенные данные, свидетельствующие об этом.

Например, кабардинские князья, обосновывая свои претензии на политическую власть над абазинами-тапанта писали в октябре 1748 г., астраханскому губернатору И.О. Брылкину, что последние с ними «однозаконцы (т.е. тоже мусульмане – *З.К.*) и разговор имеют такой же (разрядка наша – *З.К.*)»¹⁰⁸.

Вахушти Багратиони, описывая «Овсети» (карачаево-балкарцев и осетин) так же отмечал, что представители ее феодальной знати, «сносящиеся с Черкесией владеют черкесским и татарским – джагатайским языком»¹⁰⁹.

Российские власти, посылая в Осетию с различными поручениями офицеров и гражданских чиновников старались подбирать их таким образом, чтобы последние владели «черкесским разговором», о чем их просили сами осетины. Когда осенью 1771 г. ротмистр А. Батырев прибыл в Осетию, в с. Чми, представители фамилии Текаевых обратились к нему с просьбой вернуть тела умерших в Моздоке осетинских аманатов, «да сверх оного присылать к ним всегда, естли какое дело случитца казенное язычных черкаского разговора людей, а другие де хотя к ним приезжают с письмами, ибо де у них писать умеющих не бывает, а чрез тех уведомляющца, которые черкаского разговора знают, как от ныне посланных... ротмистра Батырева.... по растолковании обо всем бы разумелись.... И по таким обстоятельствам от неумеющих языку черкескому препятствие им происходит и не могут де свое желание подробно таким объявлять»¹¹⁰.

Весьма характерно для определения функций, выполнявшихся черкесским языком в осетинском обществе, выглядит описание Штедером переговоров между дигорскими бадилатами и восставшими крестьянами в 1781 г.

«Согласно обычаю, – пишет Штедер, – бадилаты и народ расположились друг против друга в 200 метрах»¹¹¹. Переговоры велись через двух вестников, которые ходили от одного круга переговаривающихся к другому, причем «в серьезных и трудных случаях вестники говорили не на своем родном языке, но на татарском или черкесском, а оратор передавал это вольным переводом или дословно (разрядка наша – *З.К.*)»¹¹².

Необходимость «в серьезных и трудных случаях» переходить с общепонятного языка, на татарский или черкесский (кабардинский),

видимо, была связана с тем, что некоторые конкретные нюансы переговоров не были предназначены для слуха не посвященных в круг избранных, а бадияты и лица, связанные с ними, таким образом, подчеркивали свой особый социальный статус и принадлежность к феодальной элите Северного Кавказа.

В свою очередь, многие представители кабардинской аристократии с детства, воспитывавшиеся в Закубанье, Карачае, Балкарии и Осетии в совершенстве владели языками тех народностей из среды которых происходили их аталыки.

Касаясь определения культурологического значения двуязычия Г. Гачев писал: «Двуязычие – это диалог мировоззрений, систем мира. При нем получается стереоскопичность зрения, объемность мышления. С другой стороны – на этом уровне появляется плодотворная самокритика мысли и слова. Ибо «двуязычник», живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный «одноязычник»¹¹³.

Именно «диалог мировоззрений», активное соучастие в процессе обобщения (на основе морально-этических и эстетических ценностей черкесского феодального общества), культурного достояния народов Северного Кавказа привели к выработке устойчивых и весьма оригинальных форм светской культуры, имевших универсальный характер для всего северокавказского региона.

«В развитом ... феодальном обществе, – отмечал С.А. Арутюнов, – крестьянская культура (народная культура) и культура класса феодалов (элитарная культура) образуют две совершенно обособленные, сравнительно мало общающиеся между собой системы. Это не значит однако, что они не находятся между собой во взаимодействии. Напротив, между ними имеются вполне четко определенные отношения. В феодальном обществе именно крестьянская культура является этнически специфичной, культура же феодального класса в пределах определенной историко-культурной области (Западной Европы, Южной или Восточной Азии), в особенности на начальных этапах средневековья, до интенсивного развития буржуазных отношений в городах в значительной степени едина, и конкретная специфика в ней выражена слабее»¹¹⁴.

Культура феодальных и феодализирующихся классов и сословий в рамках определенной историко-культурной области, каковой является Кавказский регион, потому и отличается значительным единством, что эти группы населения наиболее социально мобильны и контактны, в результате чего преобразованные формы народной

культуры, держателями, носителями и потребителями которых выступали высшие сословия различных кавказских этносов свободно циркулировали и активно перенимались в их среде. Между тем, различия, наблюдаемые между феодальной культурой даже близких и взаимосвязанных регионов единой историко-культурной области, например, Северного Кавказа, Дагестана и Закавказья имеют этнический характер, «поскольку в каждом регионе основным субъектом формирования этих различий выступают доминирующий в данном регионе этнос»¹¹⁵.

Таким образом, можно утверждать, что социально-политическое доминирование адыгов-кабардинцев на Северном Кавказе определило его этнокультурное своеобразие. Ассоциированность абазин, карачаево-балкарцев, осетин и значительной части вайнахов с кабардинцами привела, в определенном смысле, к культурному, светскому, «очеркшиванию» неадыгских народов края.

Касаясь определения понятия «ассоциированности» С.А. Арутюнов писал: «Ассоциированность в любом случае предполагает наличие некоторой (хотя и не всеобщей) двуязычности и двухкультурности. Социальная верхушка и наиболее активная часть племени, тесно общающаяся с представителями более многочисленной и более социально развитой народности, в известной мере видит в ней референтную группу и моделирует по ней часть своего поведения (в некоторых случаях вплоть до полного овладения языком, письменностью и этикетными навыками этой группы), но сохраняет вместе с остальной частью племени основные цементирующие это племя традиционной формы культуры и традиционные ценности. В сфере религии и других аспектов духовной культуры может проявляться синкретизм, параллелизм культов, заимствования и трансформация»¹¹⁶.

Оставаясь абазинами, карачаевцами, балкарцами, осетинами, ингушами и чеченцами, представители социальной верхушки этих народов Северного Кавказа выступали реципиентами черкесской культуры (ее элитарного варианта). В известной мере социальный статус абазинских аха и амыстаду, карачаево-балкарских биев, осетинских алдар и бадилят, вайнахских старшин обязывал их быть куда большими «кабардинцами» (в одежде и вооружении, знании этикета и т.д.) чем представители непривилегированных сословий Кабарды.

Конечно же, степень ассоциированности с кабардинцами различных народов Северного Кавказа, а следовательно и степень развития среди них двухкультурности и двуязычия сильно варьировались. Наиболее значимыми эти явления этнокультурной жизни края были для абазин, карачаевцев, балкарцев и горцев Осетии. Ведь социальные

верхи этих этносов через отношения сюзеренитета – вассалитета, патроната-клиенты, искусственного родства (аталычество) напрямую были связаны с черкесской знатью, в которой они видели свою референтную группу и частью которой (в самом широком смысле слова) они фактически являлись. Г.Ю. Клапрот, например, характеризуя социальный статус балкарских таубиев, писал: «Княжеская семья Басиат по своему рангу находится на уровне кабардинских дворян осетинского происхождения (разрядка наша – З.К),» – подразумеваемая под последними осетинских алдаров и бадилят¹¹⁷. То есть, согласно трактовке Г.Ю. Клапрота, на наш взгляд вполне отвечающей историческим реалиям XVIII в., осетинские, а равно и карачаево-балкарские, и абазинские привилегированные сословия являли собой органичную часть кабардинской аристократии, возглавляемой потомками Инала.

По сведениям собранным автором статьи «О привилегированных сословиях кабардинского округа» особенностью похорон князя в Кабарде было то, что «каждый взрослый кабардинец обязан посетить дом умершего князя, для совершения заупокойной молитвы»¹¹⁸.

«Исполнять этот долг, – отмечает далее автор, – считают своею обязанностью и благородные сословия соседних Кабарде племен – Тагаурии, Дигории, Балкарии, Хулама и прочих»¹¹⁹. Осознание феодальными сословиями горцев Центрального Кавказа этого долга «каждого взрослого кабардинца» обязательным и для себя весьма показательно в отношении их этнокультурной самоидентификации.

Фактическое вхождение привилегированных сословий народов Центрального Кавказа в состав кабардинской феодальной аристократии, а следовательно ассоциированность с кабардинцами в целом (что проявлялось в сферах материальной и духовной культуры), нашло свое отражение в становлении в их среде весьма своеобразных этногенетических и этнопсихологических представлений.

Так, например, северокавказские абазины, по наблюдениям И.Х. Калмыкова «несмотря на то, что имели и имеют свое самоназвание.....продолжают себя относить к адыгам»¹²⁰. «Современный абазин, – замечает далее автор, – чтобы узнать у своего собеседника его национальность обычно спрашивает: «Уадыгъума?» (Ты адыг?)»¹²¹.

Ш.Д. Инал-Ипа отмечал в своё время, что « в древности абхазо-черкесские племена выступали под одним общим названием, может быть, ввиду того, что не были еще дифференцированы на выделившиеся собственно абазинские и черкесские племена»¹²². И.Х. Калмыков опираясь на этот тезис Ш.Д. Инал-Ипа предположил, что в

древности общим самоназванием для абхазо-черкесских племён было слово «адыгэ»¹²³.

Такое утверждение не может не вызывать сомнений в своей исторической достоверности. Во-первых, из всех абхазо-абазин лишь северокавказские абазины идентифицируют себя с адыгами, сохраняя при этом свое самосознание и самоназвание. Во-вторых, даже для многочисленных черкесских субэтносов – натухаевцев, шапсугов и абадзехов первоначальной, как мы видели, была «абазская» самоидентификация, а не наоборот. Следовательно специфичность самосознания современных северокавказских абазин логичнее объяснить длительным парагенезом, имевшим место в зоне их этнокультурного контакта с кабардинцами и другими черкесами, не приведшим однако к их окончательной ассимиляции последними. Зато это способствовало, по красочному выражению Ш.Д. Инал-Ипа «установлению особенно интимной, неразрывной связи кабардинцев и абазин»¹²⁴.

Ассоциированность с кабардинцами порождала сознание этнопсихологической, духовной близости к ним не только у абазин, но и у других народов Северного Кавказа.

А.Р. Чогиев в одной из своих работ приводит вариант обсуждения предстоящего набега среди дигорских бадилат: «В Чечню ехать, но они вспыльчивый народ и удасться ли нам пожить. На Кабарду пойти, но они наш народ (разрядка наша – З.К.). В нашу горную Дигорию пойти, но и там наших больше. На русских пойти, но и с ними нам вряд ли удасться. Давайте в Алагирское ущелье пойдем»¹²⁵. Следовательно, для представителей привилегированных сословий Дигории кабардинцы, как мы видим, были в большей степени «своими» нежели соседние алагирские осетины.

По замечанию У.Б. Далгат в вайнахских сказаниях более позднего цикла, в которых встречается уже «более определенный этноисторический адекват....довольно часто идет речь о кабардинцах, которым в сказаниях отводится исключительное место»¹²⁶.

Некоторые из них даже объединяют кабардинцев и отдельные вайнахские общества происхождением от единого предка.

Так, по преданиям, зафиксированным, Г.К. Мартирисяном, предка галгайцев (ингушей) звали Га; у него было двое сыновей – ГалгIа и Габертэ. ГалгIа вышел из ущелья Гехи и основал Галгаевское общество, а Габертэ переселился в Кабарду и основал Кабардинское общество¹²⁷.

Согласно другому полулегендарному сказанию ингушей, один кабардинец попал в плен к горным великанам (вамполж), но «в скором

времени на вамполож рассердился бог, и они начали умирать. Кабардинец, бывший в плену у вамполож, воротился в Терскую долину, взял с собой кабардинку и, привезя ее в горы, женился на ней. От этого брака произошли горные ингуши»¹²⁸.

В героико-эпических песнях чеченцев и ингушей о Кабарде неизменно повествуется с подчеркнутым уважением, а в одной из них, посвященной верной дружбе кабардинца Курсолты («Гордого Солты») и чеченца – «вдовьего сына», «Мать –Кабарда» и «Мать –Чечня» упоминаются в одном ряду¹²⁹.

Ориентированность на Кабарду как на региональный политический и культурный центр, прочное вхождение в орбиту этносоциального влияния кабардинцев не нарушили подсознательного чувства гетерогенности, характерного для этнографической массы горцев Северного Кавказа – вайнахов, осетин, карачаево-балкарцев. Исключением из общего правила можно признать лишь трансформацию этнического самосознания абазин и «абазских» предков «демократических» черкесских субэтнотосов, причем в случае с последними, собственно кабардинское влияние на этот процесс было минимальным.

Этнокультурное доминирование кабардинцев способствовало, в определенной степени, унификации многих сторон материальной и духовной жизни народов Северо-Западного и Центрального Кавказа, их сближению и выработке целого ряда универсальных (в рамках региона) культурных стандартов. Вместе с тем оно стимулировало сохранение в высокогорных районах Центрального Кавказа значительной мозаичности населения. Отсутствие в XVI–XVIII вв. условий для формирования на плоскости собственных политических и культурных центров, способных объединить все разрозненные локальные группы абазин, карачаево-балкарцев и осетин обуславливали консервацию в их среде субэтнического уровня самосознания и слабость консолидационных процессов в рамках этих самостоятельных этнических общностей.

Собственно говоря, даже в Черкесии, наиболее социально развитой провинции Северного Кавказа, наблюдалась устойчивость субэтнического уровня самосознания, несмотря на наличие двух мощных очагов консолидационной активности – в Закубанье (на основе «демократических» черкесских субэтнотосов) и в Кабарде.

В то же время, локальные группы вайнахов, более свободные от военно-политического и социокультурного давления кабардинцев, при освоении плоскостных присунженских земель, проявили значительную консолидационную абильность, и на протяжении XVIII в. на восточной периферии Северокавказского региона шло становление

чеченской и ингушской народностей – этносоциальных общностей более высокого таксономического уровня, нежели известные по более ранним источникам вайнахские горные общества.

Н.Ф. Яковлев, отстаивавший тезис об отсутствии в прошлом каких бы то ни было предпосылок, оправдывавших обособление ингушской и чеченской культуры и языка писал: «Со второй половины XVI в. начинается эмиграция ингушских племен из Нагорной полосы на теперешнюю чеченскую плоскость. Многочисленные нагорные племена Нашаха, с верховьев Аргуна и Чеберлая вновь перемешались на плоскости, подпали под влияние соседних плоскостных культур (русской, кабардинской, ногайской, кумыкской, калмыцкой) и дали в результате новую культурную область с новыми центрами, в которых сформировались новая культура и новый язык – чеченский. Таким образом, чеченцы и ингуши создались в общем из одних и тех же национальных элементов, но группировавшихся вокруг разных культурных центров, в разные эпохи и смешивавшихся в разных пропорциях»¹³⁰.

Несмотря на длительность этногенеза собственно чеченцев и ингушей, нам представляется, что именно XVIII в. может послужить своеобразной точкой отсчета в окончательном обособлении западных и восточных групп вайнахского населения Северного Кавказа.

История плоскостной Чечни XVIII в. – ведущей объединительной силы восточных вайнахов – это история успешной борьбы за независимость против притязаний кабардинской и дагестанской феодальной аристократии. Освоение обширного фонда равнинных земель, расширение за счет этого экономической и, как следствие, социо-культурной базы чеченского общества, дали ему материальные и духовные силы для противостояния своим воинственным соседям. Мусульманство, привитое из соседнего Дагестана, сопряженное с сильными эгалитарными традициями социальной организации, позволило в какой-то мере регламентировать общественную жизнь чеченского общества и стало идеологической основой консолидации населения Чечни.

В то же время западные вайнахи (галгаевцы, джейраховцы, карабулаки и др.) в силу многих причин – естественно-географических, демографических, военно-политических, – не имея возможности отстаивать полную независимость от Кабарды, оказались оторванными от объединительных, консолидационных процессов, центром которых стала плоскостная Чечня. Становление ингушской этнической общности происходило на базе одного из крупнейших западновайнахских горных обществ – Галгая (отсюда и самоназвание ингушей), при значительном этнокультурном влиянии ближайших соседей.

Иными словами, в XVIII в. заметная разница в степени социально-политического и этнокультурного влияния со стороны кабардинцев сыграла роль одного из этнодифференцирующих факторов на заключительных стадиях этногенеза чеченцев и ингушей.

Примечания

1. *Иванов И.* Чечня // Москвитянин. № 19. 20. Кн. 1, 2.
2. *Ковалевский М.* Закон и обычай... С. 78.
3. *Скитский Б.В.* К вопросу о феодализме... С. 6.
4. *Скитский Б.В.* Осетия в период феодальной раздробленности... С. 300.
5. Там же.
6. *Кокиев Г.К.* Из истории русско-осетинских отношений... С. 144.
7. Там же.
8. *Хейзинга И.* Осень средневековья. М., 1995. С. 66.
9. *Ковалевский М.* Закон и обычай... С. 245.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же. С. 253.
13. Там же. С. 245.
14. *Ковалевский М.* Современный обычай и древний закон. М., 1886. С. 31.
15. *Кокиев Г.К.* Из истории русско-осетинских отношений... С. 144.
16. ССКГ. Вып. 3. С. 36–37.
17. *Скитский Б.В.* Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 158.
18. *Скитский Б.В.* Осетия в период феодальной раздробленности... С. 290.
19. АСОНИИ. Исторический фольклор. № 32. Разд. XVIII. С. 227–228.
20. *Калоев Б.А.* Осетины. М., 1971. С. 55–56.
21. Эту историю знает практически каждый взрослый житель Куртатинского ущелья. Мы ее записали со слов А. Хачировой (1965 г.р.) – аспирантки сектора Кавказа ИЭА РАН.
22. ССКГ. Вып. 3. С. 31.
23. *Лавров Л.И.* Абазины... С. 27.
24. ОГРИП. С. 53.
25. *Ковалевский М.* Закон и обычай... С. 265.
26. *Лавров Л.И.* Абазины... С. 20, 23.

27. *Каракетов М.Д.* Из традиционной обрядово-культовой жизни карачаевцев. М., 1995. С. 43.
28. *Ковалевский М.* Закон и обычай... С. 265.
29. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты... С. 127.
30. Там же.
31. *Бутков П.Г.* Материалы... Ч. 1. С. 77.
32. Там же. С. 258.
33. Там же. С. 259.
34. *Леонтович Ф.И.* Адаты... Вып. 2. Одесса, 1883. С. 86.
35. *Бутков П.Г.* Материалы... Ч. 1. С. 260; *Аствацатурян Э.* Оружие народов Кавказа. М., 1995. С. 62.
36. *Бутков П.Г.* Материалы... Ч. 1. С. 221.
37. Там же. С. 259; КРО. Т. 2. С. 238.
38. *Бутков П.Г.* Материалы... Ч. 1. С. 260.
39. Кушева Е.Н. Некоторые особенности генезиса феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 180.
40. КРО. Т. 2. С. 269–270.
41. Там же. С. 272.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же. С. 330.
45. ОГРИП. С. 70.
46. Там же. С. 57.
47. РГАДА. Ф. Госархив. Р. 23. Д. 9. Ч. 14. Л. 244.
48. Там же; ОГРИП. С. 63. 66.
49. РГАДА. Ф. Госархив. Р. 23. Д. 9. Ч. 14. Л. 246.
50. Численность абазин, карачаево-балкарцев, осетин, галгаевцев, карабулаков и др. локальных групп вассально-зависимого населения сопоставима по численности с населением Большой Кабарды (более 11 тыс. дворов). Если мы вспомним, что от 140 дворов чегемцев Атажукины в год, без различных чрезвычайных поборов, взымали в среднем около 3000 рублей, то даже в случае нерегулярности взимания феодальной ренты с некоторых горских обществ получится весьма солидная сумма. (См. ЦГВИА. Ф, 13454. Оп. 2. Д. 296. Л. 8–9.)
51. КРО. Т. 2. С. 86.
52. Там же. С. 239.
53. *Броневский С.* Новейшие географические... С. 89; АБКИЕА. С. 220–221. и др.

54. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1959. С. 88
55. *Март Н.Я.* К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия АН. 1916. С. 1406.
56. *Величко Л.* Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990. С. 183.
57. *Думанов Х.М.* Социальная структура... С. 150.
58. *Хан-Гирей.* Записки... С. 122
59. КРО. Т. 2. С. 359, 364.
60. ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 11.
61. *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Т. 1. С. 110.
62. *Пожидает В.Л.* Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. С. 86–87; *Студенецкая Е.Н.* Быт и культура кабардинского народа. Нальчик, 1956. С. 16; *Ее же.* Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 153, 170; *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1959. С. 88; *Алборов Б.* Культура и быт осетинского народа. Рукопись // АСОНИИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 92; *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 25; *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы. М., 1989. С. 337. *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. 1997. С. 219–220.
63. *Март Н.Я.* Кавказ в памятниках его духовной культуры. СПб., 1912. С. 5.
64. *Челеби Эвлия.* Книга путешествий. Вып. 2. М., 1979. С. 52–66.
65. Там же.
66. Кабардинский посол в России Магомет Атажукин в 1732 г. сообщил, что Большая Кабарда в состоянии выставить 10 тыс. воинов. (См. КРО. Т. 2. С. 59).
67. См. Гл. 1. § 2. Данной работы.
68. *Волкова Н.Г.* Этнонимы...
69. *Волкова Н.Г.* Этнический состав... С. 25.
- 70 Там же: *Лавров Л.И.* «Обезы» русских летописей // СЭ. 1945. № 4. С. 165.
71. *Хан-Гирей.* Записки... С. 190.
72. АБКИЕА. С. 215.
73. Там же. С. 239, 241, 243.
74. *Хан-Гирей.* Записки... С. 216.
75. *Эвлия Челеби.* Книга путешествий... С. 75.
76. КРО. Т. 2. С. 163.
77. *Лавров Л.И.* «Обезы»... С. 165, 166; *Его же:* К истории бжедуг и жанеевцев // УЗАНИИ. Т. IV С. 248.

78. *Гарданов В.К.* Общественный строй... С. 22.
79. *Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И.* Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 67.
80. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 105.
81. Там же.
82. АБКИЕА. С. 260.
83. КРО. Т. 2. С. 184; ССКГ. Вып. 3. С. 7.
84. *Хан-Гирей.* Записки... С. 154.
85. Там же. С. 94.
86. *Волкова Н.Г.* Этнонимы... С. 70.
87. *Хан-Гирей.* Записки... С. 225.
88. *Студенецкая Е.Н.* Быт и культура... С. 16.
89. *Студенецкая Е.Н.* Одежда... С. 152.
90. Там же. С. 153, 170.
91. *Теккеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы. М., 1989. С. 354.
92. *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин XIX – нач. XX вв. М., 1978. С. 206.
93. Там же.
94. *Теккеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы... С. 371.
95. *Маргграф О.В.* Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производств. М., 1882. С. 158.
96. Там же: *Аствацатурян Э.* Оружие народов Кавказа М., 1995. С. 29–30, 60, 61, 87, 146.
97. Там же. С. 87.
98. *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки... С. 6.
99. *Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 1988. С. 41.
100. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 93.
101. *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). СПб., 1996. С. 265.
102. *Теккеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы... С. 337.
103. Цит. по: *Бгажноков Б.Х.* адыгский этикет... С. 25.
104. КРО. Т. 2. С. 359; *Сталь К.* Этнографический очерк... С. 91.
105. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет... С. 25.
106. *Лавров Л.И.* Некоторые итоги Джагестана 1950–1952 гг. // Краткие сообщения Института Этнографии АН СССР XIX. М., 1953. С. 4.

107. Там же.
108. КРО. Т. 2. С. 164.
109. *Вахушти Багратиони*. География Грузии... С. 141.
110. МПИО. Т. 1. С. 239.
111. ОГРИП С. 62.
112. Там же.
113. *Гачев Г.* Национальные образы... С. 37.
114. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры... С. 131.
115. Там же. С. 149.
116. Там же. С. 36.
117. АБКИЕА. С. 255.
118. ССКГ. Вып. 3. С. 5.
119. Там же.
120. *Калмыков И.Х.* Черкесы. Черкесск, 1974. С. 23.
121. Там же.
122. *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965. С. 83.
123. *Калмыков И.Х.* Черкесы... С. 23.
124. *Инал-Ипа Ш.Д.* Садзы. Историко-этнографический очерк // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVIII. Народы Кавказа. Кн. 2. М., 1995. С. 189.
125. АСОНИИ № 67. Ф. 11. С. 125. Цит. по: *Чочиев А.Р.* Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985. С. 124.
126. *Далгат У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей М., 1972. С. 17.
127. *Мартиросян Г.К.* Нагорная Ингушетия // ИИНИИК. Вып. 1. 1929. С. 35.
128. *Далгат У.Б.* Героический эпос... С. 275.
129. Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979. С. 205.
130. *Яковлев Н.Ф.* К вопросу об общем наименовании родственных народов // ЗСККГНИИ. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1928. С. 197–198.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Природно-экологические особенности Северного Кавказа, связанные с ними основы хозяйственно-экономической деятельности плоскостного и горного населения, наряду со спецификой этнодемографической ситуации в регионе обусловили системный характер межэтнических связей между многочисленными этносоциальными единицами Северо-Западного и Центрального Кавказа. Кабарда в XVI–XVIII вв. – органичная часть и крупнейшая историческая провинция феодальной Черкесии – занимала центральнокавказскую равнину, непосредственно гранича практически во всеми этническими общностями Северного Кавказа: вайнахами, осетинами, карачаево-балкарцами и абазинами. Обладание значительным фондом плоскостных земель, необходимых для нормального функционирования земледелия и отгонного скотоводства, основных отраслей экономики народов региона, ставило горские общества Центрального Кавказа в довольно жесткую экономическую зависимость от Кабарды.

В XVII–XVIII вв. имела место активизация миграционной активности горцев, которая привела к значительному сокращению территории проживания и землепользования практически всех черкесских «аристократических» субэтносов. Горцы Западного Кавказа (натухавцы, шапсуги, абадзеги) и вайнахи значительно расширили свою этническую территорию за счет княжеских владений Черкесии. Однако некоторое отступление кабардинцев в зоне межэтнического контакта с локальными группами вайнахов, оставление ими земель в среднем течении Сунжи и части Владикавказской равнины существенно не поколебали основ экономической зависимости от Кабарды населения высокогорных районов Центрального Кавказа. Кабарда сохранила за собой основные земельные богатства, обеспечивавшие ей экономическое доминирование над карачаево-балкарцами, осетинами и некоторыми локальными группами западных вайнахов.

Развитая социальная организация черкесов, основанная на феодальном землевладении и жестких сословно-иерархических связях, послужила одним из важнейших факторов реализации выгод географического положения княжеских владений Черкесии в реальные формы внеэкономической эксплуатации соседних народов.

Военно-политический потенциал Восточной Черкесии – Кабарды, несмотря на острое соперничество владетельных фамилий, оказался

достаточным для покорения большей части северокавказских абазин и разрозненных горских обществ Центрального Кавказа.

В XVI–XVIII вв. феодальная знать Большой и Малой Кабарды представляла собой наиболее консолидированную, многочисленную и активную этносоциальную силу не только в Черкесии, но и на всем Северо-Западном и Центральном Кавказе. Ее военно-политическая активность была направлена на расширение собственной социокультурной базы за счет включения в сферу действия традиционных институтов черкесского феодального общества соседних горских общин.

Распространяя свою сюзеренную власть за пределы Кабарды, ее княжеские династии последовательно навязывали сеньориально-вассальные отношения феодальным владельцам абазин, карачаево-балкарцев, дигорцев, тагаурских осетин, а так же «старшинской» верхушке куртатинцев, алагирцев, джейраховцев, галгаевцев, карабулаков и др.

Подобная практика находила определенный отклик в среде представителей социальных элит этих этнических групп, так как установление сеньориально-вассальных отношений с черкесскими владельческими фамилиями гарантировали прочный общественный статус и вооруженную защиту, что имело большое значение в условиях хронической политической нестабильности в регионе.

Вместе с тем, острое соперничество княжеских родов за право взимания феодальных налогов с подвассальных народностей (особенно между владельцами Большой и Малой Кабарды) и сильные эгалитарные традиции общественной организации некоторой их части (алагирских осетин, карабулаков, галгаевцев, джейраховцев и др.) вносили элемент нестабильности в отношения между кабардинскими князьями и их иноплеменных подданными.

В отношениях с абазинами, карачаево-балкарцами, действие этих факторов не было сколько-нибудь существенным. Благодаря этому отношения сюзеренитета-вассалитета между владельческими родами этих народностей и княжескими фамилиями Большой Кабарды были строго персонифицированы.

Притязания на сюзеренную власть над осетинскими обществами и локальными группами западных вайнахов реализовывались в форме коллективного права всех княжеских фамилий Кабарды на поочередное взимание ежегодной феодальной ренты с подвассальных горцев. На деле это означало торжество права сильного.

Особое значение для оптимизации и интенсификации этносоциальных отношений, связывавших черкесов с народами Северного Кавказа имели институты аталычества, гостеприимства и покровительства.

Юные отпрыски аристократических фамилий княжеских владений Черкесии традиционно воспитывались аталыками из числа наиболее влиятельных представителей социальных элит соседних народов. Добровольность инициативы в установлении искусственного родства – аталыческих связей, при наличии в них элементов социального доминирования и подчинения, имевших тенденцию к перерастанию в социально-иерархические связи, позволяла заинтересованным сторонам вступать в прочные и долговременные отношения, избегая ситуаций острой конфронтации.

Гостеприимство и покровительство выполняло у многих кавказских народов функции, присущие политическим институтам. Устанавливавшиеся благодаря ему отношения патроната – клиентеллы позволяли регулировать возникавшие на местной почве социальные конфликты, не выходя за рамки действующей системы этносоциальных отношений. Черкесская аристократия активно использовала институт гостеприимства и покровительства для привлечения в пределы своих владений новых подданных, их социализации и пополнения общественных слоев зависимого крестьянства и служилого дворянства. Кроме того, вмешательство в разрешение социальных конфликтов регионального уровня позволяло ее представителям поддерживать высокий моральный авторитет среди населения Северного Кавказа.

Разнообразие и устойчивость системных связей между Кабардой и ее ближайшим социальным окружением позволили кабардинскому социуму избежать последствий кризиса традиционных общественных институтов, столь губительно сказавшегося на исторической судьбе других княжеских владений феодальной Черкесии. Внеэкономическая эксплуатация абазин и многочисленных горских обществ Центрального Кавказа послужила мощным внешним фактором развития гипертрофированных форм феодализации кабардинского общества, происходившего на фоне общего упадка института княжеской власти у западных черкесов и как следствие этого, формирования в Кабарде исключительно элитарного по духу субварианта черкесской культуры.

С другой стороны, взаимодействие с более развитыми формами общественной организации восточных черкесов способствовало стабильности и активности процессов феодализации целого ряда этносоциальных единиц Северного Кавказа – абазин-тапанта, карачаево-балкарцев, дигорцев, тагаурских осетин и др.

Внутренний потенциал и резистентность этносоциальных отношений, сложившихся в рамках кабардинского феодального социума, позволил его элите реализовать свои претензии на военно-политическое

и социокультурное доминирование, в форме максимально возможной (в реальных условиях той исторической эпохи) интеграции самостоятельных этнических общностей Северного Кавказа.

Этнокультурное доминирование Кабарды, препятствуя консолидации разрозненных общин северокавказских абазин, карачаево-балкарцев и осетин, прочно ассоциированных с кабардинским феодальным социумом, способствовало сохранению в XVI–XVIII вв. на Центральном Кавказе значительной этнической мозаичности населения. По отношению к вайнахам оно сыграло роль в территориальном ограничении консолидационных процессов, протекавших в среде плоскостного населения присунженских земель, и окончательной этнической дивергенции чеченцев и ингушей.

Вместе с тем, интегрирующее значение социокультурного доминирования черкесов в регионе проявилось не менее ощутимо.

Общность исторического процесса, парагенез черкесов, абазин, карачаево-балкарцев, осетин и вайнахов в рамках устойчивой системы этносоциальных отношений способствовали генезису самобытной этнокультурной идентичности на базе синтеза культурного достояния народов Северного Кавказа при ведущей роли черкесского этноса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1959.
2. *Абаев М.* Балкария // Мусульманин. Париж, 1911. № 14–17.
3. Акты собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. 1–2. Тифлис, 1868.
4. *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин XIX – нач. XX вв. М., 1978.
5. *Алборов Б.* Культура и быт осетинского народа. Рукопись // АСОНИИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 92.
6. *Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И.* Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
7. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
8. *Аствацатурян Э.* Оружие народов Кавказа. М., 1995.
9. *Аталиков В.М.* Страницы истории. Нальчик, 1987.
10. *Аутлев М.Г.* Адыгейцы // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.
11. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI–XIX вв. Нальчик, 1973.
12. *Баев М.* Тагаурское общество и экспедиция генерал-майора Абхазова в 1830 г. // ТВ. 1869. № 6.
13. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
14. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
15. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
16. *Берозов Б.П.* Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980.
17. *Берталанфи Л.* Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
18. *Броневский С.* Новейшие географические и статистические известия о Кавказе. Кн. 2. М., 1823.
19. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1–2. СПб., 1869.
20. *Буцковский А.М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних областей. 1812. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958.

21. *Бушувев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.–Л., 1939.
22. *Вахушти Багратиони.* География Грузии // ЗКОИРГО. Кн. 24. Вып. 5. Тифлис, 1904.
23. *Величко Л.* Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990.
24. *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. 1997.
25. *Виноградов В.Б.* Генезис феодализма на Центральном Кавказе // ВИЛ. 1981. № 1.
26. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974.
27. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
28. *Гантамирова Г.А.* Хозяйственное развитие народов Чечено-Ингушетии в первой половине XIX в. и вопросы общественных отношений // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII–XIX). Грозный, 1982.
29. *Гамрекели В.Н.* Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968.
30. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967.
31. *Гарданов В.К.* Аталычество // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклад советской делегации. М., 1973.
32. *Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 1988.
33. *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. 5.
34. *Генко А.Н.* Абазинский язык. М., 1955.
35. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия господина академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.
36. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799.
37. *Гербер И.Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760.

38. *Главани К.* Описание Черкесии. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX в. (Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова) – АБКИЕА. Нальчик, 1974.
39. *Гриценко Н.П.* Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961.
40. *Гюльденштедт И.-А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // АБКИЕА. Нальчик, 1974.
41. *Далгат У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
42. *Дебу И.О.* О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске или вообще замечания о посёлённых полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседствующих горских народах. СПб., 1829.
43. *Джанаев А.К.* Феодалное землепользование в Дигории // ИСОНИИ. Т. 15. Вып. 3. Орджоникидзе, 1936.
44. *Дубровин Н.Ф.* Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.
45. *Думанов Х.М.* Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX в. Нальчик, 1986.
46. *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990.
47. *Еропкин.* Реестр горским владельцам. 1732 // История, география и этнография Дагестана. М., 1958.
48. *Иванов И.* Чечня // Москвитянин. № 19–20. Кн. 1, 2.
49. *Илли.* Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979.
50. *Инал-Ина Ш.Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965.
51. *Инал-Ина Ш.Д.* Садзы. Историко-этнографические очерки. М., 1995.
52. *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868.
53. История КБАССР. Т. I. М., 1967.
54. История СОАССР. М., 1959.
55. История Осетии в документах и материалах. Т. 1. Цхинвали, 1962.
56. Кабардино-русские отношения XVI–XVIII в. / Документы и материалы в 2-х томах. Т. 2. М., 1957.
57. Кабардинский фольклор. М.–Л., 1936.
58. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. Нальчик, 1990.
59. *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. Нальчик, 1992.

60. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994.
61. *Калмыков И.Х.* Черкесы. Черкесск, 1974.
62. *Калоев Б.А.* Осетины. М., 1967.
63. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
64. *Калоев Б.А.* Скотоводство народов Северного Кавказа. М., 1993.
65. *Каракетов М.Д.* Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. М., 1995.
66. *Клапрот Г.Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии предпринятое в 1807–1808 г. // ИСОНИИ. Т. 12. Орджоникидзе, 1951.
67. *Клапрот Г.Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии предпринятое в 1807–1808 г. // АБКИЕА. Нальчик, 1974.
68. *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. М., 1886.
69. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890.
70. *Кокиев Г.А.* К вопросу об аталычестве // Революция и горец. 1929. № 3.
71. *Кокиев Г.А.* Из истории русско-осетинских отношений XVIII в. // ИСОНИИ. Т. 4. Орджоникидзе, 1932.
72. *Кокиев Г.А.* Краткий исторический очерк Кабарды // Кабардинская АССР. М., 1946.
73. *Кокиев Г.А.* Малокабардинские поселения в XVI–XVIII вв. на Северном Кавказе // УЗКНИИ. Т. 2. 1947.
74. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.
75. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991.
76. *Кумыков Т.Х.* Хан-Гирей. Нальчик, 1968.
77. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963.
78. *Кушева Е.Н.* Некоторые особенности генезиса феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.
79. *Лавров Л.И.* «Обезы» русских летописей // СЭ. 1945. № 4.
80. *Лавров Л.И.* Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950–1952 гг. // Краткие сообщения Института Этнографии АН СССР. XIX. М., 1953.
81. *Лавров Л.И.* Абазины (Историко-этнографический очерк) // КЭС. Вып. 1. М., 1955.
82. *Лавров Л.И.* К истории бжедуг и жанеевцев // УЗНИИ. Т. 4. Краснодар, 1965.

83. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. 4.1. Надписи X–XVII вв. М., 1966.
84. *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. Вып. 4. М., 1969.
85. *Лапинский Т.* (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Т. 1–2. Нальчик, 1995.
86. *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССКГ. Вып. 6. Тифлис, 1872.
87. *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев. Вып. 1–2. Одесса, 1882, 1883.
88. *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами называемыми черкесами (Адыге), абхазцами (Азег) и другими смежными с ними // ЗКОРГО. Кн. 4. Тифлис, 1857.
89. *Люлье Л.Я.* О гостеприимстве у черкес // Кавказ. 1859. № 7.
90. *Малиновский А.А.* Общие вопросы строения системы и их значение для биологии // Проблемы методологии системного исследования. М.–Л., 1970.
91. *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.
92. *Маргграф О.В.* Чеченские селения // ТВ. 1881. № 45.
93. *Маргграф О.В.* Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производств. М., 1882.
94. *Март Н.Я.* К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия РАН. СПб., 1916.
95. *Март Н.Я.* Кавказ в памятниках его духовной культуры. СПб., 1912.
96. *Мартиросиан Г.К.* Нагорная Ингушетия. // ИИНИИ. Вып. 1. Орджоникидзе, 1929.
97. Материалы по истории кавказского края // ИКРГО. Т. 4. Тифлис, 1875–1877.
98. Материалы по истории Осетии / Составитель Г. Кокиев. МПИО. Т. 1. Орджоникидзе, 1933.
99. *Меликишвили Г.А.* К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР. 1975. № 6.
100. *Меретуков М.А.* Семейная община у адыгов // УЗАНИИ. Т. 2. Майкоп, 1970.
101. *Налоева Е.Д.* К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. // ВКБНИИ. Вып. 1. Нальчик, 1968.
102. *Налоева Е.Дж.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды // ВКБНИИ. Вып. 6. Нальчик, 1972.

103. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. 4.1. М., 1989.
104. *Новицкий Г.В.* Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлисское ведомство. 1829. № 23.
105. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
106. Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный, 1982.
107. Осетинские народные сказания // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870.
108. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX в.) / Составление, вводная статья и примечания Б.А. Калоева / ОГРИП. Орджоникидзе, 1967.
109. Осетины во 2-й половине XVIII в. по наблюдениям Штедера. Орджоникидзе, 1940.
110. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957.
111. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.// АБКИЕА. Нальчик, 1974.
112. *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). СПб., 1996.
113. *Пейсонель К.* Трактат о торговле на Черном море // АБКИЕА. Нальчик, 1974.
114. *Периц А.И.* Этнография как источник первобытно-исторических реконструкций // Этнография как источник реконструкции первобытного общества. М., 1979.
115. *Пожидаяев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925.
116. *Пожидаяев В.П.* Горцы Северного Кавказа. Владикавказ, 1926.
117. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России. М., 1923.
118. *Покровский М.В.* Адыгейские племена в конце XVIII – первой половине XIX в. // КЭС. Т. 2. 1958.
119. *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времен. Т. 1. СПб., 1880.
120. *Потто В.А.* Два века терского казачества. Владикавказ, 1912.
121. Привилегированные сословия Кабардинского округа // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870.
122. *Рейнеггс Я.* Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа // АБКИЕА. Нальчик, 1974.
123. *Рклицкий М.В.* Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области // ИСО-НИИ. Т. 2. Орджоникидзе, 1926.

124. *Робакидзе Д.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. М., 1978. № 2.
125. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала, 1958.
126. Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в. (Сборник документов). Махачкала, 1988.
127. Русско-осетинские отношения XVIII в. (Сборник документов в 2-х томах). Орджоникидзе, 1976, 1984.
128. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. (Сборник документов). М., 1997.
129. *Скитский Б.В.* К вопросу о феодализме в Дигории // ИСОННИИ. Т. 5. Орджоникидзе, 1933.
130. *Скитский Б.В.* Очерки по истории осетинского народа с древнейших до 1867 // ИСОННИИ Т. 10. Орджоникидзе, 1947.
131. *Скитский Б.В.* Осетия в период феодальной раздробленности // *Скитский В.Б.* Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.
132. *Скитский Б.В.* К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. // *Скитский В.Б.* Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.
133. *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа М., 1983.
134. *Сокуров В.Н.* Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – нач. XVIII вв. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып. 10. Нальчик, 1975.
135. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Ростов-на-Дону, 1985.
136. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // КС. Т. 21. Тифлис, 1900.
137. *Студенецкая Е.Н.* Быт и культура кабардинского народа. Нальчик, 1956.
138. *Студенецкая Е.Н.* Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.
139. *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа. М., 1989.
140. *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы. М., 1989.
141. *Туганов Р.Х.* Страницы прошлого. Нальчик, 1989.
142. *Уарзиати В.С.* Культура Осетии. Связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990.
143. *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Нальчик, 1989.

144. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992.
145. *Хейзинга И.* Осень средневековья. М., 1995.
146. *Христианович В.П.* Горная Ингушетия // К материалам по экономике горного ландшафта. Ростов-на-Дону, 1928.
147. *Чочиев А.Р.* Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.
148. *Эвлия Челеби*. Книга путешествий. Вып. 2. М., 1979.
149. *Яковлев Н.Ф.* К вопросу об общем наименовании родственных народов // ЗСККГНИИ. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1928.
150. *Guldenstadt I.A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Geburge. Bd. 1. SPb., 1787.
151. *Kaempfer E.* Der allerneueste Staat von Cazan, Astracan, Georgien und vieler andern dem Czaren, Sultan und Schah zinsbaren und unterthanen. Nurnberg, 1723.
152. *Klaproth J.* Reisein Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. 1. Halle und Berlin, 1812.
153. *Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs, in die Jahren 1793 und 1794. Bd. 1. Leipzig, 1799.
154. (Stader) Tagebuch einer Reise die in Jahre 1781 von des granzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden. SPb und Leipzig, 1797.
155. *Reineggs J.* Allgemeine historisch – topographisce Beschreibung der Kaukasus. Bd. 1. Gotha–SPb., 1796.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974.

АКАК – Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Тифлис.

ВКБНИИ – Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик.

ЗКОРГО – Записки Кавказского отделения Русского Географического Общества. Тифлис.

ЗСККГНИИ – Записки Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону.

ИИНИИК – Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Орджоникидзе.

ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе.

КРО – Кабардино-русские отношения. XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х томах. М., 1957.

МПИО – Материалы по истории Осетии. Сборник документов. Т. 1. Орджоникидзе, 1933.

ОГРИП – Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.). Орджоникидзе, 1967.

РДО – Русско-дагестанские отношения в XVIII–XIX вв. Сборник документов. М., 1988.

РОО – Русско-осетинские отношения. XVIII в. Сборник документов. В 2-х томах. Орджоникидзе, 1976, 1984.

РЧО – Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сборник документов. М., 1997.

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.

ТВ – Терские ведомости. Владикавказ.

УЗАНИИ – Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп.

УЗКНИИ – Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик.

АВПР – Архив внешней политики России.

АКБНИИ – Архив Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

АСОНИИ – Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Ландшафт и историческая география	19
1. Этнодемографическая ситуация на Северо-Западном и Центральном Кавказе в XVI–XVIII вв.	19
2. Тенденции развития миграционных процессов	26
3. Формы хозяйственно-экономической адаптации к ландшафту	38
4. Ландшафт и модели общественной организации	50
Глава II. Институализация иерархических связей	75
1. Сюзеренно-вассальные отношения	75
2. Аталычество	93
3. Гостеприимство и покровительство	102
Глава III. Эволюция социальных и этнокультурных параметров ...	117
1. Социальная динамика	117
2. Динамика этнокультурных процессов	132
Заключение	156
Библиография	160
Список сокращений	168

Научное издание

Кожев Заурбек Анзорович

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕРКЕССИИ
(XVI – НАЧ. XIX В.): ПРИНЦИПЫ САМООРГАНИЗАЦИИ

Макет и техническое редактирование *А.В. Гергоковой*

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 23.12.2016
Формат 60х84 ¹/₁₆. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 10. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 172

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97, 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru